

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ**

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

**РОССИЯ
И
МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР**

2013 – 7 (253)

Научно-информационный бюллетень

Издается с 1992 года

**Москва
2013**

Редакционная коллегия:

Л.В. Скворцов – д-р филос. наук, шеф-редактор, *А.Г. Бельский* – канд. ист. наук, автор проекта, научный консультант, *Е.Л. Дмитриева* – главный редактор, *О.П. Бибикова* – канд. ист. наук, первый зам. главного редактора, *Д.Б. Малышева* – д-р полит. наук, *А.В. Малащенко* – д-р ист. наук, *А.Ш. Ниязи* – канд. ист. наук, зам. главного редактора, *В.Г. Садур* – канд. ист. наук, *В.Н. Сченснович* – отв. за выпуск.

Россия и мусульманский мир: Научно-информационный бюллетень / РАН. ИНИОН. Центр гуманит. науч.-информ. исслед. – М., 2013. – № 7 (253). – 162 с.

Тексты, представленные в бюллетене, даны в авторской редакции.

СОДЕРЖАНИЕ

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ: ИДЕОЛОГИЯ, ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ

<i>Владимир Аникин.</i> Россия: Сценарии политического и экономического развития на долгосрочную перспективу	5
<i>Ю. Бойко, Э. Садыкова.</i> Провинции особой важности	15
<i>Д. Мулюкова.</i> Становление и развитие региональных политических мифов в современной России (на примере Республики Татарстан)	21

МЕСТО И РОЛЬ ИСЛАМА В РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ЗАКАВКАЗЬЯ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

<i>О. Цветков, Р. Ханаху.</i> Исламская община в Адыгее: Внутренняя неоднородность и тенденции развития.....	27
<i>Индира Кадимова.</i> Особенности политической модернизации в Республике Дагестан.....	36
<i>В. Василенко, В. Малышев.</i> Исламский экстремизм в Северо-Кавказском регионе	42
<i>Алим Темирбулатов.</i> Геополитические факторы влияния Каспийского региона в оценках исследователей США.....	62
<i>Валентин Богатырев.</i> Меньшее из всех зол. Почему Киргизстан не видит альтернатив ОДКБ.....	68
<i>Елена Ионова.</i> Москва – Ташкент: Проблемы развития двустороннего сотрудничества.....	73
<i>Екатерина Борисова, Сергей Панарин.</i> Противоречия безопасности на примере водно-энергетических проблем Центральной Азии	78

<i>Дина Малышева.</i> Центральная Азия и вывод войск МССБ из Афганистана	85
---	----

ИСЛАМ В СТРАНАХ ДАЛЬНОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

<i>Н. Замараева.</i> Усиление исламского экстремизма в Пакистане в 2008–2010 гг.	95
<i>В. Шевченко.</i> Посткризисный период развития Ливана (1990–2012)	119
<i>Хайфа Трабелси.</i> Мусульманский этикет и правила поведения	131

МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

<i>Сомайе Пасандиде.</i> Исламизация политики и политизация ислама	139
<i>С. Дмитриев, А. Захаров, К. Орлова, Н. Цветкова.</i> VIII съезд русских востоковедов в Казани	144

КОНФЛИКТУ ЦИВИЛИЗАЦИЙ – **НЕТ!**
ДИАЛОГУ И КУЛЬТУРНОМУ ОБМЕНУ
МЕЖДУ ЦИВИЛИЗАЦИЯМИ – **ДА!**

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ: ИДЕОЛОГИЯ, ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ

Владимир Аникин,
доктор экономических наук
**РОССИЯ: СЦЕНАРИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО
И ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ
НА ДОЛГОСРОЧНУЮ ПЕРСПЕКТИВУ**

Проблемы развития мировой политической системы, определения места и роли России в настоящее время в мировом политическом процессе, смены исторических эпох, мировых цивилизаций остаются ключевой научной категорией политической философии и всегда начинались с научной революции, по выражению основоположника исследований ноосферы В.И. Вернадского, со взрыва научного творчества элиты: «Ходу научной мысли свойственна определенная скорость движения... она закономерно меняется во времени, причем наблюдается смена периодов ее замирания и периодов ее усиления. Взрывы научного творчества, повторяющиеся через столетия, указывают на то, что через столетия повторяются периоды, когда скопляются в одном или немногих поколениях, в одной или многих странах богато одаренные личности, те, умы которых создают силу, меняющую биосферу».

Поставленные в настоящее время политическим руководством страны задачи устойчивого развития России на основе инновационно-прорывного сценария и совершенствования социокультурных отношений в гражданском обществе требуют создания новой научной и политической элиты, диктуют необходимость разработки новых подходов к созданию научных основ системной стратегии политического и экономического поступательного движения страны на перспективу.

К середине 90-х годов прошлого столетия, оправившись от первоначального шока рыночных реформ, отечественная наука начала долгий и сложный путь к возрождению и обновлению гражданского общества на базе новой парадигмы развития (пост-

индустриальная, информационная цивилизация). Наиболее отчетливо это проявилось в области общественных наук, когда на базе освоения и развития классического наследия 1920-х годов (Н.Д. Кондратьева, П.А. Сорокина, В.И. Вернадского, А.Л. Чижевского, А. Богданова, Н. Бердяева и др.) сформировались и развиваются современные научные школы цикличной динамики и социогенетики, геодивизионного моделирования, информационно-коммуникационных технологий, макросоциологии.

В настоящее время в экспертных научных кругах при оценках и в документах выделяются два варианта содержания и механизма реализации перспективной стратегии социально-экономического и инновационно-технологического развития России – инерционно-рыночная стратегия и стратегия инновационного прорыва.

Первая стратегия, помимо длительных сроков реализации, может привести и уже частично привела к деградации научно-технического потенциала страны во многих направлениях естественных и технических наук, которая может стать необратимой, сохранит разрыв между академической, отраслевой, вузовской наукой и производством, усилит отток талантливой молодежи за рубеж, оголяя отечественную науку; инновации станут в основном ориентироваться на зарубежную научную и производственную базу (примеры с планшетами А. Чубайса для школ, переход на новые энергосберегающие лампы еще свежи в памяти). К чему это может привести при реализации в отраслях оборонно-промышленного комплекса с позиций национальной безопасности, особенно на новой, открывающейся второй волне приватизации, ответ однозначен.

Вторая стратегия – более привлекательна и предполагает концентрацию усилий ученых, государственную поддержку фундаментальных исследований и научных школ постиндустриальной, информационной и идеациональной парадигм развития. Характерные черты постиндустриальной и информационной парадигм развития представлены в табл. 1.

Становление информационного общества в России и интегрального социокультурного строя предполагает возвышение роли науки, формирование общества знаний (информационной цивилизации), а не возврат к средневековому обществу веры.

Понятно и очевидно, что реализация этой стратегии и сам процесс обновления государства, гражданского общества и бизнеса не будет безболезненным, встретит яростное сопротивление

национально-государственной бюрократии, привыкшей к бесконтрольности, всевластию на местах и во многом коррумпированной. Потребуется немало лет борьбы новых поколений и социальных сил, чтобы реализовать вышеназванные тенденции.

Таблица 1

**Сравнительная характеристика постиндустриальной
и информационной научных парадигм обществоведения**

	Постиндустриальная парадигма	Информационная парадигма
Лидирующие отрасли науки	Естественные и технические науки, экономика и право	Общественные, гуманитарные и экологические науки, науки о жизни
Отношение к природе	Познание для покорения природы	Ноосфера, коэволюция природы и общества
Форма развития	Линейно-прогрессивная	Нелинейная спираль развития, циклично-генетическая
Приоритет в развитии общества	Производительные силы, экономический базис	Информационное общество, духовная сфера, знание
Социокультурный строй	Чувственный	Интегральный
Подход к динамике общества	Формационный	Цивилизационный
Движущие силы развития общества	Классовая борьба, революции, насилие	Кооперация, сотрудничество, толерантность
Эпицентр	Западная Европа, США	Россия, Западная Европа, США, Китай

К тому же следует не забывать при принятии внешнеполитических решений действие обоснованного П. Сорокиным социального закона флуктуации тоталитаризма и свободы: в кризисных ситуациях усиливается государственная регламентация всех сторон жизни общества; когда кризис позади – эта регламентация ослабляется. А кризисов в XXI в. будет немало!

Отдельно здесь следует отметить тенденцию формирования многополярного мироустройства на геополитической арене. На рубеже веков геополитическая карта мира кардинально изменилась. Осталась лишь одна сверхдержава, которая заявила претензии на ведущую роль в однополярном мире, на положение своеобразной глобальной империи, – это США. Слова З. Бжезинского: «Геостратегический успех, достигнутый в этом деле (целей политики США. – В.А.), надлежащим образом узаконит роль Америки

как первой, единственной и последней истинно мировой сверхдержавы» – имеют шанс остаться в истории как великая геополитическая утопия XXI в.

И дело здесь не столько в историческом опыте краха глобальных империй, сколько в существовании новой геополитической и геоэкономической карты мира, насчитывающей около 230 самостоятельных государств, и в наличии нескольких центров экономической и политической силы, которые не пойдут послушно в фарватере американской внешней политики. Речь идет прежде всего о локальных цивилизациях – китайской, индийской, японской, российской (евразийской), мусульманской, латиноамериканской, которые имеют свои собственные интересы и системы ценностей. В XXI в. цивилизационные отношения, выбор между возможностью их столкновения или диалога и партнерства будут определять судьбу человечества. Именно здесь будет проходить главный водораздел глобальных политических отношений в первой половине XXI в. Хотя нельзя исключить, что к середине столетия вновь может возродиться биполярный мир с противостоянием двух сверхдержав – США и Китая.

Таким образом, все серьезные геополитические проекты мироздания, исходя из новых парадигм развития мирового сообщества, должны в качестве основополагающих критериев исследования проблемы учитывать циклический характер развития всех элементов общественного развития, новые тенденции и характерные черты постиндустриальной парадигмы развития, базирующиеся на построении многомерной геочивилизационной модели развития мирового сообщества (с прогнозной оценкой глобальной цивилизации в шести проблемных разрезах, в полях взаимодействия локальных цивилизаций в период становления постиндустриального общества). Исходными для прогнозной оценки развития являются два блока, характеризующие распределение между цивилизациями первичных ресурсов – трудовых и природных.

В последнее время активно обсуждаются проблемы трех вариантов устойчивого развития, т.е. различные аспекты модернизации России: «модернизация сверху», «решительный рывок», «постепенное развитие». При этом все эксперты сходятся в абсолютной необходимости проведения наряду с экономическими и технологическими преобразованиями весьма радикальных институциональных преобразований, включая в качестве основополагающего элемента полноценную политическую демократизацию страны. За последние 20 лет Россия прошла немало судьбоносных

«точек бифуркации», которых хватило бы ряду стран на 200 лет для выбора пути развития страны, и при этом среди них выделяются три позиции исключительной важности. Напомним эти «точки бифуркации», своеобразные развилки выбора.

1. *Демократизация или империя*: выбор был сделан М.С. Горбачёвым, в итоге распался СССР (очевидно, он не хотел распада «империи», но «колесница демократизации» плюс нарастание экономического кризиса затянули под собственные колеса «отца-основателя демократии по-русски», не оценившего должным образом последствия собственных шагов и во внешней, и во внутренней политике государства, с полным разрушением устоев существующего государства, с приходом «дикого капитализма»).

2. *Централизованное планирование или рыночная экономика*: выбор был сделан Б.Н. Ельциным – рынок, имеем рыночную экономику, не такую, как хотелось бы, эффективную, насквозь коррумпированную, но работающую (правда, с перебоями и структурно изуродованную).

3. *Бюрократия или олигархия*: выбор сделан В.В. Путиным. Конфликт проявился еще в 1997 г. и медленно развивался до 2003 г. В результате на сегодняшний день победила бюрократия под лозунгом «суверенной демократии», которая поставила под свой контроль бизнес и практически все ранее независимые общественные силы, став порою также акционером-собственником. Ныне эта «дефектная демократия» стоит на грани перехода в авторитарный режим, а отзвуки этой демократии слышны из Лондона.

Рамки краткого выступления на конференции не дают возможности подробно рассмотреть и дать глубокие оценки вариантам развития страны на долгосрочную перспективу. Но в порядке постановки проблем и комплексирования задач для их решения хотелось бы дать некоторые рекомендации по формированию основных направлений внешней политики России с учетом имеющегося опыта исследований в этой области.

Качество управления как параметр, оценивающий общую функцию любой социальной системы, характеризуется следующими четырьмя ключевыми показателями.

– устойчивость государственного управления – готовность системы управления к действиям в непредвиденных и кризисных условиях как способность преодолевать деструктивные воздействия внешнего и внутреннего характера;

– адаптивность государственного управления – способность к новому целеполаганию политического руководства в условиях новых вызовов и угроз;

– способность к лидерству – способность направлять общественное развитие, имея в идеале своими целями сплоченное общество и его модернизацию;

– эффективность элитообразования – уровень подготовки не только управленческих кадров, но и научной и культурной элиты, активное формирование общественных ожиданий.

Управление является существенной характеристикой, так как оно, с одной стороны, связывает между собой все остальные факторы развития государства (экономику, политику и т.д.) и в состоянии спровоцировать резкие изменения в них, а с другой – управление отвечает и за гармонизацию различных составляющих элементов мощи государства.

Используя представленный в общих чертах методологический подход и анализируя тенденции трансформации системы международных отношений и сложных процессов геоэкономического и геополитического характера, можно выявить несколько возможных сценариев развития международной обстановки в мировом сообществе на прогнозируемый период до 2020 г.

Сценарий I. Жесткая глобализация. Столпы евроатлантического сообщества (США и ЕС), обеспечивая интересы крупнейших транснациональных корпораций, будут выступать единым фронтом в ходе преобразования системы международных отношений и мировой экономики. США при всех имеющихся трудностях политического и экономического характера сохраняют единоличное лидерство в военной сфере и роль центра экономической мощи западного мира. Фактически это означает сохранение действующей однополярной модели мира с жесткой иерархической структурой управления.

Для России такой сценарий крайне неблагоприятен, поскольку предполагает безусловное закрепление доминирующих позиций Запада в мировой экономике. Он заметно ограничит шансы нашего государства стать полноправной частью современного мира. Функции России в глобальной экономике, по мнению западных политиков, скорее сведутся к обеспечению сырьевых потребностей развитых стран, а ее конкурентоспособность в сфере высоких технологий снизится до кризисных показателей. В военной сфере Запад будет стремиться к тому, чтобы свести к минимуму ракетно-ядерный потенциал России и зафиксировать ее обороно-

способность на уровне, позволяющем главным образом поддерживать внутривнутриполитическую стабильность и, возможно, удерживать КНР от военной экспансии на Дальнем Востоке в первые десятилетия XXI в. Кроме того, России может быть отведена определенная роль в решении задачи по предотвращению попадания стран Центральной Азии в сферу военно-политического влияния Китая.

Воплощение в жизнь сценария жесткой глобализации и сохранения модели однополярного мира будет означать для России существенное снижение ее военного потенциала и доли в мировой экономике.

Сценарий II. Умеренная глобализация. Основан на прогнозируемой тенденции постепенного снижения экономического потенциала США в первой половине XXI в. Некоторые признаки этого заметны уже сейчас – прежде всего, это неустойчивость мировой финансовой системы, базирующейся на американском долларе. В обозримом будущем США могут столкнуться с серьезными экономическими трудностями, так же как и другие страны, и хотя Америка вряд ли покинет список сильнейших мировых держав, но ее вес в евроатлантическом сообществе может уменьшиться. Евросоюз, напротив, постепенно займет позицию одного из ведущих экономических центров мира и усилит свой военный потенциал. Именно Евросоюз, а не Китай, который многие эксперты считают основным конкурентом США в первой половине XXI в., потенциально способен стать вторым полюсом силы.

Оптимальной стратегией для нашей страны в рамках этого сценария было бы принятие на себя роли регионального лидера, находящегося во втором эшелоне (подобно Китаю, сумевшему укрепить свои международные позиции и экономику, ранее оставаясь в стороне от противостояния СССР и США). Наряду с этим для России принципиально важно расширять сотрудничество со всеми формирующимися центрами военно-политической и экономической силы в мировом сообществе. В случае реализации сценария умеренной глобализации Россия сохраняет контроль над своими территориальными и природными ресурсами, однако для этого необходимо заметно повысить роль и влияние таких факторов, как государственное управление, внешняя политика, наука и образование, промышленность, структура экономики.

Сценарий III. Регионализация. В рамках данного сценария базовой идеей трансформации международных отношений станет формирование конкурирующих между собой торгово-экономических зон (регионов), крупнейшими из которых будут Северо-

Американская и Азиатско-Тихоокеанская, а также ЕС. Понятие «регионы» в данном контексте носит весьма условный характер, поскольку отдельные государства этих зон в борьбе на региональном уровне могут примкнуть к конкурентам и соперничество между этими зонами по мере выравнивания их экономической мощи усилится. Если в такой ситуации механизмы ВТО окажутся неэффективными, то торговые войны станут неизбежностью. Вероятность воплощения в жизнь данного сценария не слишком велика. Реализация сценария с позитивной регионализацией означает существенный рост по всем основным показателям (выше показателей сценария умеренной глобализации), который будет обусловлен формированием союзного государства нового типа, а также более тесной экономической и военно-политической интеграцией стран на постсоветском пространстве. При негативном сценарии регионализации Россия с ослаблением вертикали власти и подрывной деятельностью сепаратистских группировок в национальных автономиях может превратиться в «рыхлую» конфедерацию регионов, с утратой суверенного контроля над нефтегазовым комплексом страны, строящую свою политику исходя из требований более мощных экономических и политических интеграционных объединений.

Сценарий IV. Хаос. По существу этот сценарий объединяет несколько вариантов катастрофического развития событий в мире, которые могут быть спровоцированы различными факторами (например, резкое усиление террористической деятельности, природные аномалии, глобальный финансовый кризис или крупномасштабный военный конфликт). Прогнозировать, как в таком случае будет меняться конфигурация основных центров экономической и военной мощи, практически нереально. Это потребует отдельных исследований. Наиболее вероятными направлениями развития, по оценкам российских экспертов, являются сценарии «Умеренная глобализация» и «Позитивная регионализация», а основной тенденцией мировой геополитики в обозримой перспективе станет формирование нескольких сопоставимых по могуществу центров силы. Хотелось бы отметить, что начиная с 2007 г. метод «Стратегическая матрица» был модернизирован для решения прикладных задач оценки и прогноза изменения интегральных показателей мощи государства. На сегодня удалось решить задачу сопоставления потенциалов различных государств и их реализованной мощи в определенный момент времени с прогнозом до 2025 г.

В качестве примера приведу прогноз изменения рейтинга десяти ведущих стран мира (табл. 2).

Таблица 2

**Прогноз изменения рейтинга
десяти ведущих стран мира до 2025 г.**

Рейтинг в настоя- щее время	Государство	Рейтинг в 2025 г. (сценарий «Умеренная глобализация»)	Измене- ние рей- тинга
1	США	1	•
2	ЕС	2	•
3	Китай	3	•
4	Россия	4	•
5	Германия	6	▼
6	Франция	9	▼
7	Великобритания	8	▼
8	Индия	5	▲
9	Япония	10	▼
10	Бразилия	7	▲

Проведенные исследования показали, что позиции России с точки зрения экономических и демографических возможностей в настоящее время недостаточны, чтобы претендовать на роль самостоятельного мирового центра силы (значение интегрального показателя мощи России увеличится до уровня 6,61 условных единиц в 2025 г. с настоящих 5,82, не выходя тем не менее на нормативный уровень сверхдержавы – 7,5). В то же время сохраняющиеся военные возможности России (особенно в сфере ракетно-ядерных вооружений), оставшийся научный и космический потенциал страны пока еще определяют ее уникальную роль на мировой арене.

Россия в состоянии сформировать один из весомых центров силы современного мира только путем заключения двусторонних и многосторонних договоров в первую очередь со странами ближнего зарубежья и соседствующими приграничными странами. Поэтому стратегической целью России на ближайшие годы должна стать экономическая и военно-политическая интеграция постсоветского пространства.

В целом позитивный для России сценарий развития международных отношений должен, на наш взгляд, разрабатываться исходя из следующих условий.

- Внешняя политика является фактором второго порядка, зависимым от ключевых параметров мощи государства, прежде всего, от факторов управления, экономики (уровня развития промышленного производства, в первую очередь машиностроения и информационно-коммуникационных технологий, – нельзя модернизировать деградирующую экономику при отсутствии научно-обоснованной промышленной политики), уровня развития вооруженных сил.

- Утрата Россией сверхдержавного статуса в исторически недавнем прошлом оставляет открытым вопрос о ее дальнейшем внешнеполитическом статусе, который будет определяться как поиском путей ее взаимодействия с ведущими мировыми центрами силы, так и активным геополитическим наступлением евроатлантического сообщества на интересы России.

- Отсутствие в ближайшем геополитическом окружении России сильных союзников и надежных стратегических партнеров придает ее внешнеполитическому положению существенную степень неустойчивости.

- Усиление значимости новых нетрадиционных вызовов и угроз интересам национальной безопасности (терроризм, организованная преступность, опасность техногенных катастроф и др.).

Единственно приемлемый в этих условиях вариант «инновационного прорыва» потребует мобилизации всего творческого потенциала нации с построением эффективной системы стратегического управления, решением демографических проблем, привлечением новых кадров – существенное обновление правящей элиты назрело и необходимо в гражданском обществе.

В заключение отметим, что важнейшей задачей для России на мировой арене становится неуклонное повышение эффективности ее участия в международном разделении труда и получение наибольшей выгоды от этого процесса. Одновременно необходимо подчеркнуть, что только инновационный путь развития экономики России и ее структурная перестройка позволят создать необходимую экономическую базу для проведения самостоятельного внешнеполитического курса страны и обеспечения ее национальной безопасности.

*«Россия и мировой политический процесс»,
М., 2012 г., с. 12–21.*

Ю. Бойко,
доктор политических наук
Э. Садыкова,
кандидат юридических наук
(Дипломатическая академия МИД России)
ПРОВИНЦИИ ОСОБОЙ ВАЖНОСТИ

В современный период глобальных изменений перед Россией стоят масштабные задачи, связанные с модернизационными процессами. Необходимость разработки новых механизмов проведения эффективных экономических реформ, проблемы распространения терроризма, криминализации различных сфер общественной жизни, активность миграционных процессов требуют совершенствования государственного управления на федеральном и региональном уровнях. Новые условия предопределяют необходимость при решении задач внутреннего развития государств соотносить национальные интересы с универсальными и региональными тенденциями развития мирового сообщества.

Россия является крупной евразийской державой, имеющей самое большое число сухопутных приграничных стран. В числе ее морских соседей такие державы, как США и Япония, на Черном море страна соседствует с Турцией, на Каспийском – с Ираном. В результате распада СССР на месте одной крупной многонациональной страны возникло сразу 15 новых государств. У большинства из 83 субъектов Российской Федерации (РФ) административные границы совпадают с государственной, проходящей по морю, суше и рекам. Одни субъекты РФ унаследовали «старые» границы советского периода, другие имеют «новые», появившиеся в результате распада СССР. В таких субъектах, как Астраханская, Калининградская, Ленинградская области, Краснодарский край, республики Дагестан и Алтай, межгосударственные границы представляют собой сочетание «старых» и «новых» границ. Политические, экономические и социальные трансформации, происходившие в России после распада СССР, безусловно, оказали существенное влияние на формирование новых федеративных отношений в России. Переходный процесс в развитии российской государственности в новых условиях проходил достаточно сложно и неравномерно. Наряду с задачами политического и экономического реформирования страны особенно остро стоял вопрос о совершенствовании взаимоотношений между Центром и регионами в целях создания стабильного демократического государства. Известный

русский философ И.А. Ильин писал, что «федерация возможна только там, где народу (или народам) присущи искусство соглашения и дар политического компромисса... Всякая повышенная склонность к разногласию, к влюбленности в свое личное мнение, к упорству “на своем”, к тщеславию и самолюбию, к заносчивому властолюбию, к самодурству, к партийности и дроблению – неблагоприятна для федерации». Несомненно, события начального периода становления независимой России подтверждают мысли русского ученого.

После распада СССР в российских республиках и отдельных регионах усилились сепаратистские силы, которые попытались разыграть сценарий, только что с успехом реализованный союзными республиками. Многие автономные образования провозгласили на начальном этапе собственный суверенитет, способствуя центробежным тенденциям. В этот период со всей остротой встал вопрос о новых принципах построения Российского государства, решение которого могло быть успешным только с учетом многонационального и поликонфессионального состава государства (около 176 этнических групп и народов). Нестабильная политическая обстановка осложнялась и проблемами социально-экономического плана в условиях переходного периода.

В Стратегии национальной безопасности РФ до 2020 г. указано: «Россия преодолела последствия системного политического и социально-экономического кризиса конца XX в. – остановила падение уровня и качества жизни российских граждан, устояла под напором национализма, сепаратизма и международного терроризма, предотвратила дискредитацию конституционного строя, сохранила суверенитет и территориальную целостность, восстановила возможности по наращиванию своей конкурентоспособности и отстаиванию национальных интересов в качестве ключевого субъекта формирующихся многополярных международных отношений». В рамках указанных процессов важное значение имеют и вопросы внутренней регионализации. Задачи модернизации российской общественной системы не могут быть успешно решены без учета данного фактора. В новых условиях мирового развития роль внутренних регионов в безопасном существовании государства становится все более весомой. Переход к устойчивому развитию РФ в целом возможен только при обеспечении устойчивого и безопасного развития всех регионов. Это залог сохранения и функционирования страны как определенной целостности. Россия продолжает всесторонне реформироваться, и новые политические,

экономические, социальные и идеологические реалии будут вызывать потребность в дальнейшем уточнении и развитии системы взаимоотношений между субъектами Федерации.

Уникальность положения России на евразийском пространстве свидетельствует о необходимости выработки собственной геостратегической модели, выступающей квинтэссенцией различных национальных, культурных, конфессиональных интересов и ценностей. Прежде всего, следует отметить влияние географических особенностей российских территорий, расположенных на стыке цивилизаций Запада и Востока. В культурно-цивилизационном плане Россия граничит с буддистской, исламской и западноевропейской культурными системами. Одни народы и регионы тяготеют в той или иной степени к европейской системе ценностей, другие – к ценностям восточных цивилизаций. Границы Российской Федерации с Китаем на Дальнем Востоке и Финляндией и Норвегией на Северо-Западе являются культурными и политическими рубежами. На Кавказе государственные границы соприкасаются со странами, относящимися к разным культурным системам.

Постсоветское пространство стало одним из серьезных очагов нестабильности на современном этапе развития международных отношений. Рост этнонационалистических и этносепаратистских настроений, этнические и территориальные конфликты, активизация экстремистских сил, организованной преступности и т.п. создают серьезные проблемы в сфере обеспечения безопасности не только на самом постсоветском пространстве, но и за его пределами. Эффективность мер противодействия этим негативным тенденциям снижена проблемами международно-правового оформления статуса границе целым рядом государств и недостатками обустройства пограничной инфраструктуры. Среди приграничных регионов, которые на протяжении своей истории подвергались значительному внешнему воздействию, на наш взгляд, следует выделить обладающий значительным этнокультурным своеобразием и сложной историей Северо-Кавказский регион; крайне удаленный от Центра, но приближенный к государствам иной – восточной цивилизации – Дальневосточный регион; а также не имеющую общих границ с основной территорией России Калининградскую область.

Северный Кавказ – один из наиболее полиэтничных регионов мира – занимает особое место в ряду регионов Российской Федерации. Геополитическое положение республик Северного Кавказа, расположенных на перекрестке цивилизаций, создает для

них усложненную систему взаимодействия с исламским и христианским миром, государствами Южного Кавказа и российским Предкавказьем. В значительной мере этот фактор оказывает влияние на сохраняющиеся проблемы конфликтогенности региона. Исследователи обращают внимание на характерные для данного региона активные миграционные процессы, в том числе сменявшие друг друга на протяжении последних десятилетий тенденции притока и оттока населения из центральных областей России. Рост эмиграции из Северо-Кавказского региона в результате войн и революций XIX и XX вв. привел к образованию в странах Ближнего и Среднего Востока многочисленных и влиятельных диаспор адыгов (черкесов), чеченцев и ряда других северокавказских этносов.

Сложные проблемы Северного Кавказа определились еще в советские времена вследствие переселения целых народов, перекройки границ, неравномерного распределения производств. Социально-экономические и этнополитические процессы, начавшиеся в республиках бывшего СССР в конце 1980-х – начале 1990-х годов значительно усилили социальную напряженность на Северном Кавказе и привели к межэтническим конфликтам. Самыми яркими из них стали «чеченский кризис» и осетино-ингушский конфликт 1992 г. С начала 1990-х годов за Северным Кавказом прочно закрепилась репутация самого конфликтного региона России. В настоящее время криминогенная обстановка в регионе сохраняется, бандформирования осуществляют вооруженные нападения на места дислокации сил правопорядка, войсковых и полицейских нарядов, а также на различные объекты, расположенные на приграничной территории.

При определении подходов к решению комплекса рассмотренных проблем на Северном Кавказе необходимо исходить из следующих основных факторов, которые существенно затрудняют реализацию единой федеральной стратегии в данном регионе: невысокий уровень социально-экономического развития; полиэтничность (более 40 коренных народов и этнических групп); поликонфессиональность (ислам, православие, иудаизм, буддизм); перенаселенность (самый густонаселенный регион России по числу жителей на 1 км² при недостатке равнинных земель); проблемы низкой занятости населения; сложная демографическая ситуация (неравномерное заселение, миграционные процессы, проблемы беженцев); территориальные споры как внутри субъектов Федерации, так и между ними; проблемы сепаратизма, экстремизма, преступности и др. При рассмотрении комплекса основных при-

чин, влияющих на проблемы стабильности субъектов Северо-Кавказского региона, нельзя игнорировать потенциал внешнего воздействия, направленного на поддержку активности экстремистских сил, использующих межэтнические и межконфессиональные противоречия.

Важное место в геополитических векторах Российского государства занимает территория Дальнего Востока. Субъекты РФ в Дальневосточном федеральном округе имеют отличия по размерам территорий, наличию природных ресурсов, уровню социально-экономического развития, численности населения и др. Близость границ обуславливает и особенности национального состава субъектов Федерации в Дальневосточном федеральном округе. Так, например, на территории региона проживают около 40 тыс. корейцев, имеющих исторические корни в Республике Корея. Особо необходимо отметить и проблемы южных приграничных регионов Дальневосточного федерального округа, связанные с трудовой и нелегальной миграцией из Китая.

Этнокультурную специфику во многом определяет наличие центров буддизма в Бурятии, Туве и других субъектах Федерации в зоне проживания коренных народов – алтайцев, тувинцев, хакасов, шорцев и бурятов, протянувшейся по границе России с Казахстаном, Монголией и Китаем. В северных регионах Дальневосточного округа большие площади занимают крайне малочисленные коренные народы Севера с их традиционными хозяйственно-культурными укладами. С учетом геополитических условий рассматриваемых приграничных регионов обоснованно возникает вопрос о возможных угрозах стратегическим интересам РФ на Дальнем Востоке. Азиатско-Тихоокеанский регион, частью которого является Дальневосточный регион России, – крупный полюс мировой экономики. Интеграция в экономическое пространство этой важнейшей международной структуры является важным для сбалансированного территориального развития регионов Дальнего Востока направлением международного сотрудничества России. В этом процессе большая роль отводится развитию экономических отношений России с приграничными странами как на двусторонней основе, так и в рамках международных региональных организаций.

Мировой опыт свидетельствует о том, что одной из распространенных причин формирования новых этнических общностей может быть длительный отрыв части этноса от основного этнического массива. Причины такого отрыва бывают самые различные,

в том числе изменение геополитического положения и государственных границ, миграционные процессы и т.д. Все вышеперечисленное присуще с 1990 г. и Калининградской области, которая в результате изменения ее геополитического положения оказалась в отрыве от основной территории России. Калининградская область является единственным субъектом РФ, полностью отделенным от остальной территории страны сухопутными границами иностранных государств Польши и Литвы и международными морскими водами. Среди этносов, населяющих граничащие территории, можно выделить польский и литовский, которые, по мнению исследователей, с начала 1990-х годов, после «открытия» области для международных контактов, оказывают существенное влияние на развитие. Особое геополитическое положение этого субъекта Федерации играет важную роль в обеспечении национальных интересов России в Балтийском регионе и в Европе в целом. К важнейшим из них можно отнести обеспечение суверенитета РФ на данной территории, превращение области в ключевой российский регион для развития сотрудничества со странами Балтии и ускоренное развитие внешнеэкономических связей России с другими странами. Данный регион, обладая широкими возможностями для экономического сотрудничества, гуманитарного и культурного, научного и информационного обмена может способствовать установлению большего доверия и взаимопонимания между балтийскими республиками и Россией. Развитие Калининградской области тесно связано с вопросами вовлечения России в стратегическое партнерство со странами Европейского союза.

Сотрудничество в рамках экономических и стратегических интересов стран Балтийского региона может создать прочную основу для региональной и европейской безопасности, в которой определенное место занимает и Калининградская область в силу специфики геополитического положения. Рассмотренные примеры субъектов РФ показывают, что при исследовании вопросов укрепления национально-государственного единства важную роль имеет фактор геочивилизационной модели России. Оценка роли России в междивилизационном сотрудничестве невозможна без рассмотрения проблем межнационального и межконфессионального диалога в России. Исследование роли геополитических факторов развития субъектов РФ в условиях процессов глобализации и регионализации мирового пространства позволяет составить целостное, системное представление об особенностях влияния современных вызовов и угроз России, возможных подходов к разработке мер для

преодоления политической и экономической асимметричности ее субъектов.

Внутриполитическая стабильность России во многом зависит от сближения интересов населяющих страну народов, создания условий для их всестороннего сотрудничества, проведения ответственной и взвешенной государственной национальной и региональной политики. Комплексный подход к решению этих задач должен составлять основу внутренней государственной политики, обеспечивающей развитие РФ как многонационального демократического федеративного государства.

«Мир и политика», М., 2012 г., № 12, с. 130, 132–134.

Д. Мулюкова,

политолог

**СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ
РЕГИОНАЛЬНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ МИФОВ
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ
(на примере Республики Татарстан)**

В начале 90-х годов XX в. россияне столкнулись не только с изменениями в институциональной сфере, но и с необходимостью радикального пересмотра доминировавших ранее ценностей и установок. В политическом пространстве произошла замена коммунистической идеологии на новые социально-политические мифы, отвечающие требованиям постсоветского общества. «Перестройка началась с мифов (“так жить нельзя”), осуществлялась с мифологическим сопровождением (“иного не дано”) и завершилась под мифологический аккомпанемент (“рынок отрегулирует всё”)». Формирование политической мифологии в новейшей истории России происходило на двух уровнях: федеральном и региональном. Локальные мифы создавались в ответ на кризис идентичности: руководству новообразованных субъектов РФ необходимо было идеологически легитимировать свою власть. Субъектам, сформированным по национальному принципу, осуществить это оказалось несколько проще, поскольку у ряда из них к тому времени уже имелся опыт создания собственной государственности и население осознавало свою самобытность. В краях и областях аналогичные процессы протекали сложнее, уникальность того или иного региона пытались обосновать исходя из особенностей географиче-

ского положения, исторического развития, стабильности административно-территориального деления и т.д.

В настоящей статье рассматривается кейс Республики Татарстан с точки зрения формирования и развития региональных политических мифов на его территории. В связи с особенностями сложившегося еще в 90-е годы в Татарстане политического режима, имеющего признаки авторитарного, и в силу того объема ресурсов (как материальных, так и информационных), которыми располагает элита республики, регион продолжает оставаться местом, где субъектом, формирующим и распространяющим мифы, выступает местная правящая верхушка. С точки зрения мифологизации политического пространства, кейс Республики Татарстан представляет особый интерес в силу ряда причин.

Во-первых, между республикой и Центром сложились уникальные взаимоотношения в сфере законодательства, налогообложения, институционального строительства. Во многом эта уникальность способствовала становлению современного федерального устройства России с присущими ему асимметричностью и договорным характером.

Во-вторых, в отличие от многих других национальных республик в составе РФ со стороны властных структур Республики Татарстан была предпринята попытка создания «сверху» официальной идеологии, призванной способствовать формированию новой региональной идентичности.

В 90-е годы, когда в условиях тотального общественного кризиса развитие политического сознания абсолютного большинства россиян не успевало за быстро сменяющимися событиями, появился общественный запрос на максимально простое и понятное объяснение текущих процессов, что привело к актуализации традиционных мифологем («золотой век», «свой – чужой» и т.д.). Идеальную картину реальности, которую рисует политический миф, массы воспринимают гораздо активнее, нежели фактическую реальность, полную забот и проблем.

Исследователь В.А. Ачкасова выделяет следующие основные компоненты региональных мифологий, которые, на наш взгляд, были представлены в политическом пространстве Татарстана в 90-е годы XX в.

Историческая составляющая подразумевает акцентирование внимания общественности на тех или иных символических периодах локальной истории. Так, в 90-е годы руководство республики, борясь за суверенитет, стремилось возродить «золотой

век» самостоятельной государственности, ассоциирующийся в сознании правящей элиты со временем существования Булгарского царства, Золотой Орды и Казанского ханства.

Миссионерство как элемент локальной мифологии позволяет выделить регион из десятка других административно-территориальных единиц, подчеркнуть его значение для страны в целом. После заключения в 1994 г. Договора «О разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Татарстан» политическая элита республики стала создавать ей имидж первопроходца, лидера в становлении российского федерализма, выдавать свой опыт за некий идеал, на который должны равняться как остальные субъекты РФ, так и федеральный центр, в частности при урегулировании конфликта с Чеченской Республикой.

Геополитическая составляющая формирует внешнюю политику региона. Важный элемент внешнеполитической деятельности Республики Татарстан – распространение идеологии евроислама, которая представляет собой совокупность идей реформистского ислама, по своему духу приближенных к западной цивилизации. Эта концепция стремится оградить имидж республики от навешивания ярлыка региона, на территории которого распространяются идеи исламского фундаментализма и экстремизма, и тем самым повысить его инвестиционную привлекательность. В своем выступлении в Государственной думе Федерального Собрания РФ Т. Акулов, занимавший на тот момент должность директора Департамента внешних связей Президента Республики Татарстан, заявил: «Мы считаем, что на территории современного Татарстана удалось создать ту общность и то религиозное учение, которое могло бы выступать эффективным звеном в связях России с мусульманским миром и мусульманского мира с западными традициями». Иначе говоря, региональная элита в очередной раз подчеркнула значимость республики для реализации внешнеполитической стратегии России.

Утопическое прожектирование придает региональному мифотворчеству целенаправленный характер, мобилизуя местное сообщество на достижение того или иного образа будущего. Здесь уместно упомянуть миф о национальном суверенитете как панацее от всех проблем, получивший широкое распространение в 90-е годы на территории Татарстана. На политические процессы, протекающие в республике, всегда значительное влияние оказывали

взаимоотношения с федеральным центром. До начала 90-х годов Татарстан входил в состав СССР на правах автономной республики и был лишен правовых привилегий, предоставленных союзным республикам. В условиях начавшейся демократизации среди местного населения появились сторонники повышения статуса республики, расширения ее прав. Уловив эти настроения и вовремя осознав их значение для усиления своей власти, политическая элита принялась активно работать в этом направлении, развернув шумную пропагандистскую кампанию.

Образ врага и образ героя. В региональных мифологических схемах чаще всего факты принятия непопулярных политических решений, проведения неудачных реформ объясняются вмешательством во внутренние дела края «главного виновника всех бед» – федерального центра. В контексте этих представлений правящая элита Татарстана стала реализовывать с 1992 г. собственную политику мягкого вхождения в рынок в противовес российской шоковой терапии, взяв на себя «миссию защитника своего локального сообщества перед лицом пугающих перспектив “шоковой терапии” и всеобщей неопределенности». Что же касается образа героя, то применительно к Республике Татарстан именно он на протяжении долгого времени оставался наиболее значимым во всей региональной мифологии. Миф о М.Ш. Шаймиеве как наилучшем для республики руководителе из года в год распространялся властями среди широких слоев населения.

Функционирование региональных политических мифов находится в прямой зависимости от характера сложившихся в стране федеративных отношений. Выстраивание вертикали власти в 2000-е годы придало специфический характер процессу формирования новых политических мифов в регионах. Некоторые исследователи и вовсе заговорили об уходе региональных мифологий с политической авансцены. Однако, по нашему мнению, подобные выводы следует считать преждевременными. Федеративные отношения в современной России за последние два десятилетия не раз подвергались кардинальным изменениям, поэтому не исключена возможность возрождения в обозримом будущем практики прямых выборов глав регионов, на что указал в своем выступлении на одной из пресс-конференций и Президент РФ Д.А. Медведев. Возвращение к процедуре прямых выборов, в свою очередь, вновь поставит на повестку дня вопрос о политике формирования региональной идентичности. Следовательно, вполне можно ожидать и возрождения спроса на региональные политические мифологии.

Реформы 2000-х годов трансформировали и характер функционирования региональных политических мифов. Сейчас их главной целью является не легитимация власти губернаторов и выстраивание образа врага в лице федерального центра, а формирование благоприятного социального фона на своей территории, чтобы, создавая при этом образ максимальной лояльности Центру, проводить выгодную для себя политику и в то же время получать финансовые вливания из Москвы, привлекать иностранные инвестиции. В условиях, когда и национальная, и региональная политика начинают сводиться исключительно к экономическому развитию, локальная мифология становится более рациональной, нацеленной на экономический результат. И если в политической сфере между Центром и отдельными регионами возникают разногласия, то «в сфере экономики регионы уже видят себя частью большого российского пространства. Сказывается и помощь федерального центра в экономических достижениях конкретных регионов». Таким образом, значительно расширяется круг реципиентов региональных политических мифов, к местному населению и федеральному центру присоединяются зарубежные партнеры, транснациональные корпорации, международные банки и т.д.

В 2000-е годы в связи с изменением курса развития федеративных отношений в стране некоторым образом трансформировались и основные задачи региональных политических мифов. Задачей номер один для местной элиты стала легитимация власти не перед населением республики, а перед федеральным центром в силу практически прямой зависимости от него. В частности, со сменой политического лидера республики на второй план отодвинулся и пресловутый героический миф, идеализирующий первого президента Татарстана. На смену ему пришел, по словам самого М.Ш. Шаймиева, «не политик, а хозяйственник». Уже в своем первом послании Госсовету Р.Н. Минниханов недвусмысленно дал это понять. Российский исследователь Р.Ф. Туровский так охарактеризовал выступление Президента Республики Татарстан, в котором он отказался говорить о политических вопросах, в том числе и о взаимоотношениях с Центром: «Послание господина Минниханова означает “смену логики отношений” Казани и Москвы. Его задача – показать федеральному центру, что Татария – такой же субъект, как и все, и не претендует на особое положение... Минниханов стремится подстроиться под политику Кремля, тем более что ему нужна политическая поддержка федерального центра и лично Д. Медведева, а лояльность зачастую приносит еще и бону-

сы». В русле этой обновленной тенденции в эволюции национально-территориального устройства страны идея суверенитета, ставящая акценты на интересах преимущественно титульной нации, в 2000-е годы в дискурсе политической элиты Татарстана прослеживается уже не так отчетливо. Теперь, по словам В.К. Мальковой и В.А. Тишкова, несмотря на значимость этнического вопроса для основных субъектов местной политики, официальная пропаганда в Татарстане рьяно отстаивает идею о полиэтническом составе населения республики.

Тем не менее, подчеркивая свой статус равноправного субъекта РФ, регионы не всегда согласны с тем, как складываются их взаимоотношения с федеральным центром. Так, в ходе проведения сравнительного исследования официальных сайтов российских республик В.К. Малькова и В.А. Тишков выявили некоторые «обиды», затаенные татарстанской элитой. В частности, представителями электронных СМИ республики в качестве несправедливых действий Центра в национальной сфере упоминаются требования пересмотра некоторых положений новой редакции Конституции Татарстана, направленных на снижение статуса Татарстана и нивелирование национальных особенностей республики.

Анализ трансформации некоторых сюжетов региональных политических мифов Татарстана 2000-х годов позволяет сделать вывод о нелинейности данного процесса, который выступает как причиной, так и следствием многих федеративных тенденций. Сегодня, когда происходит смена векторов развития регионов, исследование локальных политических мифов не только может дать новые знания о политических процессах в регионах, но и позволит выявить наиболее значимые для местной элиты ценности, распознать их стратегии, а также тенденции и явления в политико-идеологической жизни субъектов РФ.

*«Ученые записки Казанского университета.
Гуманитарные науки»,
Казань, 2012 г., т. 154, кн. 1, с. 240–244.*

МЕСТО И РОЛЬ ИСЛАМА В РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ЗАКАВКАЗЬЯ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

О. Цветков,

старший научный сотрудник ЮНЦ РАН

Р. Ханаху,

заведующий отделом философии и социологии

Адыгейского республиканского института

гуманитарных исследований

ИСЛАМСКАЯ ОБЩИНА В АДЫГЕЕ:

ВНУТРЕННЯЯ НЕОДНОРОДНОСТЬ

И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

Данная статья представляет результаты исследования в Республике Адыгея, проведенного в 2010–2011 гг. На начальном этапе в декабре 2010 г. были проведены интервью с муниципальными служащими, курирующими вопросы взаимодействия властей с религиозными организациями. Интервью были проведены также с экспертами, осведомленными о ситуации в мусульманских общинах в Тахтамукайском и Кошехабльском районах и в городе Адыгейске. При этом использовался метод полуструктурированных интервью, т.е. основные вопросы респондентам были подготовлены заранее, но допускалась возможность свободной беседы и уточняющих вопросов. Затем, весной и летом 2011 г., проводился социологический опрос населения в Майкопе и Тахтамукайском районе (опрошено свыше 250 человек). По итогам опросов, почти 80% респондентов-адыгов считают себя мусульманами. При этом примерно такая же доля мусульман затруднилась ответить, какого направления в исламе (какого мазхаба) они придерживаются.

Респонденты были опрошены также на предмет знания ими основополагающих культовых норм ислама, предусмотренных для случаев поминок, свадеб, рождения детей и некоторых других. Выяснилось, что подавляющая часть респондентов не знает этих норм. Кроме того, почти половина респондентов сочла, что уровень знаний об исламе недостаточен также у имамов и эфендиев.

Респонденты указывали, что в 70% случаев они получали знания об исламе у собственных родителей, а около 30% познакомились с основами ислама через средства массовой информации. Коран был основным источником знаний примерно для 20% респондентов. Основополагающую роль друзей и близких в распространении исламских знаний отметили 15% респондентов (в данном случае анкета предусматривала возможность нескольких ответов).

Опрашиваемые указали, что в 70% случаев не совершают намаз. Почти 60% считают, что традиционные общественные и семейные нормы *адыгэ хабзэ* предпочтительнее норм шариата. Семейные отношения строятся в соответствии с нормами ислама у 5% семей. Регулярно посещают мечети, по данным, полученным от экспертов, от 2 до 5% мусульман. А по данным массового опроса – менее 10%. Каждый десятый адыг не считает себя мусульманином. Это объясняется тем, что в числе опрошенных были люди старших возрастов, впитавшие в себя атеистические убеждения еще в годы социализма. Некоторая часть людей, не считающих себя мусульманами, являются приверженцами иных религиозных взглядов. Немногим свыше 10% затруднились ответить на вопрос о том, считают ли они себя мусульманами.

Таким образом, подтверждается отличие Адыгеи от других северокавказских республик как территории, где ислам менее укоренен, а в социальных отношениях, включая семейные, преобладают светские нормы.

По оценке экспертов, ситуация в исламских общинах складывается благополучно. Такое мнение высказали все без исключения эксперты. Хотя, как обращали внимание эксперты, в отдельных населенных пунктах появилось небольшое количество ортодоксальных («нетрадиционных») мусульман («бородачей», «тюбетеечников»), воззрения которых несколько противоречат «традиционному исламу» и «адыгству». С точки зрения экспертов из мусульманской среды, плюсом является то, что количество верующих увеличивается. Чиновники же говорили, прежде всего, о благополучии ситуации в том смысле, что отсутствует религиозный экстремизм.

В ответ на просьбу кратко оценить ситуацию в конкретной исламской общине были получены такие ответы: «Нормальная ситуация, все спокойно, хорошо. По крайней мере, сейчас все под контролем, а что дальше – будет видно»; «Хотелось бы лучшего, хотелось бы большего. Но по сравнению с другими населенными

пунктами, может быть и с Майкопом, я считаю что у нас ситуация намного благоприятнее, т.е. если по количеству посещающих мечеть, по количеству мусульман, приходящих на пятничные намазы, у нас мечеть не вмещает, по пятницам люди молятся и на улице»; «Ситуация стабильная и не подвергается сомнению... отсутствие каких-либо противоречий между основными местными конфессиями – исламской и христианской, потому что и на телевидении была практика совместных передач по православию и мусульманству. Поэтому вопросы, связанные с взаимным сотрудничеством и взаимодействием органов местного самоуправления и религиозных организаций, решаются на уровне партнерских отношений. Там, где власть может в порядке компетенции, она поддерживает религиозные организации. В нашем районе не наблюдается таких действий, которые мы могли бы назвать противостоянием».

Тем не менее при социологическом опросе 15% опрошенных сочли, что в Адыгее может возникнуть реальная угроза радикализации части мусульман. Почти 45% респондентов затруднились сказать, возможна или невозможна дестабилизация на религиозной почве. А 15% заявили, что в ближайшее десятилетие у правоохранителей возрастет количество претензий к верующим. Половина опрошенных сочли, что отношения правоохранителей и мусульман будут складываться бесконфликтно.

В процессе интервьюирования экспертов большинство из них указали и на то, что среди мусульман есть определенные противоречия, в частности по вопросам толкования вероучения. А в массовом опросе было выявлено, что наличие подобных противоречий уже признают примерно 20% респондентов. Основные противоречия, с их точки зрения, концентрируются в вопросах о культовой стороне поминальных обрядов (так считают около 4%), иных ритуалов (4%) и вопросах толкования вероучения (3%). Свыше 10% респондентов считают эти противоречия уже очень острыми. Но примерно треть – что острота невелика. Половина респондентов затруднились оценить ситуацию.

По словам бывшего имама, а ныне эфенди, из поселка Яблоновский, по меньшей мере, в одном этом поселке сторонники «чистого ислама» постепенно начинают доминировать. Большинство мусульман Адыгеи придерживается ханафитского мазхаба. Однако повсюду на Северном Кавказе есть мусульмане, которые не относят себя ни к одной правовой школе. Мусульман «без маз-

хаба» причисляют обычно к последователям салафизма, так называемого «чистого ислама».

В ходе массового опроса было выявлено, что примерно 10% от числа опрошенных причисляют себя к «мусульманам-безмазхабникам». Однако в числе ответивших и те, кто попросту недостоаточно компетентен в исламском вероучении и не знает, что такое мазхаб. По словам эфенди из Яблоновского, большинство прихожан местной мечети составляют приверженцы чистого ислама из числа молодежи: «Это как раз даже ядро. Вот в чем и печаль. Скажем, большинство. У нас же в мечеть ходит в большинстве молодежь, к сожалению. На начальном этапе ходили старики. Кто-то уже покинул этот мир, да простит их Аллах. Кое-кто, совсем старый, уже не ходит. Как раз за эти 10–12 лет, когда мечеть открылась. А лет 5, 6, 7 назад и сейчас постепенно добавляется именно молодежь. А стариков нет. И в большинстве своем это как раз молодежь не придерживается мазхаба, никакого. <...> Вопросы возникают <...> не между мазхабами, а между теми, кто отрицает вообще мазхаб, и теми, кто придерживается мазхаба». Эксперт объясняет проникновение в поселок «чистого ислама» отсутствием у молодежи хорошего исламского образования и внешним влиянием, в частности распространением видеокассет, содержащих соответствующие проповеди. Вот что он, в частности, сказал: «У нас когда-то ходили его (боевика) кассеты с записями его проповедей, и молодежь заслушивалась». Однако о наличии среди местной молодежи радикальных взглядов бывший имам, по его заверению, никогда не слышал.

По мнению экспертов, один из источников идей «чистого ислама» связан с переселением сюда адыгов из зарубежных стран, а также с появлением в Адыгее выходцев из других республик Северного Кавказа, обучающихся в здешних вузах и иных учебных заведениях. Влияние на мусульманские общины Тахтамукайского района и города Адыгейска оказывают мусульмане из Средней Азии и стран Южного Кавказа, проживающие в Краснодарском крае. По оценке экспертов, количество выходцев из этих стран на пятничной молитве в Адыгейске превышает количество местных мусульман в два раза и более.

О наличии мусульман-безмазхабников в ауле Кошехабль рассказал муфтий местной мечети: «Есть некоторые бородатые. Даже один вот так отрастил, мы сколько с ним говорили и родители тоже, но он всё... не захотел. Но он уехал учиться в Египет». О существовании «бородачей» было сказано также в интервью с эфен-

ди из Адыгейска. Эфенди аула Егерухай посетовал на то, что «людям надо объяснять, что такое мазхаб». В ходе массового опроса было выявлено, что свыше 20% респондентов считают, что через какое-то время исторически сложившаяся в Адыгее форма ислама будет заменена на другую, соответствующую более «чистому», более «правильному» исламу. Но примерно четверть считает, что такого не произойдет. И почти половина респондентов затруднились обсуждать эту тему. С точки зрения респондентов, замещению «традиционного» ислама на «чистый» более всего могут способствовать мусульманские священнослужители. Такого мнения придерживаются почти 45% опрошенных. Свыше четверти респондентов считают, что на этот процесс может повлиять завозимая в республику исламская литература. Примерно 20% указывают, как на причину, на приезжих из других республик Северного Кавказа. Столько же респондентов указали на зарубежных адыгов. Примерно 15% считают, что привнести в республику «чистый» ислам и способствовать его распространению могут именно адыги-репатрианты.

На наш взгляд, в Адыгее наметилась тенденция консолидации части молодежи на основе «чистого ислама». По сути, то же происходит в других республиках Северного Кавказа, где, наряду с усилением этнических «лояльностей», существенно возросло значение солидарности на основе «чистого» ислама.

Сторонники «традиционного» ислама настаивают на следовании такой его версии, которая сложилась в Адыгее исторически и испытала на себе влияние адыгских этнических (языческих) обычаев. В то время как сторонники «нетрадиционного» ислама настаивают на искоренении языческих традиций. В настоящее время этнические традиции практикуются в похоронных, послепохоронных, свадебных обрядах и в некоторых других. В массовом опросе почти треть респондентов указали, что исторически сложившиеся в Адыгее элементы исламского культа «не вполне соответствуют» нормам Корана. Свыше половины затруднились об этом говорить. А 16% сочли, что противоречий между местным культом и требованиями Корана нет.

Попытка расслоения мусульманской среды манифестируется «нетрадиционными» мусульманами не только пропагандой своих религиозных взглядов, но и внешним видом. В отличие от «традиционных» мусульман, «канонические» мусульмане отращивают бороды и носят тюбетейки. Тюбетейка – культовый элемент одежды «нетрадиционных» и «чистых» мусульман. Принятый среди

адыгейских мусульман обычай носить шляпы они подвергают критике. Некоторые из них называют эти шляпы «еврейскими». По этим элементам одежды – шляпе или тюбетейке – часто можно определить приверженность мусульманина «традиционному» или «нетрадиционному» исламу. В ходе массового опроса выяснилось, что у «шляп» и «тюбетеек» практически одинаковое количество приверженцев – 23 и 22%. Больше количество респондентов – примерно 30% – отдают предпочтение традиционному этническому головному убору – папахе. А большинство – почти 40% – считают вопрос о виде головного убора не принципиальным и полагают, что мусульманин может носить любой головной убор. Около 10% затруднились высказать свою точку зрения. Негативное отношение части населения Адыгейска, Тахтамукайского и Кошехабльского районов к сторонникам «чистого» ислама проявляется, в частности, в том, что последних в бытовом обиходе называют (видимо, пренебрежительно) «тюбетеечниками».

Подобно тому, как по наличию на голове у адыгейского мусульманина шляпы или тюбетейки можно, как правило, определить его тяготение к той или иной версии ислама, примерно то же самое можно определить по наличию или отсутствию у него двахъ, небольшого кожаного мешочка, в котором зашит текст молитвы и который носят на груди на шнурке. Ношение двахъ – это местный культ, считающийся исламским (распространен также в Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии и некоторых других регионах). Однако сторонники «нетрадиционного» и «чистого» ислама считают, что обычай ношения двахъ противоречит исламу, поскольку, с их точки зрения, к Аллаху надо обращаться с молитвой, а не посредством языческих амулетов.

В ходе массового опроса респондентам был задан вопрос: «Как Вы относитесь к ношению на теле двахъ?» Почти половина ответили, что относятся одобрительно; 40% сказали, что относятся нейтрально. И только немногим более 10% респондентов сочли, что ношение двахъ противоречит Корану. Как представляется, исходя из разных критериев, общее количество «нетрадиционных» «чистых» мусульман приблизительно соответствует тем же 10%.

Противоречия между «традиционными» и «нетрадиционными» мусульманами носят религиозно-идеологический характер. По поводу имеющихся разногласий в толковании исламского культа были высказаны, в частности, следующие мнения. «Разногласия есть даже между аулами. <...>. Например, если умерла бабушка в возрасте 80 или 90 лет. Она, например, дала завещание своим де-

тям, что хочет <поминки> и на 40 дней, и на 7 дней. Как можно запретить? <...>. А так все мы говорим, что это слишком затратно, и по исламу это не предусмотрено. В течение трех дней надо церемонию похорон заканчивать».

Свою трактовку чистого ислама дал муниципальный служащий из аула Тахтамукай: «Языческие моменты у адыгов присутствуют в быту, например при погребении, и никто не думает, что это не ислам. Люди думают, что это ислам, его составная часть. Но в мечетях проповедуется чистый ислам (это не ваххабизм). Просто они говорят, что в исламе такого нет, того, что существует в традициях. Эфенди говорят, что, пожалуйста, соблюдайте свои традиции, но это не ислам. Мы проповедуем чистый ислам. Отсюда появление младомусульман. Это общекавказский процесс». В то же самое время он отметил, что «на сегодняшний день оснований для развития и распространения антигосударственных настроений (национальных, религиозных) нет».

О различиях в интерпретации веры и культа у старшего поколения и молодежи сказал муниципальный служащий из Адыгейска: «Мусульманство, которое исповедует старшее поколение и которое исповедует молодое поколение, несколько разное». В «чистый» ислам вовлекается, в основном, молодежь, и ее количество постепенно возрастает. Многие эксперты из мусульманской среды, включая служителей мечетей, осудили практику республиканского МВД по проведению обысков и задержаний мусульман. По словам экспертов, подобные мероприятия правоохранителей получили отрицательную оценку в мусульманских общинах.

При массовом опросе более 14% респондентов указали на то, что им известны случаи необоснованного, с их точки зрения, притеснения мусульман республики правоохранительными органами. Более 35% затруднились ответить на вопрос о том, известны ли им такие случаи. Более 45% респондентов заявили, что такие случаи им не известны. Уверенность в том, что отношения между мусульманами и правоохранительными органами в ближайшее десятилетие будут развиваться нормально, выразили только половина респондентов.

Некоторые мусульмане-эксперты говорили, что создание в МВД районных и иных подразделений по борьбе с экстремизмом провоцирует сотрудников этих подразделений к фальсификации служебной отчетности посредством выдвижения «искусственных» претензий к мусульманам и последующего документирования этих «претензий». С точки зрения экспертов, работа МВД и других

правоохранительных органов по пресечению и профилактике экстремизма должна проводиться тихо и незаметно. Говорили, что особое «внимание» со стороны сотрудников МВД к мусульманам оскорбительно. Было высказано мнение о том, что проверка сотрудниками МВД документов у мусульман, прибывших в Адыгею из стран Центральной Азии, может быть обусловлена тем, что эти иностранные граждане беззащитны перед недобросовестными сотрудниками полиции.

В ходе массового опроса только 14% респондентов оценили деятельность органов власти республики и правоохранительных органов по профилактике религиозного экстремизма как эффективную. А 26% опрошенных считают эту деятельность неэффективной. Большинство же – 60% от числа опрошенных – затруднились дать какую-либо оценку эффективности.

Надо заметить, что руководство Духовного управления мусульман Республики Адыгея и Краснодарского края (ДУМ) на протяжении многих лет выказывает свою готовность сотрудничества с правоохранительными органами в целях профилактики экстремизма. Так, в 2011 г. муфтий Адыгеи и Краснодарского края Нурбий Емиж неоднократно встречался с министром внутренних дел по Адыгее. Между МВД и ДУМ, а также Адыгейской епархией РПЦ заключено трехстороннее соглашение о сотрудничестве в целях профилактики экстремизма. Глава ДУМ периодически встречается также с главой Адыгеи и имеет, таким образом, возможность ставить перед ним проблемы мусульман. В июле 2011 г. глава ДУМ Адыгеи и Краснодарского края наряду с другими российскими муфтиями был участником встречи в Нальчике с Президентом РФ Д. Медведевым. Он поставил перед главой Российского государства два вопроса: о необходимости сокращения молодежной безработицы и строительства мечетей в Краснодарском крае. «На сегодняшний день в Краснодаре более 60 тыс. мусульман, но нет ни одной мечети. Чтобы решить этот вопрос, нужно выделить место для строительства мечети. То же касается города Сочи», – говорил Емиж.

Что касается деятельности муниципальной власти в отношении исламских общин, то эту деятельность эксперты в основном оценивают положительно. Хотя следует заметить, что по объективным причинам муниципалитеты могут немного. Как правило, в их административной структуре за связь с местными мусульманскими общинами отвечают один или два человека, причем на этих людей возложено множество иных обязанностей. Неизбежным ре-

зультатом такого положения дел являются несколько поверхностные отношения муниципалитетов с мусульманскими общинами.

Тем не менее представители муниципалитетов часто контактируют с муфтиями, в целом информированы о текущей ситуации и способны решать многие проблемы. Основные пожелания со стороны мусульман-экспертов сводятся к призыву содействовать исламскому просвещению: способствовать открытию исламских учебных заведений, трансляции специальных программ по телевидению и радио. «В России единственная Республика Адыгея, среди остальных <...> республик или местностей, исповедующих ислам, где нет ничего <т.е. мусульманских учебных заведений>. Вот это моя основная боль. В Башкирии, или в Татарии, весь Кавказ – вплоть до того, что даже разделилась Чечено-Ингушетия – в Ингушетии университеты исламские есть. В Дагестане, Чечне, в Кабарде, Карачаево-Черкесии, а у нас даже начального нет, медресе нет, ничего, к сожалению нет»; «Для нас самая большая проблема в плане развития то, что в школах нам не разрешают проповедовать и в учреждениях. У нас нет никаких шансов там появиться, хотя бы рассказать, как мы думаем о религии, какое нравственное и духовное воспитание должно быть у человека. Нам не дают все это проповедовать. Это самая главная проблема. Призыв у нас на самом деле медленно идет».

Очевидно, что в Адыгее наметившаяся тенденция приобщения молодежи к исламу будет нарастать. В том числе и потому, что уход в религию интерпретируется многими как чуть ли не единственный способ духовного существования в мире, покушающемся на справедливость, основы человеческой морали и нравственности. Данные массового опроса говорят о том, что почти половина респондентов из числа адыгов намерены воспитывать своих детей как мусульман. Только 13% видят иную альтернативу исламскому воспитанию. Вместе с тем 40% респондентов затруднились ответить на вопрос о своих намерениях.

Таким образом, в перспективе Адыгею ожидает, скорее всего, некоторый сдвиг в сторону укоренения ислама, появления большего количества людей, хорошо разбирающихся в вероучении и культе. Но будет ли этот сдвиг массовым? Видимо, нет – социальные отношения сохранят свой преимущественно светский характер. Несомненно, однако, что будет нарастать дифференциация мусульманской общины на сторонников традиционного ислама и «младомусульман» – приверженцев традиционного для Ады-

геи ханафизма, но выступающих за очищение его от языческих привнесений; будут и сторонники «чистого ислама».

По мере увеличения количества ортодоксальных мусульман их укоренения в республике и расширения среди них ортодоксально исламских лояльностей и солидарностей, скорее всего, будет возрастать вероятность появления и постепенного обострения противоречия между адыгами, сторонниками «исламского пути», с одной стороны, и адыгами, сторонниками нерелигиозного или слабо религиозного «адыгства», традиционного кодекса жизни черкесов, – с другой. Как выявило исследование, противоречия между сторонниками адыгства и мусульманами-ортодоксами выражено слабо, поскольку 40% респондентов считают, что нормы ислама и адыгства в основном совпадают и еще 6% – что они совпадают полностью. Лишь 14% опрошенных считают, что традиционная нормативно-культурная система адыгов главнее, и около 8% опрошенных сочли, что «ислам выше традиционной культуры».

Ответы, полученные на вопрос о соотношении адыгства и ислама, коррелируют с ответами, полученными на вопрос о соотношении адыгэ хабзэ («адыгского закона») и шариата. Большинство респондентов (56%) указали, что для них нормы адыгэ хабзэ предпочтительнее. Около 30% сочли, что адыгэ хабзэ совместим с шариатом. Однако 6% считают, что шариат предпочтительнее.

Таким образом, несмотря на имеющиеся противоречия в исламской общине, результаты проведенного исследования указывают на то, что в республике практически нет общественной поддержки религиозного радикализма.

*«Этнополитическая ситуация в России
и сопредельных государствах в 2011 году»,
М., 2012 г., с. 267–272.*

Индира Кадимова,
соискатель Дипломатической академии
МИД России
**ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ
МОДЕРНИЗАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ ДАГЕСТАН**

Среди целей политической модернизации в Дагестане можно выделить следующие: создание новых политических институтов для решения постоянно расширяющегося круга социальных и экономических проблем в республике; изменение политических

ориентаций элиты и лидеров республики на открытую борьбу; формирование рациональной бюрократии. Главной целью политической модернизации в Дагестане является возможность перейти с самой низкой ступени демократии на более высокую, трансформировать частично демократическую республику в демократическую.

Особенностью современного этапа развития дагестанского общества является наличие в нем глубинных процессов, свидетельствующих о кризисных явлениях в экономической, социальной и идеологической сферах. Общей причиной этих кризисов является характерное для переходного состояния дагестанского общества противоречие между новыми универсальными стандартами и старыми традиционными ценностями, сосуществование новых демократических политических институтов с прежними, рост неудовлетворенности населения. В связи с этим правящая элита стремится приспособиться к новым условиям и особенностям складывающейся ситуации. Можно выделить пять основных кризисов (идентичности, легитимности, участия, проникновения, распределения), сопровождающих процесс политической модернизации в Республике Дагестан.

Кризис идентичности связан с проблемой политической и национальной идентификации социального субъекта (индивида, группы, социального слоя). В условиях политической идентификации в Дагестане мы можем условно выделить три основных типа кризиса идентичности.

Первый тип характеризуется требованиями национального или территориального самоопределения, наблюдаемыми в современном Дагестане на примере конфликтов за территории Хасавюртовского, Новолакского и других районов республики.

Второй тип характеризуется социальной дифференциацией дагестанского общества, когда резкие социально-классовые различия препятствуют объединению. Модернизация социально-экономической системы общества привела к качественному изменению социального статуса различных групп населения. Резко выросла численность маргинальных слоев общества. Это привело к тому, что люди, утратив свой прежний социальный статус, не осознают своих интересов, не имеют четких представлений о новых правилах политической игры. Примером может служить резкий возврат к религиозным основам. Однако последний носит в ряде случаев агрессивно-радикальный характер. Особенно остро конфликт между политической властью и обществом проявляется в сознании

молодежи, которая в поисках места в социуме уходит в деструктивные религиозные секты как мусульманского (салафиты), так и христианского (Белое Братство, братство свидетелей Иеговы) толков.

Третий тип характеризуется в Дагестане конфликтом между этнической и субнациональной принадлежностью.

Одним из типичных проявлений кризиса идентичности в Республике Дагестан является рост этнонационализма. Разрушение прежних социальных связей усиливает роль национальной принадлежности как важного канала социальной идентификации. Усиление националистических тенденций и настроений связано также с преодолением комплекса неполноценности для маргинальных слоев общества. Подобные настроения используются политиками для привлечения масс. Примером является выдвижение кандидатов на выборах различного уровня по этническому признаку. Преодоление кризиса идентичности возможно с помощью политических лидеров харизматического типа, способных объединить этнонациональную или территориальную общность, а также посредством содействия людям в поисках чувства идентичности.

Кризис легитимности в Дагестане обуславливается следующими факторами.

Во-первых, не все основные группы интересов дагестанского общества имеют доступ к сфере принятия политических решений.

Во-вторых, статус основных традиционных институтов дагестанского общества подвергается угрозе в процессе политической модернизации.

Характерные черты кризиса легитимности в Республике Дагестан:

- отсутствие согласия в обществе относительно политической власти, признания дагестанцами принимаемых ею решений;
- чрезмерная конкуренция в борьбе за власть; политическая пассивность основной массы дагестанского общества, не обращающего внимание на деятельность власти;
- крайне ограниченные возможности правящей элиты Дагестана усилить свой политический авторитет.

Можно выделить следующие пути преодоления кризиса легитимности: во-первых, за счет реально демонстрируемой эффективности режима; во-вторых, посредством привлечения на свою сторону оппозиции.

Кризис участия обусловлен увеличением числа групп интересов, претендующих на доступ к процессу принятия решений в обществе. Это неизбежно обостряет конкуренцию в борьбе за по-

литическую власть. Вместе с тем в переходной политической системе дагестанского общества, как уже отмечалось, представлены не все группы интересов. К тому же правящая элита республики не проявляет заинтересованности во включении в политический процесс социальных групп, заявляющих о своих претензиях на власть. В результате происходит радикализация требований со стороны оппозиционных групп, что, естественно, не способствует политической стабильности. В данном случае действия правящей элиты по отношению к политической оппозиции проявляются в признании законности ее существования, но в условиях постоянного конфликта. Таким образом, важным условием преодоления кризиса участия в Дагестане является обеспечение каналов для включения в политическую жизнь общества всех групп, претендующих на участие в осуществлении власти. Успешное осуществление политической модернизации во многом зависит именно от способности политической системы переходного общества интегрировать требования оппозиционных групп интересов.

Два последних кризиса – проникновения и распределения – образуют кризис государственного управления в Республике Дагестан. Кризис проникновения проявляется в снижении способности государственного управления проводить свои директивы в различных областях общественной жизни. Иницилируемые федеральным центром инновации осуществляются не в желаемом для политической элиты виде. По мере осуществления решений происходит искажение их смысла, что связано с усилением влияния местных социальных структур, стремящихся обособиться от влияния извне. Наряду с этим население ориентируется в большей степени на региональные и национальные нормы и обычаи, а не на Центр. В этом отношении преодоление кризиса проникновения может быть связано с нахождением разумного компромисса между федеральным центром и Республикой Дагестан.

Кризис распределения в Дагестане выражается в неспособности правящей элиты обеспечить приемлемый для общества рост материального благосостояния и его распределение, позволяющее избежать чрезмерной социальной дифференциации и гарантирующее доступность основных социальных благ. Преодоление кризиса распределения в Дагестане возможно лишь при выполнении ряда условий. Одно из них заключается в том, что распределение должно осуществляться с учетом интересов наименее преуспевающих членов общества, людей с наихудшей исходной позицией.

Своеобразие и сложность ситуации в Республике Дагестан определяются тем, что реализация ключевых задач модернизации проходит при одновременном решении комплекса проблем: изменение политической системы, отсутствие экономических основ, аморфность демократических институтов, затрудняющая процесс формирования стабильной политической системы. В республике выбран путь быстрой, радикальной модернизации; правящая элита ориентируется на либеральный тип рынка, не вписывающийся в социальную реальность и традиции Дагестана. Правящая элита республики аутентично копирует политику модернизации, проводимую федеральным центром, без достаточного учета социально-политической ситуации в регионе. Оценка социально-политических последствий проводимых в Дагестане преобразований вызывает неоднозначную реакцию в обществе. Резкая дифференциация прослеживается как в социально-экономической, так и в политической сферах. Ситуация осложняется тем, что нет мощных противовесов этой углубляющейся тенденции, которые гарантировали бы постепенный характер перехода к социально ориентированной рыночной экономике, становление демократического типа политической системы. А поскольку в Дагестане не сложился ни один тип из «трех консенсусов», обеспечивающих гражданский мир, то весьма проблематичным является достижение социального компромисса.

В целом современный Дагестан предстает внутренне расколотым регионом. Острая политическая борьба разворачивается вокруг принципиальных вопросов общественного устройства: конституционного процесса, взаимоотношений с Центром, места и роли Дагестана в России. Трудности в осуществлении преобразований усиливаются отсутствием мощной политической силы общедагестанского масштаба, способной обеспечить стабильность и согласие в обществе. Цель модернизации Республики Дагестан – это успешное и благополучное развитие всех дагестанцев, что возможно только в развитом и едином Дагестане. Именно эффективное государство создает условия для мотивации к высокопроизводительному труду, обеспечивает защиту и безопасность граждан, адекватно времени решает возникающие проблемы.

В условиях закрепления на конституционном уровне асимметричной формы территориального устройства актуальность вопроса об обеспечении представительства народов и национальных меньшинств Республики Дагестан в органах государственной власти и местного самоуправления сохраняется и поныне, приоб-

ретаю особую важность. В соответствии со ст. 1 Конституции Республики Дагестан 2003 г., Дагестан есть единое демократическое правовое государство в составе Российской Федерации, выражающее волю и интересы всего многонационального народа Дагестана. В соответствии со ст. 6 Конституции Дагестана, в Республике Дагестан гарантируется защита прав всех народов и национальных меньшинств, проживающих на ее территории, в соответствии с Конституцией Российской Федерации, федеральным законодательством и общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами. Республика Дагестан признает и уважает национально-культурную и историческую самобытность народов Дагестана, создает условия для сохранения и развития их культурных и исторических традиций. Каждому из народов гарантируется равное право на защиту жизненных интересов на конституционной основе.

В настоящее время получается, что при формировании республиканского парламента обеспечением отмеченного представительства будут заниматься институты гражданского общества, и прежде всего политические партии. В результате последних выборов в Народном собрании (парламенте) республики удалось обеспечить адекватное национальное и географическое представительство. Каждый муниципальный район, городской округ и все 14 коренных малочисленных народов республики представлены в парламенте нынешнего созыва.

Следует особо подчеркнуть, что выбор в пользу пропорциональной системы выборов в республике осуществлен с учетом современного этапа развития российской государственности и в конечном итоге должен способствовать формированию единого общероссийского политического пространства, что очень важно для страны с большой территорией и различным уровнем развития регионов. Однако регулирование на федеральном уровне представительства народов и национальных меньшинств в законодательном (представительном) органе государственной власти субъекта Российской Федерации для Республики Дагестан на нынешнем этапе еще остается востребованным и актуальным. Так, ст. 69 Конституции РФ гарантирует права коренных малочисленных народов в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами Российской Федерации.

Для обеспечения большей вовлеченности дагестанцев в модернизацию республики, на наш взгляд, следует:

1. Обеспечить властью на уровне местного самоуправления предоставление гражданам полной, достоверной, своевременной и регулярной информации о своей деятельности.

2. Шире организовывать публичные слушания, общественные обсуждения и опросы граждан, практиковать публичные отчеты органов государственной власти и местного самоуправления.

3. Обеспечить реализацию принципа разделения государственной власти и формирование правительства на партийной основе.

*«Вестник Российской нации»,
М., 2012 г., № 4–5, с. 236–242.*

В. Василенко,

доктор политических наук

В. Малышев,

аспирант кафедры национальной безопасности

(РАНХиГС при Президенте РФ)

ИСЛАМСКИЙ ЭКСТРЕМИЗМ

В СЕВЕРО-КАВКАЗСКОМ РЕГИОНЕ

Рассматривая роль ислама в развитии России, можно выделить факторы как внутренние, так и внешние.

С позиции внутренних факторов ислам можно рассматривать, с одной стороны, как форму национально-религиозной самоидентификации «мусульманской» части населения, а с другой – как инструмент борьбы за власть религиозно-исламской элиты под лозунгом национально-освободительной борьбы. Анализ информации свидетельствует, что многие национальные и общественно-политические объединения республик Северного Кавказа под прикрытием необходимости возрождения традиций, культуры, обычаев коренных народов проводят политику, направленную на создание единого исламского государства. Состояние конфессиональной обстановки позволяет сделать вывод, что большая часть верующих-мусульман республики воспринимает возрождение религии как способ восстановления самосознания своих народов, культурно-национальных традиций и обычаев.

Лидеры и активисты национальных движений, преследующие в своем большинстве честолюбивые политические цели, поддерживают устойчивые связи с функционерами действующих в регионе исламских структур, хотя население в своей основной массе пока не склонно идентифицировать религиозные отношения

с национальными. Активизация исламских структур в регионе происходит на фоне попустительства со стороны некоторых органов власти северокавказских субъектов РФ, отсутствия необходимой законодательной базы и нежелания ее совершенствования. Подобная ситуация отвечает интересам элиты по расширению потенциального электората, перспективе получения денежных средств из исламских стран и одновременно обеспечивает возможность легального доступа к рычагам власти происламских сил. Развитие ситуации в данном направлении может привести к приходу к власти исламистских фундаменталистов.

Чаще всего радикальные исламские лозунги использует политическая оппозиция. В большинстве регионов она пока не способна составить серьезную конкуренцию властям. Однако кое-где, например в Дагестане, ее вес и влияние постоянно растут, и здесь нельзя исключать возможности ее прихода к власти, по крайней мере, в пределах города или района. В других субъектах России с традиционным исповеданием ислама остается высокая вероятность постепенного проникновения радикальных исламских политических лидеров во властные элиты и занятия в них отдельных ключевых позиций.

Другая опасность – соединение исламского политического радикализма с национализмом и сепаратизмом. В большинстве республик Северного Кавказа наблюдается некоторое ослабление позиций национал-сепаратистских сил. Они потерпели поражение на региональных и местных выборах и хотят вновь вернуть себе утраченные политические позиции, используя потенциал более привлекательных исламских организаций. Соединение национал-сепаратизма с политизированным исламом способно породить или усилить межнациональную напряженность в регионе. Кроме того, такое объединение усиливает политический потенциал конфессиональных и националистических движений, дает новый импульс формированию различных политических союзов и блоков, далеко не всегда лояльных по отношению к федеральной власти.

С позиции внешних факторов ислам можно рассматривать как проводник влияния ведущих исламских государств на мусульман России, а с другой стороны, как инструмент влияния России в исламском мире. Взрывное распространение ислама в 70–90-х годах прошлого века существенно изменило характер международных отношений, в том числе под углом зрения обеспечения национальной безопасности России. В данном контексте особого внимания заслуживают:

- амбиции ряда исламских стран превратить мусульманский мир в самостоятельный центр силы;
- реальное воздействие ислама на формирование многополярного мира;
- попытки США и некоторых западноевропейских стран разыграть исламскую карту в ущерб национальным интересам России (в США после вывода советских войск из Афганистана была разработана так называемая «Программа – М», предусматривавшая перенос исламского экстремистского движения на территорию мусульманских республик СССР);
- проникновение в Российскую Федерацию агентов влияния недружественных России зарубежных исламских центров и их попытки воздействия на внутреннюю жизнь страны.

Скоординированная деятельность мусульманских государств, в первую очередь Саудовской Аравии, Пакистана, арабских стран Персидского залива, религиозные центры, официальные круги, специальные службы и неправительственные организации которых, используя ислам, стремятся обеспечить благоприятные условия для оказания выгодного им воздействия на развитие политической и экономической ситуации в Северо-Кавказском регионе, дает основания рассматривать распространение ислама в качестве одной из угроз безопасности России в данном регионе. Северный Кавказ ввиду своего геополитического положения и этноконфессиональной структуры населения занимает особое место в межконфессиональных процессах в современной России. Здесь проживают более 100 национальностей и этнических групп, среди которых русские, украинцы, белорусы и другие русскоязычные группы составляют 74% населения, дагестанская – 7,6, чеченская – 6,2, тюркская – 4,5, абхазо-адыгейская – 3,4%. Численность населения региона составляет около 17 млн. человек.

В северокавказских республиках отмечается динамика роста и развития исламской инфраструктуры. С точки зрения угроз безопасности России, наиболее опасной является распространение идей ваххабизма, инициированное и финансируемое спецслужбами ряда арабских стран в рамках единой программы по дестабилизации обстановки и отторжению Северного Кавказа от России. Указанное движение является одним из основных источников распространения исламского терроризма на Северном Кавказе. Вызывает тревогу ориентация различных исламских организаций России на зарубежные мусульманские центры. Стремление исламских кругов России опереться на поддержку исламского мира нередко

приводит к заимствованию ими из-за рубежа политических и геополитических воззрений спонсирующей стороны. Иностранное влияние такого рода проникает в страну через сеть образовательных учреждений, организуемых в России на деньги того или иного мусульманского государства, а также в результате обучения в зарубежных исламских учебных заведениях российских студентов.

Процесс направления молодежи на учебу в исламские учебные центры по существу никем не координируется, в том числе и духовными управлениями мусульман России и отдельных ее регионов. В итоге большая часть российских студентов проходит обучение в исламских учебных заведениях наиболее радикального толка. Поэтому не удивительно, что в ряде мусульманских районов России растут вес и влияние исламских радикалов, воинственных фундаменталистов и различных мусульманских сект, не имевших ранее последователей на территории страны. Число тех, кто получил исламское образование за рубежом после распада СССР, превысило 10 тыс. Отсутствие государственной политики в области исламского образования усиливает опасность проникновения на территорию России наиболее экстремистских течений ислама.

Серьезная опасность кроется в противопоставлении российских мусульман остальной России как «православному государству». Тезис, обосновывающий закономерность отторжения мусульманских регионов от России «естественным» отторжением исламской культуры от православной (как якобы специфически русской и даже российской), давно и активно используется исламистскими группировками и связанными с ними политическими деятелями. Однако в последнее время этот тезис приобретает новых сторонников из-за чрезмерно внешне акцентированного проявления ориентации многих влиятельных общероссийских политических сил и лидеров на православие. На этом фоне мусульманские (как, впрочем, и все другие неправославные) общины России все острее ощущают себя неким «меньшинством» в иноконфессиональном «православном государстве». Отмечаются факты враждебного отношения к православной церкви. Представителями ваххабизма проводится активная работа по приобщению к исламу представителей русскоязычного населения, что негативно воспринимается верующими христианами. Финансирование этой деятельности осуществляется Фондом Ибрагима (Королевство Саудовская Аравия), расположенным в Москве. Лица, прошедшие обучение в ряде арабских стран, после возвращения начинают проповедовать ислам с проарабской ориентацией, получая зара-

ботную плату из указанного фонда в размере более 100 долл. в месяц.

Характерной чертой ислама в целом является соединение религиозного и светского законов воедино. Ислам в отличие от христианства не знал деления законодательства на каноническое и светское право. Положения Корана – это для верующего мусульманина «законы прямого действия», которые распространяются на всю его жизнь, как религиозную, так и светскую. Эту особенность следовало бы использовать в качестве инструмента влияния на мусульман как в России, так и в мире, основываясь на тех или иных религиозных положениях при взаимодействии с конкретными представителями исламской религии.

В то же время общественно-экономическая и политическая жизнь народов Северного Кавказа в настоящее время идет по светским, государственным законам, а не по законам шариата. На большинство сфер жизни традиционных мусульман ислам существенного влияния не оказывает (в большей степени это касается тех, кто проживает в городе), при этом практически каждый представитель из названных народов считает себя мусульманином.

Говоря о роли ислама в жизни республик Северного Кавказа, можно отметить, что он воспринимается не только как комплекс религиозных догм и ритуалов, но и как совокупность бытовых правил и обычаев на его основе, которых придерживаются даже люди безразличные к религии. С исламом, так или иначе, связано культурное и историческое прошлое народов Северного Кавказа, где многие события семейной и общественной жизни привыкли сопровождать мусульманскими религиозными формулами. В последнее время значительное число молодежи проявляет интерес к религии и активно приобщается к исламу. Представители мусульман стремятся объединить духовную жизнь горских народов: черкесов, абазин, карачаевцев, ногайцев.

По приблизительным данным, в настоящее время ислам в России исповедуют более 12 млн. человек.

В СССР духовная жизнь мусульман направлялась четырьмя духовными управлениями, сейчас же российское мусульманство не имеет централизованной духовной власти. Из единой иерархической структуры мусульман центральной части России в лице Духовного управления мусульман Европейской части СССР и Сибири (ДУМЕС, переименованного в 1992 г. в Центральное Духовное управление мусульман России и европейских стран СНГ (ЦДУМР)) отделилась часть приходов, которые учредили ряд са-

мостоятельных духовных управлений, образованных по национально-территориальному принципу. В 1990–1992 гг. после упразднения Духовного управления мусульман Северного Кавказа (ДУМСК) появились духовные управления мусульман Чечни, Северной Осетии, Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии, Ингушетии и Ставропольского края. В Республике Дагестан образовался ряд самостоятельных «духовных» управлений. По данным Минюста России на 01.01.1996 г., на территории России осуществлялась самостоятельную административную и каноническую деятельность 43 мусульманских духовных центра и управления, в настоящее время – 60, 102 религиозные школы различных уровней, шесть миссий и 2501 зарегистрированное в органах юстиции исламское религиозное общество, что составляет 2739 религиозных объединений (24% от всех зарегистрированных в стране религиозных объединений). Вместе с тем подлинное число действующих исламских организаций значительно больше, так как в ряде регионов они создаются явочным порядком без регистрации. Только на территории Северного Кавказа действуют восемь духовных управлений, 320 мечетей, более 400 медресе, девять учебных заведений по подготовке духовенства. Отмечая неравномерную степень распространения ислама на территории Северного Кавказа, следует выделить субрегионы, где его влияние приобретает наиболее угрожающий характер: Чечня, Дагестан, Ингушетия, Карачаево-Черкесия, Адыгея. Особенно велика сеть действующих исламских организаций в Дагестане – около 1000, в Чечне и в Ингушетии по 450–500. До 100 объединений в Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии.

Как религия ислам разделен на два основных направления: суннизм и шиизм. Это разделение восходит к временам жизни первых четырех преемников Пророка Мохаммеда.

Шииты в основном проживают в Иране, Ливане, Индо-Пакистане, а также в Ираке и Бахрейне. К числу менее значимых сект шиитской ориентации относятся алавиты (Сирия) и исмаилиты. Шииты – это древняя мусульманская партия, которая признавала законным преемником Мохаммеда только четвертого халифа – Али. У шиитов в определенной степени присутствует подобие духовной иерархии и как религиозное предписание – почитание пророков, святых, мучеников и мест их погребения.

С VIII в. в исламе также существует мистическая школа и разветвленное религиозное течение, получившие название «суфизм». Согласно учению суфиев лишь глубокое интуитивное

постижение, основанное на медитации, аскетизме и непосредственной передаче духовного опыта от учителя к ученику, является путем к познанию истины. В рамках суфизма существуют многочисленные объединения – братства, в чем-то напоминающие христианские монашеские ордена.

Сунниты наиболее многочисленны, их численность в настоящее время определяется примерно в 680 млн. человек. Сунниты признают законными преемниками Мохаммеда трех первых халифов, считают, что духовное руководство должно определяться Кораном и хадисами, а не властью духовных лидеров. В суннизме менее распространено почитание святых и мучеников ислама. Уважение, оказываемое потомкам Пророка, само по себе не дает им права на вероучительство. Данное религиозное течение распространено в большей степени на территории Карачаево-Черкесии и Ингушетии.

Проникновение ислама на территорию нынешней Карачаево-Черкесской Республики продолжалось в течение более 200 лет. Основное течение ислама – это мусульмане-сунниты ханафитского мазхаба. Для нынешних представителей народов, населяющих Карачаево-Черкесию и исповедующих ислам, эта религия является «молодой, активно развивающейся, наиболее близкой для понимания простому человеку, лояльно относящейся к его недостаткам, и ассоциируется со свободой слова». Одним из проводников распространения и укрепления позиций данного религиозного направления в Карачаево-Черкесской Республике является исламский институт имени Имама Абу-Ханифы, расположенный в Черкесске, в котором проводится обучение молодежи в возрасте от 17 до 35 лет в соответствии с нормами шариата и учебными программами, разработанными в зарубежных исламских центрах. Занятия ведут, в основном, преподаватели-иностранцы. Обучение студентов осуществляется в строгом соответствии с требованиями шариата и учением мусульман-суннитов ханафитского мазхаба, не идущими в разрез с принципами светского государства. Представители института неоднократно выступали на собраниях религиозных авторитетов-имамов КЧР, разъясняя основы шариата, осуждали некоторые местные обычаи, идущие вразрез с постулатами ислама, призывали жить в мире и согласии с христианами и верующими других религий, являющимися их соседями. Примечателен тот факт, что, несмотря на тяжелое финансовое положение указанного учебного заведения, его руководство отклонило ряд

предложений о финансовой поддержке со стороны представителей реакционных иностранных организаций, таких как «Аль-Игасса».

Наиболее влиятельной силой в среде мусульман республики является Духовное управление мусульман Карачаево-Черкесии и Ставрополья (ДУМ КЧРиС)¹, в котором представлены все основные нации традиционных мусульман данного региона. Практически все из 80 официально зарегистрированных мусульманских организаций на территории Карачаево-Черкесии действуют под руководством ДУМ КЧРиС. На территории Карачаево-Черкесской Республики значительно активизировалась деятельность сторонников ваххабизма. Здесь насчитываются 35 ваххабитских ячеек, объединяющих до 1700 человек, из числа которых создано 14 групп – «джамаатов». Каналами проникновения идей ваххабизма являются:

- возникновение в Карачаево-Черкесии мусульманских обществ, поддерживаемых зарубежными реакционными исламскими центрами, проповедующих идеи ваххабизма;

- организация в республике зарубежных исламских учебных заведений;

- выезды молодежи за границу (Турция, Сирия, Египет, Саудовская Аравия) для обучения в духовных учебных заведениях этих стран.

Республика Ингушетия по своему географическому положению расположена в зоне, которую лидеры исламизма называют «зеленым поясом исламских государств на Юге России». Исторически ее жители исповедовали ислам суннитского толка. Исламские обычаи здесь поддерживаются, прежде всего, укладом жизни. Стойкости исламских традиций способствует исторически сложившаяся система деления населения на тейпы (рода) и вирды (мусульманские братства), обуславливающая тесное переплетение родовых и религиозных связей, что крайне затрудняет проникновение в данную среду новых идей или религиозных течений. В начале 90-х годов на территории Чечено-Ингушской республики (ЧИ АССР) существовало около 50 вирдов. В Ингушетии их отмечено более десяти. Наиболее многочисленными из них являются:

- вирд Кунта-Хаджи; включает около 65% мусульман Ингушетии. Подавляющее число кунтахаджинцев являются сторонниками идеи ингушской государственности;

¹ В апреле 2010 г. мусульмане общины Ставропольского края вышли из Духовного управления Карачаево-Черкесии.

– вирд Дени Арсанова; включает 20–25% мусульман (так называемые накшбандийцы), имеет в целом пророссийскую ориентацию. В период существования ЧИ АССР накшбандийцы занимали ключевые должности в структурах власти и управления республики. В настоящее время отдельные члены вирда как в Чечне, так и в Ингушетии предпринимают попытки создания условий для объединения двух республик и восстановления своего влияния;

– вирд Батал-Хаджи; немногочисленный (10–15%), но очень сплоченный, располагает значительной финансовой базой за счет регулярных отчислений средств его членами, в том числе из криминальной среды. Члены вирда в большинстве равнодушно относятся к идее независимости Ингушетии.

Несмотря на то что процессы, происходящие в социально-политической жизни России и республики, привели к определенной эрозии нравственных устоев и религиозных взглядов, вирдовые авторитеты по-прежнему пользуются значительным влиянием, особенно в областях жизнедеятельности, связанных с отправлением культов и обрядов.

В 1994 г. на I съезде мусульман республики был создан Духовный центр мусульман Ингушетии (с 1995 г. Муфтият Республики Ингушетия), общественный орган управления делами религии в Ингушетии. Не обладая значительным влиянием среди населения, Муфтият концентрирует свои усилия преимущественно на создании системы исламского образования и упорядочении международных исламских связей. С этими целями им установлены и поддерживаются связи с общественными и государственными организациями стран Ближнего и Среднего Востока, Юго-Восточной Азии, ближнего зарубежья. Популяризация ислама в Ингушетии ведется как через государственные структуры республики, так и через международные исламские благотворительные и образовательные учреждения. В июне 2011 г. в республике состоялся Первый республиканский молодежный форум, на котором рассматривались вопросы противодействия распространению экстремизма. Однако, несмотря на некоторые изменения, обстановка сложная. Уровень радикализма молодежи высок, что является основным фактором пополнения рядов вооруженного подполья. Муфтий Ингушетии продолжает вести антигосударственную деятельность.

В настоящее время в республике значительно активизировали свою деятельность международные исламские организации, в частности Международная исламская организация спасения

(МИОС), Всемирная ассамблея исламской молодежи, Исламский комитет Аль-Бир, Спасение гуманности, Фонд Ибрахима. Как правило, активность международных исламских организаций в Ингушетии начинается с установления и развития личных контактов с отдельными жителями республики. При этом они оказывают материальную помощь определенным лицам, содействуют в выезде за рубеж для получения религиозного образования. Помимо увеличения притока в республику эмиссаров международных исламских организаций, определенного усиления их влияния на развитие ситуации в Ингушетии на дальнейшей исламизации сказалось появление значительного числа дипломированных богословов (более 1 тыс.), подготовленных в различных странах исламского мира и впитавших особенности их идеологий, отличительной чертой части которых является подчеркнутая антироссийская направленность.

Развитие ситуации в Чечне придало значительный импульс активизации ислама и особенно его крайне экстремистского и реакционного течения – ваххабизма. Крайним проявлением суннизма является «ваххабизм» (название получило по имени основателя Мохаммада-ибн-Абд-аль-Вахаба (1703–1792), учение, которое в виде руководства признает только Коран и Сунну, к которым не должны добавляться никакие человеческие интерпретации или комментарии. Учение ваххабитов отличается чисто пуританским аскетизмом: под формальный запрет подпадают употребление спиртного в любом виде, табак, музыка, танцы и игры; очень строгие требования к участию в предписанных молитвах и соблюдению постов. Права женщины также строго ограничены.

В Кабардино-Балкарии ваххабитские ячейки имеются фактически во всех районах республики, включающие до 1000 человек, имеются данные о наличии двух групп – «джамматов» в Нальчике и Баксане. Подавляющее большинство эмиров джамматских групп прошли военную подготовку в учебных лагерях исламских экстремистов. Имеются данные, что созданная система боевых групп главарями бандформирований планируется к разворачиванию боевых действий, постоянному проведению террористических актов на территории федерального округа, а также созданию условий для захвата власти путем формирования в общественно-политическом сознании населения мнения о слабости светских органов власти. Имеется информация о том, что религиозные экстремисты планируют установление в Кабардино-Балкарии шариатского государства путем целенаправленного изменения демографической ситуации в республике, активной пропаганды ис-

лама, особенно среди молодежи, в дальнейшем проведения плебисцита о целесообразности жизни по законам шариата. Сторонники данной идеи создали в Кабардино-Балкарии республиканскую «Шуру», которую рассматривают как элемент исламской государственности.

В Дагестане ситуация опасна с точки зрения неконтролируемости распространения идей ваххабизма. Активность его сторонников, ставящих перед собой цель выхода республики из состава России, основывается на опыте чеченского сепаратизма. По их мнению, захват власти в республике – дело времени. Практическая прозрачность границ с Азербайджаном позволяет ваххабитам нелегально получать из-за границы все необходимое для обеспечения их деятельности. Органы власти и официальное духовенство не оказывают на распространение и деятельность ваххабитов в этой республике должного сдерживающего влияния.

Разрастание ваххабитских ячеек отмечается и в зонах традиционного проживания сторонников исламского фундаментализма на территории Дагестана и Ингушетии, а также в Ставропольском крае. Во многих из них также созданы боевые группы – джамматы. Следует отметить, что практически все ваххабитские ячейки и джамматские группы Северо-Кавказского региона находятся под жестким контролем со стороны религиозно-экстремистских лидеров Совета полевых командиров. На основе строгой конспиративной системы ведется финансирование джамматских групп и ваххабитских ячеек, распространяются соответствующие печатные и видеоматериалы, путем подкупа чиновников организуется проникновение ваххабитских эмиссаров в органы власти. Идет процесс вытеснения из мечетей представителей официального духовенства и замены их на молодых имамов, подготовленных в исламских учебных заведениях за рубежом и являющихся приверженцами ваххабизма. Ваххабитами проводится активная работа по привлечению в свои ряды новых сторонников, прежде всего из числа молодежи, с использованием денежной заинтересованности. Пополнение ваххабитских рядов происходит как за счет религиозных фанатиков, так и из среды наиболее ущемленных в экономическом плане, а также из уголовной среды.

Усиливающиеся тенденции распространения идеологии ислама на территории Республики Дагестан и, как следствие, активное использование этого спецслужбами и исламскими центрами ведущих мусульманских государств, прежде всего Саудовской Аравией, Арабской Республикой Египет, Турцией, Ираном, Пакиста-

ном, в разведывательно-подрывных целях, приобрели угрожающие масштабы. Ситуация усугубляется отсутствием в республике реально функционирующего государственного или общественного органа, который мог бы координировать деятельность религиозных организаций, не вмешиваясь в их внутренние дела. Действовавшее ранее единое Духовное управление мусульман Дагестана распалось на три религиозных объединения, образованных по мононациональному признаку, деятельность которых, прежде всего, направлена на укрепление своего авторитета и занятие лидирующего положения в Дагестане. В республике в настоящее время действуют 1670 мечетей, 310 медресе, 14 мусульманских высших учебных заведений, три исламские партии. При мечетях работают 650 школ. В различных религиозных организациях служат около 3,5 тыс. имамов и муэдзинов. За последние десять лет свыше 1500 юношей выехали для обучения в десять мусульманских стран. Со стороны ваххабитов Дагестана отмечено стремление к объединению с другими экстремистскими организациями, сепаратистскими и националистическими кругами соседних республик. В частности, ими установлены контакты со своими единомышленниками в Чечне. Возникший альянс в перспективе может привести к реальным возможностям нарушить территориальную целостность России, создать новое независимое государственное образование по типу исламской республики.

О том, насколько сложна обстановка в Дагестане и куда ведут республику, говорит выход книги М. Тагаева «Наша борьба, или Повстанческая армия имама», напечатанная в Киеве в издательстве «Наука» 5000-ным тиражом. Книга вышла при поддержке «Центра международных стратегических исследований и планирования» и ОПС Кавказской конфедерации. В данной работе наиболее ярко выражена позиция северокавказского экстремизма, она является попыткой поднять против России всех мусульман. Первоочередными задачами ваххабитов являются дестабилизация обстановки, развал и уничтожение Ингушетии и Дагестана как субъектов РФ. По мнению экспертов, в РИ она будет решаться через существующие исламские учебные заведения ваххабитской ориентации и полевых командиров, организующих похищения людей. Основным источником распространения ваххабизма в Ингушетии является медресе «Аль-Бир» в Малгобеке.

Деятельность ваххабитов негативно воспринимается религиозными деятелями республики, которых поддерживает значительная часть населения. Во многих субъектах Российской Федерации, в

которых мусульмане составляют вероисповедное большинство, ваххабизм запретили. Подобные запреты были начаты Законом Республики Дагестан «О запрете ваххабитской и иной экстремистской деятельности на территории Республики Дагестан» (сентябрь 1999 г.) и продолжены в других субъектах России – Ингушетии, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии. В июле 2001 г. – распоряжение главы Временной администрации Чеченской Республики о запрете деятельности религиозных организаций и групп, исповедующих ваххабизм. Народное собрание Республики Дагестан вошло в Государственную думу (еще в мае 2000 г.) с законодательной инициативой о внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «О свободе совести и религиозных объединениях», предусматривающих запрещение на территории России ваххабитской и иной экстремистской деятельности. В ноябре 2011 г. муфтий Фарид Салман призвал российские власти запретить ваххабизм в России. Данный закон так и не принят.

Обращает на себя внимание политический курс ряда исламских государств, направленный на достижение своекорыстных стратегических целей на Юге России. В долговременной перспективе деятельность спецслужб, правительственных и неправительственных структур, религиозных мусульманских центров стран Ближнего и Среднего Востока, в первую очередь Турции, Саудовской Аравии, Иордании, АРЕ, Ирана, направлена на создание в Северо-Кавказском регионе зависимого от этих стран горского государства с последующим вытеснением России из этого стратегически важного региона и формированием так называемого «санитарного исламского кордона». Именно с этих позиций следует рассматривать и негласную поддержку перечисленными государствами деятельности Конфедерации народов Кавказа, других национал-радикальных движений, оказание им финансовой и иной помощи с использованием возможностей спецслужб и структур горской диаспоры в странах Ближнего и Среднего Востока. Вербуя сторонников, ваххабиты спекулируют на понятии «мусульманской солидарности». В то же время они считают «неверными» приверженцев классического ислама, всех мусульман, не принадлежащих к их религиозному течению. Так, например, боевик из банды Джумы Намангани, захваченный в плен в Киргизии, показал на допросе, что при каждом боевом центре есть мулла, который проповедует «чистый ислам» (т.е. ваххабизм). Мулла оправдывает террор ради «победы ислама» и указывает, что любой муфтий, имам, мулла, не принимающий чистый ислам, должен быть убит.

Хотя военные действия между самими мусульманами всегда осуждались как грех раскола («фитна»). Согласно Корану, «кто убьет человека без вины, тот как будто бы убил людей всех». Показательно, что эмир ваххабитов в Чечне, саудовский араб Абдурахман, издал «фетву» («благословение») на работоторговлю и похищение людей с целью получения выкупа. Вооруженные силы ваххабитов вторглись в мирный Дагестан, убив множество людей, включая мусульман, и были разгромлены.

Примечательно, что именно юристы Москвы под видом нарушения «свободы совести» вступились за ваххабитов в 1996 г., когда Конгресс мусульман Северного Кавказа призывал «объявить ваххабизм вне закона и немедленно расформировать вооруженные группировки ваххабитского характера». Ваххабитское учение является экстремистским, так как содержит в себе нормы и положения, подстрекающие к деятельности, которая направлена на посягательства, на права и свободы граждан, пропаганду войны, разжигание национальной и религиозной вражды, побуждение и принуждение людей к отказу от исполнения установленных российским законодательством гражданских обязанностей, нарушение общественной безопасности и порядка, создание незаконных вооруженных формирований, насильственное изменение конституционного строя Российской Федерации. При этом указанные нормы и положения являются основополагающими в ваххабитском учении.

Исламский экстремизм не отличается от любой другой формы идеологического насилия. Он проявляется в нетерпимости к представителям других конфессий или в противостоянии внутри ислама.

Под исламским терроризмом понимается использование со стороны исламских группировок таких методов политической борьбы, которые соответствуют понятию терроризма, т.е. незаконного применения насилия для достижения религиозных и политических целей. Отношения радикального ислама к государствам иноверных в теории основываются на концепции «священной войны», основанной на Коране и разработанной еще при жизни первых халифов. Согласно этой концепции, ислам должен вести непрестанную войну против всех инаковерующих до тех пор, пока не будет достигнуто их полное подчинение.

Территория Земли делится на три зоны:

– «земли ислама» («дар-аль-ислам») – земля покорности, территории стран, где ислам является государственной религией;

– «земли войны», «земли меча» («дар-аль-харб») – территории немусульманских стран, где обитают «неверные», «харби». Само существование «дар-аль-харб» аномалия, и оно должно быть превращено в «дар-аль-ислам»;

– «вассальные земли» («дар-аль-сульх») – территории стран, которые платят исламским государствам дань на основе мирного договора, где мусульмане находятся под защитой закона и пользуются полной политической автономии, живут согласно предписаниям шариата.

«Джихад» – это, в принципе, долг каждого свободнорожденного мужчины-мусульманина, если он здоров духом и телом и имеет достаточно средств для покупки оружия. Однако этот долг не является персональным: если где-то какое-то число мусульман ведет вооруженную борьбу против иноверных, то считается, что «джихад» уже идет, а присоединяться к нему или не присоединяться – личное дело каждого. Цель «джихада» – добиться того, чтобы «земли войны» перешли в разряд «земель ислама» или, на худой конец, в разряд «вассальных земель». Население Земли также делится на три категории:

– «правоверные», т.е. мусульмане;

– «ааль-аль-китоб» – «народы Книги», т.е. те, кому было даровано Писание, признаваемое мусульманами пророческим, – Тора (Пятикнижие Моисеево) и Евангелия: иудеи и христиане, почитающие хотя бы одного из Пророков, названных в Коране предшественниками Мохаммеда, – Нуха (Ноя), Ибрахима (Авраама), Мусу (Моисея) или Ису-бен-Мариам – «Иисуса, сына Марии», т.е. – Иисуса Христа; кроме них к этой категории с ранних времен относят также зороастрийцев, палестинских самаритян и харанских сабиев (с IX в.); позднее к ней же были причислены китайцы-конфуцианцы. Позднее народы, входящие в эту категорию, стали именоваться «народами договоренности» – «ааль-аль-дхимма», или просто «дхимми». После завоевания их стран и подчинения их всем им позволялось свободное отправление их вероисповедания при условии уплаты специального налога («харадж»). На «дхимми» могли накладываться и иные обязательства и ограничения: ношение отличительных знаков или одежды («дхийяр»), запрет садиться на коня и носить оружие, возводить новые культовые сооружения и открыто справлять свои культовые праздники; их свидетельство в суде против мусульман суд мог принять или не принять; если мусульманин убивал одного из них, его, как правило, не карали смертной казнью, а приговаривали к выплате ком-

пенсации. Во всем остальном закон охранял их личность и имущество так, как если бы они были мусульманами;

– все прочие. Это или материалисты (дахри) или идолопоклонники (кяффир). Эти народы после их завоевания могут выбирать лишь между обращением в ислам и смертью. На практике, однако, мусульманские завоеватели не так уж часто пытались осуществить этот принцип во всей полноте и жесткости.

Любому акту против немусульман должно предшествовать предложение добровольно принять ислам. Подчинившиеся входят в мусульманскую мировую общину («умму») и пользуются теми же правами, что и природные мусульмане – с запретом на отказ от «правоверия» под страхом смертной казни. Ислам используется как инструмент в руках нечестных политиков, религиозных лидеров для достижения собственных целей. Объектом агрессивных нападок религиозных экстремистов становятся современные политические институты и властные структуры, представленные «неверными», так как именно они являются главным препятствием на пути установления основ нового религиозного порядка. Одно из направлений их деятельности известно под названием «религиозного экстремизма». Религиозный экстремизм понимается как социально-политическое движение, стремящееся повлиять на процесс общественного развития, исходя из религиозно-правовых норм и вероучительных догм. Религиозный экстремизм не отличается от любой другой формы идеологического насилия. Он проявляется в нетерпимости к представителям других конфессий или в противоборстве внутри одной конфессии.

Религиозный терроризм – это крайняя форма проявления религиозного экстремизма, это тактика или стратегия религиозных групп, заключающаяся в систематическом, организованном и религиозно обоснованном использовании террористических актов для достижения поставленных целей. Следует отметить, что религиозный экстремизм практически никогда не выступал и не выступает в «чистом виде». Как правило, истинной причиной религиозных конфликтов были и есть экономические и политические интересы. Данные цели камуфлируются в благообразные религиозные одежды. Так, например, на Северном Кавказе истинными целями распространения ваххабизма являются расширение сферы политического влияния ряда исламских государств, в первую очередь Саудовской Аравии, а также регулирование процессов спроса-предложения и ценообразования на мировом рынке нефти и нефтепродуктов. Не случайно иногда встречаются высказывания

мусульманских лидеров, что некоторые исламские экстремистские группы не всегда представляют суть истинного ислама, так как ислам не может использоваться для обоснования террористической деятельности в силу его изначально мирного назначения.

С учетом изложенного, оценивая общую ситуацию в Северо-Кавказском регионе, необходимо отметить, что исламский фактор оказывает на ее развитие негативное воздействие. Подобный ход событий создает реальные предпосылки к усилению дезинтеграции, расширению локальных этноконфессиональных и этнотерриториальных конфликтов, отторжению северокавказских республик от России, обеспечивающему геополитический контроль со стороны мусульманских стран над жизненно важным регионом России.

В целях стабилизации социально-политической ситуации в регионе, предупреждения угроз безопасности и территориальной целостности России со стороны исламского экстремизма необходимо разработать и осуществить комплексную программу обеспечения безопасности Юга России с включением политических, экономических, социальных, правоохранительных и военно-стратегических аспектов. С учетом изложенного, можно выделить следующие отличительные тенденции, характерные для современной ситуации в исламской конфессии России.

1. Возрастание роли исламского движения в общественно-политической жизни Поволжья и Северного Кавказа. Это обусловлено: ростом числа последователей ислама; стремлением отдельных представителей мусульманского духовенства политизировать ислам в России; стремлением лидеров национально-сепаратистских движений использовать ислам для достижения своих политических целей; усилением деятельности зарубежных исламских организаций на территории Российской Федерации; активной конфронтацией между наиболее известными представителями мусульманского духовенства России; нерешенностью проблемы подготовки кадров мусульманского духовенства России. Данную ситуацию не разрешает действующий Закон РФ «О свободе вероисповеданий» и отсутствие нормативных актов, регламентирующих порядок открытия на территории Российской Федерации представительств иностранных религиозных организаций.

2. Устойчивое повышение интереса Саудовской Аравии, Турции (прежде всего), Пакистана, Ирана и других исламских государств к развитию ислама в Поволжье и на Северном Кавказе (особенно на Северном Кавказе) в целях активизации сепаратистских тенденций в этих регионах.

3. Региональные мусульманские организации и движения являются важной группой действующих субъектов исламского движения в России. В эту группу входят: политические партии, такие как Исламская партия возрождения Дагестана (ИПВД), Исламская демократическая партия (ИДП), – имеют свои отделения в Адыгее, Кабардино-Балкарии и других субъектах; административно-управленческий аппарат следующих региональных организаций: Духовное управление мусульман Чечни и Дагестана (ДУМЧД), муфтияты Карачая, Кабарды, Балкарии, Северной Осетии и Ингушетии. Опасность заключается в том, что муфтияты на Северном Кавказе представляют собой кланово-родовую ассоциацию, лидером которой обычно является лицо, занимающее соответствующий пост. К ним примыкают семьи, сформированные вокруг родов (тейпов); региональные мусульманские организации занимают промежуточное положение между государственными структурами типа СМР (Союз мусульман России) и радикальными местными религиозно-националистическими организациями; региональные мусульманские организации стремятся к большей независимости субъектов, которые они представляют, от федерального центра. В связи с этим они используются националистами и сепаратистами в своих антироссийских действиях.

4. Этнизация власти в целом ряде субъектов Российской Федерации, появление там националистических лидеров, разыгрывающих «исламскую карту», политический экстремизм и сепаратизм под знаменем ислама, особенно на Северном Кавказе, становятся одними из основных угроз для национальной безопасности и территориальной целостности страны. На фоне внутренних социально-экономических неурядиц нельзя исключать возможную радикализацию мусульман под влиянием экстремистских исламских организаций в центральных областях России, Татарстане, Башкирии и Калмыкии, активизации исламизма в Сибири, на Дальнем Востоке в местах компактного проживания мусульман.

5. Антироссийские силы на Западе и в мусульманском мире оказывают широкомасштабную поддержку исламским экстремистам в России. Активно инспирируются и внедряются в сознание российских мусульман идеи об их «оторванности от единого мусульманского мира», об «ущемлении прав мусульманского населения», «его неадекватной представленности в органах государственного управления». Предпринимаются попытки представить Россию как «главного врага мусульман» в мире. Исламский экстремизм задействуется для создания постоянных очагов напря-

женности на Северном Кавказе. Гегемонистские и экспансионистские претензии исламского мира, подогреваемые Саудовской Аравией, Ираном, Турцией, Пакистаном, экстремистскими организациями ряда стран Азии и Африки, налицо и попытки столкнуть исламскую и православную цивилизации, превратить Россию в полигон борьбы ислама и христианства, использовать ее как буфер против проникновения исламского экстремизма в Западную Европу.

6. Причины, стимулирующие распространение в России наиболее агрессивных течений исламского фундаментализма, кроются в ослаблении государственной вертикали власти, в существующем законодательном вакууме по отношению к исламскому движению, дисбалансе принимаемых на федеральном и региональном уровнях решений по регулированию межнациональных и межрелигиозных отношений, в условиях отсутствия согласованной концепции, регулирующей отношения государства с различными исламскими движениями.

7. В таких субъектах Российской Федерации, как Дагестан, Ингушетия, Чечня, Кабардино-Балкария, Адыгея, Карачаево-Черкесия и ряде других, ведется скрытая подготовка условий для достижения важной для них цели – построения независимого от России национального исламского государства с международным статусом. Это так называемый «ползучий сепаратизм». Открыто об этом, естественно, никто не говорит и говорить в обозримом будущем не будет.

С учетом выявленных особенностей развития исламского фактора и его влияния на сепаратистские тенденции в России считали бы целесообразным:

1. Активизировать работу всех органов власти, неправительственных организаций на борьбу с сепаратизмом в субъектах Российской Федерации с традиционным исламским вероисповеданием.

2. В интересах урегулирования сложившейся ситуации в исламском движении на территории Российской Федерации необходимо более активно и целенаправленно использовать такие факторы, как:

а) имеющее место взаимодействие госструктур, в том числе и на федеральном уровне, с религиозными и общественными объединениями, представляющими самые различные слои мусульманской общественности страны;

б) постоянное осуществление правоохранительными органами в установленном порядке контроля за соблюдением религиоз-

ными и общественными объединениями конфессиональной направленности требований действующего законодательства.

В этих же интересах необходимо:

а) решить вопрос о принятии положения о порядке открытия в Российской Федерации представительств иностранных религиозных организаций;

б) регулярно проводить научно-практические конференции для обсуждения широкого круга проблем российского мусульманства при участии авторитетных религиозных и общественных деятелей, представителей органов государственной власти;

в) разработать современную концепцию российских государственно-церковных отношений, учитывающую особенности деятельности в нашей стране мусульманских религиозных организаций.

3. Активизировать работу с членами политических элит в Центре и в регионах, общественными и религиозными деятелями основных конфессий с целью консолидации усилий перед угрозой экспансии исламского экстремизма, препятствующего сплочению населения вокруг идеи строительства общероссийской государственности. Зарубежный опыт свидетельствует, что борьбу с распространением исламского экстремизма необходимо проводить с опорой на самих мусульман, их духовных и общественных лидеров. В ограничении влияния агрессивных течений ислама на россиян заинтересованы главы большинства духовных управлений мусульман России. Наладить взаимодействие государства с лояльно настроенными представителями мусульманского духовенства, руководства исламских общественно-политических организаций, в том числе и на региональном уровне. Укрепить действующие и создать новые научно-исследовательские центры по проблемам ислама, системы подготовки мусульманского духовенства в России, что поможет оградить от зарубежного влияния активную часть сторонников ислама.

4. Осуществить меры по совершенствованию отечественной базы для подготовки мусульманского духовенства, включая выделение необходимых финансовых средств по государственной линии, а также приглашение зарубежных преподавателей, придерживающихся умеренной исламской ориентации. Одновременно ограничить направление российских студентов-мусульман на учебу в страны, где сильно влияние радикальных исламских кругов. Используя противоречия между исламскими странами и ведущими западными державами, добиваться (через возможности российской

дипломатии и спецслужб) уменьшения их активности в отношении мусульман России. Активизировать развитие экономических связей с исламскими странами и их финансово-экономическими институтами, прежде всего с Организацией экономического сотрудничества, содействуя появлению у них заинтересованности в политической стабильности и территориальной целостности России. В пропагандистской работе в государствах исламского мира делать основной упор на нейтрализацию попыток придать России образ «врага ислама», стараясь переключить внимание мусульманской общественности на такие проблемы, как ближневосточное урегулирование, обеспечение свободного доступа к святыням ислама в Иерусалиме, экономическая поддержка слаборазвитых мусульманских стран.

5. Запретить ваххабитское учение в России, так как оно находится в полном противоречии с российскими конституционными принципами и правовыми нормами, предусматривающими право граждан Российской Федерации на свободу мировоззренческого выбора, а также право на свободу совести и вероисповедания. В этом отношении ваххабитское учение содержит в себе нормы и положения, ориентированные на осуществление противозаконной деятельности, предусмотренной Законом о свободе совести и религиозных объединениях.

*«Вопросы национальных и федеративных отношений»,
М., 2012 г., вып. 3 (18), с. 153–171.*

Алим Темирбулатов,
кандидат экономических наук
(РГПУ им. А.И. Герцена)
**ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ВЛИЯНИЯ
КАСПИЙСКОГО РЕГИОНА
В ОЦЕНКАХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ США**

Анализ противоречивого комплекса мнений и исследований американских ученых относительно геополитической значимости Каспийского региона и оценка его влияния на политические и геоэкономические интересы ведущих мировых держав позволяют выявить целый комплекс факторов. Многие исследования российских и американских геополитических интересов рассматриваются в глобальной политике сквозь призму отношений между странами Каспийского региона и миром в целом.

Ресурсный фактор. В 1995 г. Американский нефтяной институт опубликовал данные, согласно которым государства Каспийского региона обладают 2/3 всех известных мировых запасов нефти (около 659 млрд. баррелей). Даная оценка была явным преувеличением. 30 апреля 1997 г. Wall Street Journal опубликовал данные о предполагаемых запасах нефти в Каспийском регионе, которые предварительно оцениваются в 178 млрд. баррелей. При этом приводились характеристики сложности рельефа дна Каспийского моря, расстояния от места добычи до берега, издержки в процессе производства и наличие примесей, и было отмечено, что все это сделает затраты на ресурсное освоение очень высокими. По другим многочисленным источникам, в том числе по мнению заместителя госсекретаря Строуба Тэлботта, ресурсный потенциал Каспийского моря оценивается в 200 млрд. баррелей. Другие исследователи дают более низкие оценки – 30–40 млрд. баррелей, а некоторые приводят цифру в 60 млрд. баррелей доказанных и вероятных ресурсов нефтяного эквивалента (включая газ). Дж. Кемп оценивает запасы нефти и газа Каспийского бассейна в 200 млрд. баррелей нефти и 279 трлн. м³ природного газа, по некоторым промышленным оценкам, они составляют 90 млрд. баррелей нефти. Подобные оценки безотносительно к их точности вводят в заблуждение многих ученых и исследователей, что не способствует обеспечению региональной стабильности и росту регионального благосостояния.

Некоторые ученые, например Чарльз ван дер Лью, отмечают, что оценка ресурсов Каспийского региона сильно зависит от качества нефти, сложности и способов ее извлечения, методов очистки и удобства поставки. По данным американских экспертов, себестоимость добычи нефти в канадских регионах оценивается в 30 долл. США за баррель, извлечение нефти из источников Аравийского полуострова обходится в 1 долл. за баррель. Оценка себестоимости извлечения каспийской нефти колеблется в диапазоне между 5 и 7 долл. США за баррель.

Правовой статус Каспийского моря является самым обсуждаемым как в российских, так и в американских источниках. Туркменистан как одна из стран, добывающих и транспортирующих газ, проводит осторожную политику: он поставяет газ в Северный Иран и оттуда импортирует нефть в сопоставимых объемах, что способствует снижению затрат каждой стороны на транспортировку. Туркмения и Азербайджан ведут острые политические дискуссии по вопросу об их общей границе по Каспий-

скому морю, Иран и Азербайджан спорят о праве вести исследования и оценку запасов моря; иранцы утверждают, что при отсутствии правового режима невозможно управлять эксплуатацией ресурсов.

По мнению некоторых исследователей США, Россия сохраняет за собой право односторонне исследовать запасы Каспийского моря, и хотя это противоречит принятым в мире тенденциям, такое положение дел сохранится, пока правовой статус Каспийского моря не будет урегулирован. Выработанные Российской Федерацией предложения по правовому урегулированию статуса шельфа Каспийского моря, а также инициированные ею политико-правовые решения относительно общей зоны пользования шельфом Каспийского моря, однако, были охарактеризованы Госдепартаментом США как не отвечающие интересам США в регионе. США считают, что необходимо разработать механизм блокирования какого-либо одностороннего развития и учитывать интересы конкурирующих держав.

Согласно мнению Л. Джонсон, соглашение 1998 г., заключенное между Россией и Казахстаном, по которому морское дно делится на национальные сектора, может теперь активно продвигнуть освоение соответствующих ресурсов в национальных зонах. Туркмения выступила против казахско-российского соглашения на том основании, что оно не было достигнуто путем многосторонних переговоров всех заинтересованных сторон, а предложенный принцип действия, по мнению Джулии Нэней, директора Petroleum Finance Company Ltd., поставил каждую страну в условия заложника. То есть проблема правового статуса этих зон должна быть оперативно решена, хотя она и не будет являться окончательным разрешением спорных проблем правового режима Каспийского моря.

Рыночные факторы. Важными вопросами остаются международная доступность конкурирующих энергетических ресурсов, ожидаемый рост потребления энергии, проектирование ценности энергетических ресурсов. Все это имеет важное геополитическое значение для развития стран.

Одним фактором, который может действительно считаться бесспорным, является возрастание спроса на энергию. Международное энергетическое агентство в Париже прогнозирует рост мирового спроса на нефть в пределах 2 процентных пунктов в течение следующих 20 лет. По оценке Министерства энергетики США, потребление энергоресурсов удвоится к 2030 г. и увеличится в че-

тыре раза к концу XXI столетия. Неуверенность в количестве запасов нефти и газа, в уровне будущих цен способствует диверсификации угроз и рисков в контексте стратегического анализа геополитической и геоэкономической стабильности стран Каспийского бассейна.

Транспортный фактор. По мнению ученых США, другая критическая переменная в оценке риска, который скрывается в сложных геополитических реалиях, – стоимость транспортировки нефти и газа. Данная опция риска поддерживается сложностью участия государства в структуре собственности, финансирования проектов, материальных корпоративных стимулов, налоговых авуаров, правоприменения и безопасности. Три новых государства на Каспийском побережье, в отличие от ведущих стран – экспортеров нефти и газа, не имеющих выхода к морю, могут экспортировать свою нефть только транзитом через соседние страны.

Существующие трубопроводы советской эпохи не отвечают рыночным условиям новых независимых государств. Россия, как ранее отмечено, использует свои трубопроводы, чтобы контролировать соседей, закрывая или ограничивая нефтяные / газовые потоки, когда это ей удобно. Широко применяя механизмы пошлин и тарифов, она использует доступ к трубопроводу как силовой рычаг для получения собственной доли в совместных проектах. Многие трубопроводы со временем устаревают, создавая проблемы с охраной окружающей среды, а новые трубопроводы становятся все более дорогостоящими для новых государств из-за монополизма России.

Американские исследователи отмечают, что российская сторона активно оперирует инструментами тарифной политики, доступом к существующим трубопроводам посредством монополистического контроля для сокращения, замедления, изменения (через ограничения) экспорта нефти и газа из Азербайджана, Казахстана, и Туркмении. В материалах информационного агентства «Франс-Пресс» приводится пример конфликтной ситуации с Азербайджаном, где российская сторона была вынуждена конкурировать с альтернативным проектом трубопровода, при высокой стоимости транспортировки нефти. Так, транспортировка нефти от каспийского порта Баку (Азербайджан) до черноморского порта Супса (Грузия) стоит 0,43 долл. США за баррель, тогда как стоимость транспортировки нефти от Баку до российского черноморского порта Новороссийск по трубопроводу «Баку–Новороссийск» оценивается в 2,15 долл. США за баррель.

США активно продвигают санкции против роста экспорта нефти из Ирана и имеют резервное предложение от компании *Main Export Pipeline (MEP)* по транспортировке нефти от портов Баку в Джейхан (Турция). Американское правительство выступает против иранского маршрута из соображений политической безопасности, потому и поддерживает маршрут Баку–Супса как одну из альтернатив. Данный вариант является не столько экономическим, сколько политическим проектом и отвечает позиции США по вопросу страхования политических рисков, а также обеспечения экологической безопасности. Официальные органы США рассматривают трубопровод «Баку–Джейхан» как главный экспортный трубопровод из соображений комплекса политических факторов, в том числе и фактора безопасности. При этом они отмечают, что они выступают не против существующих трубопроводов из Казахстана и Азербайджана к российским портам на Черном море, а против монополии России в этой области.

В настоящее время с трубопроводом из Азербайджана в Новороссийск конкурируют два трубопровода к г. Супса (Грузия): один, существующий, трубопровод «Баку–Супса» восстанавливается, другой, параллельный, имеет возможность продления до г. Джейхан (Турция) и, следовательно, может стать частью важного экспортного трубопровода.

Соединенные Штаты выступают против иранского маршрута, активно лоббируемого Туркменией, и вместо этого поддерживают проект транскаспийского газопровода от Туркмении к Баку, который в условиях разработки газопровода «Голубой поток» от России до Турции по дну Черного моря является весьма сомнительным проектом. Многочисленные проекты трубопроводов с учетом геополитических реалий и национальных интересов всех заинтересованных сторон широко представлены на сайте энергетического отдела Европарламента.

Экологические проблемы. Проблемы экологии при транспортировке нефти и газа являются значимыми, и при разработке различных проектов широко обсуждаются среди различных групп интересов. Они способствуют увеличению рисков, связанных с инфраструктурными проектами и возможными маршрутами. Исследователи США приводят в пример обеспокоенность Турции относительно экологических последствий транспортировки каспийской нефти, направляемой через Босфор. По этому поводу российские власти официально озвучили свою позицию о необходимости соблюдения права свободного прохода в соответствии с

соглашением Монте от 1936 г. (доля России в транзитной торговле через турецкие проливы составляет 25%) и обвиняют Турцию в ангажированности проблемы сохранения окружающей среды.

По оценкам американского правительства, которое поддерживает аргументы турецкой стороны, только «Каспийский транспортный консорциум» (*Caspian Pipeline Consortium – CPC*) добавит три-четыре супертанкера ежедневно к движению через Босфорский пролив, длина которого составляет 19 миль, а ширина – 672 м в самой узкой части. Босфор пересекает город Стамбул с населением в 12 млн. человек, которые не понаслышке знакомы со страшными последствиями серьезных несчастных случаев. Российское правительство и американские нефтяные компании тем не менее выражают беспокойство относительно экологической ситуации в Турции, в том числе относительно Босфора, так как всевозрастающий объем экспорта нефти однозначно приведет к росту давления на Босфорский пролив.

Такие факторы, как религия, традиционная экономика и уровень потребления, этническая самоидентификация, также являются, по мнению американских специалистов, важными компонентами, оказывающими влияние на геополитику стран Каспийского бассейна. Данные факторы сохраняют свою актуальность как для России, так и для Турции, где светская государственность столкнулась с проблемой радикального исламизма и национализма, и для Ирана, где сторонники президента Хатами бросают вызов 20-летнему правлению аятолл.

Названные факторы имеют значение и для новых стран Каспийского региона, где рост государственного и национального строительства столкнулся с факторами советского прошлого, проблемами религии и этнической принадлежности, которые играют различные роли в идентичности каждой из стран Каспийского региона. Судя по заявлениям должностных лиц, американская политика направлена на всемерное развитие сети трубопроводов для транспортировки нефти Каспийского бассейна, что, по мнению специалистов США, поможет региону достигнуть более независимого положения (освободив его от монополистического контроля России), гарантировать свободу поставки нефтяных ресурсов Каспия на мировые рынки (посредством быстрого развития восточно-западного транспортного коридора) и обеспечить энергетическую безопасность Соединенных Штатов и их союзников.

Совокупность преследуемых США целей включает создание трубопровода, который был бы независим от конкурентных рын-

ков центральноазиатских государств (Россия и Иран) и способствовал процветанию и укреплению суверенитета и независимости стран СНГ в Кавказском регионе и Центральной Азии и упрочению их политической стабильности (и в конечном счете – демократии), тем самым увеличивая коммерческую эффективность проектов США в регионе, сохраняя окружающую среду (Босфор не является приемлемым экспортным маршрутом для планируемого объема экспорта нефти из Каспийского региона), разрешая региональные конфликты и создавая эффективное регулирование межгосударственных отношений с обеспечением экономической и гуманитарной помощи.

«Власть», М., 2013 г., № 1, с. 170–173.

Валентин Богатырев,
координатор аналитического консорциума
«Перспектива» (г. Бишкек)
**МЕНЬШЕЕ ИЗ ВСЕХ ЗОЛ.
ПОЧЕМУ КИРГИЗСТАН
НЕ ВИДИТ АЛЬТЕРНАТИВ ОДКБ**

Несмотря на десять лет пребывания в Организации Договора коллективной безопасности, у Киргизстана накоплен лишь небольшой опыт отношений с ней. Если не считать регулярных встреч чиновников, а также некоторой технической и кадровой помощи (размеры которой, кстати, не шли ни в какое сравнение с той, что оказывали страны НАТО), связи с ОДКБ отмечены только двумя ситуациями.

Одна из них связана с российской авиабазой в г. Кант в 20 км от Бишкека. Она появилась в 2003 г. как незаmysловатый ответ на создание базы антитеррористической коалиции в аэропорту «Манас». Если необходимость и идеология последней были совершенно конкретны – обеспечение переброски войск и воздушной дозаправки авиации, действующей в Афганистане, то российская база создавалась как авиационный компонент Центральноазиатской группировки сил ОДКБ. Однако несколько приземлившихся в Канте российских самолетов не позволяют говорить о наличии какой-либо региональной авиационной структуры. Всем было понятно, что авиабаза российская и создана в ответ на появление базы антитеррористической коалиции. К тому времени на территории Киргизстана уже не присутствовали россий-

ские военные, сохранялась только пара объектов российской оборонной инфраструктуры, и «Манас» стал отличным поводом, чтобы вернуться.

Киргизская концепция национальной безопасности, которую проводил в жизнь тогдашний президент Аскар Акаев, была ориентирована на многовекторность и «зонтичность» обеспечения безопасности, она допускала нахождение в стране нескольких баз различных военных блоков. К тому времени Киргизстан был не только членом ОДКБ, но и, как большинство постсоветских стран, активно взаимодействовал с Североатлантическим альянсом в рамках программы «Партнерство ради мира». Более того, имелось достаточно приверженцев более тесного взаимодействия и даже вступления в НАТО. В частности, эту идею активно поддерживал работавший тогда послом в странах Бенлюкса выдающийся киргизский писатель Чингиз Айтматов. Причиной таких настроений во многом была не столько помощь, в том числе в укреплении оборонного потенциала, со стороны США и европейских стран, сколько почти полное забвение Москвой бывшей советской республики в первое постсоветское десятилетие. Ориентация на сближение с Западом в те времена явно доминировала. Поэтому решение о размещении в Канте российской базы (или базы авиационного компонента Центральноазиатской группировки ОДКБ) принималось Бишкеком скорее в силу приверженности многовекторности, чем как реальная активизация участия в блоке.

И сегодня, если вы спросите о кантской базе, мало кто в Киргизстане вспомнит ОДКБ. Кстати, и последнее соглашение уже не характеризует ее как элемент альянса, это однозначно российская структура в рамках объединенной российской базы. Все стало на свои места. И ОДКБ здесь ни при чем. Вторая ситуация еще знаменательней. За все время своего пребывания в составе организации Бишкек только однажды обратился с просьбой о помощи. Было это в июне 2010 г., когда межэтнический конфликт на юге страны каждый день уносил сотни жизней. Ответом на отчаянное обращение главы временного правительства Розы Отунбаевой стало заявление тогдашнего президента России Дмитрия Медведева, находившегося на ташкентском саммите ШОС в 300 км от места трагедии, о том, что вопрос о вмешательстве ОДКБ не может рассматриваться, так как такого рода реакции не предусмотрены ни уставом организации, ни какими-либо соглашениями.

Сегодня генсек ОДКБ Николай Бордюжа говорит, что блок активно участвовал в нейтрализации конфликта, были подготовле-

ны мероприятия и принимались меры. Но в Киргизстане прекрасно помнят, как долго составлялся перечень того, чем может помочь ОДКБ и как неспешно помощь поступала в страну. И было это уже после конфликта, погашенного усилиями самого Бишкека. Да и помощь сводилась чуть ли не исключительно к поставкам спецсредств. События июня 2010 г. окончательно утвердили киргизов во мнении, что помощи от ОДКБ ждать не стоит, эта организация не в состоянии обеспечить безопасность.

Есть две причины того, почему, несмотря на это, Киргизстан остается в составе союза. Первая заключается в том, что любая другая сила пользуется еще меньшим доверием. В силу целого ряда причин отношения Бишкека с соседями трудно назвать дружескими или даже небезопасными. Не говоря уже об Узбекистане, граница с которым практически закрыта, а отношения постоянно готовы сорваться в конфликт, даже Казахстан, с которым президент Бакиев подписал договор о союзничестве, постоянно предпринимает действия, омрачающие атмосферу между двумя странами. Таджикская граница, использование приграничных пастбищ и воды также постоянно подвергают испытаниям двусторонние связи. Наиболее стабильны и безопасны киргизско-китайские отношения. Но вековые стереотипы не позволяют рассматривать этого великого соседа как гаранта безопасности. Несмотря на постоянно декларируемую и реально проводимую китайской стороной политику невмешательства и уважения суверенитета Киргизстана, ощущение угрозы, исходящей из КНР, сохраняется. И уж точно никому в голову не придет полагаться на Пекин в обеспечении военной безопасности. Хотя помощь от соседа, в том числе в укреплении оборонного потенциала, охотно принимается.

Значительно больше людей, которые считают, что безопасность страны может обеспечивать НАТО. Несколько политических партий придерживаются такой точки зрения, и приди они к власти, вероятность перемен была бы велика. Достаточно прохладно относятся к ОДКБ и необходимости участия в нем молодые люди, особенно получившие образование в Турции, Европе, США. Однако по мере наполнения киргизско-российского сотрудничества новым реальным содержанием число сторонников прозападной ориентации сокращается. Негативное отношение к Соединенным Штатам и НАТО активно продвигается исламскими кругами. Существует устойчивое мнение об опасности для страны пребывания американской базы как возможного объекта атак исламистов.

Но главной силой, удерживающей Киргизстан в составе ОДКБ, служат не столько отношения с Россией, сколько отношение к России. Несмотря на практически полное забвение Москвой в первое десятилетие и отрезвляющий прагматизм нынешнего российского руководства, подавляющая часть населения страны наиболее тепло относится именно к России. Мало кто хочет присутствия российских, как, впрочем, и любых других иностранных военных, но все понимают, что в случае необходимости защита именно Российской армией является наиболее представимым и приемлемым развитием событий. И это обстоятельство играет ключевую роль в сохранении членства Киргизстана в ОДКБ.

Не следует так легко принимать внушаемый нам стереотип, что вывод сил коалиции из Афганистана приведет к серьезным негативным последствиям для Центральной Азии.

Во-первых, никто не ведет речь о полном уходе и, скорее всего, в Афганистане останется достаточно внешних ресурсов и механизмов контроля ситуации, даже если власть сменится. Американские эксперты и даже дипломаты не скрывают, что участие в афганских делах будет сохраняться на непредсказуемый срок, хотя, конечно, в других формах.

Во-вторых, определяющей для стран Центральной Азии будет не тема экспорта исламского терроризма, а контроль над северными территориями, включая вопрос об их статусе. Это действительно не только внутриафганская проблема, но и проблема отношений центральноазиатских государств между собой. Мы видим, что обстановка в Афганистане дает весьма опасные выплески за пределы своей территории, в том числе и в Центральной Азии. Не очень хочется обсуждать активно продвигаемые, особенно в российской квазиэкспертной среде, страшилки по поводу американских намерений дестабилизации Центральной Азии в качестве основания для того, чтобы, уйдя из Афганистана, остаться в регионе и тем самым не пустить туда Россию. Куда больше резонов в предположении о том, что США договорятся на этот счет с Китаем, которому дестабилизация в Центральной Азии совсем не нужна, но и Россия в этом регионе только мешает, и делегируют Пекину региональное если не доминирование, то лидерство.

Ну и, наконец, существует небезосновательное подозрение, что алармисты, пугая постафганскими последствиями, пытаются прикрыть другие цели, географически более близкие к России. Речь идет о военно-политическом контроле над Центральной Азией, важном для Москвы и геополитически, и в качестве средства обес-

печения конкурентных преимуществ по доступу к ресурсам. Во всяком случае, новые реалии и возможности для ОДКБ, возникающие в связи с предполагаемым выводом сил антитеррористической коалиции из Афганистана, а также с подходами Узбекистана, приостановившего членство в блоке, будут определяться позицией и действиями самой организации, и прежде всего Москвы.

Прогресс в вопросах пребывания российской военной базы и участия России в развитии энергетического потенциала Киргизстана, списании государственного долга существенно меняет отношение к ОДКБ, создавая перспективы участия Бишкека в работе этого военно-политического объединения на новом уровне. Мало кто понимал, зачем стране нужна российская база при полном отсутствии здесь российских инвестиций и активов и упорном нежелании простить «братскому» народу относительно мизерный, но и неподъемный для нынешних властей долг. Отсюда и реакция с киргизской стороны – неуклюжие попытки поднять цену за пребывание базы, запальчивые требования своевременно выплачивать ее, конфликты с российскими силовиками и другие недавние действия Бишкека. Теперь снова возникает давно забытое ощущение, что Россия действительно по-дружески относится к Киргизстану.

В этом же направлении действует и решение российского руководства о передаче Киргизстану вооружения, техники и оборудования военного назначения на 1,1 млрд. долл. Это сильный, многоуровневый ход российской стороны. Армия действительно нуждается в перевооружении. Все, что здесь сделано до сих пор, сделано подавляющим образом за счет стран НАТО. Столь масштабная поставка российской военной техники и оборудования делает его основным в киргизской армии. К тому же это повлечет за собой необходимость подготовки местных военных к работе на этой технике, что можно осуществить только с помощью России. Тем самым в борьбе военных стандартов преимущество будет, безусловно, у ОДКБ, работающей в российском формате.

Является ли этот выбор привлекательным для Бишкека, не будет ли в Киргизстан поставлено то, что не нужно самой России, – это уже другие вопросы. И хотя их часто задают в эти дни, но смотреть в зубы дареному коню не приходится.

*«Россия в глобальной политике»,
М., 2012 г., т. 10, № 6, ноябрь-декабрь, с. 164–168.*

Елена Ионова,
кандидат исторических наук (ИМЭМО РАН)
МОСКВА–ТАШКЕНТ:
ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ДВУСТОРОННЕГО
СОТРУДНИЧЕСТВА

В июне 2012 г. состоялся визит президента В. Путина в Ташкент, по итогам которого были подписаны Декларация об углублении стратегического партнерства и Меморандум о взаимопонимании, предусматривающий присоединение Узбекистана к подписанному 18 октября 2011 г. восемью странами СНГ Договору о свободной торговле. Итоги визита были расценены наблюдателями как шаг к дальнейшему сближению двух республик. Однако вскоре отношения Москвы и Ташкента в очередной раз подверглись серьезным испытаниям, что было связано с оглашением Москвой планов по оказанию содействия Киргизии и Таджикистану в строительстве гидроэлектростанций в верховьях Амударьи и Сырдарьи. Как известно, И. Каримов является противником этих проектов, видя в них угрозу водообеспечению республики.

Уже через три недели после заявления российского президента в Бишкеке о готовности РФ участвовать в строительстве в Киргизии Камбаратинской ГЭС 1 и Верхненарынского каскада ГЭС Ташкент заявил о намерении выйти из ОДКБ. Ситуация еще более усугубилась после того, как 14 сентября премьер Д. Медведев дал поручение Министерству энергетики РФ провести с участием российского МИД переговоры с Киргизией о подписании соглашений о строительстве этих гидроэлектростанций.

Многие эксперты в противостоянии РФ и РУ по данному вопросу видят геополитическую подоплеку. В частности, по мнению киргизского политолога М. Сариева, строительство гидроузлов на Нарыне несет РФ не столько экономическую выгоду, сколько политическую: «Россия хочет закрепиться в Центральной Азии и сделать своим форпостом Киргизию, а в дальнейшем – Таджикистан». Эти центральноазиатские республики уходят под военную защиту России, а Узбекистан – под защиту США, считает эксперт. Предполагается, что для Вашингтона сотрудничество с Узбекистаном выгодно тем, что позволяет США сохранить свое присутствие в регионе на случай очередного обострения ситуации в Афганистане, а также будет оказывать сдерживающее воздействие на Россию и Китай. Для Ташкента же появляется возможность получить новые денежные вливания.

Исходя из этих соображений, высказывалось предположение, что выход из ОДКБ нужен Узбекистану для того, чтобы иметь свободу действий в решении вопроса о возвращении на территорию республики американской военной базы. (Как известно, военная база США в Ханабаде была закрыта в 2006 г. после того, как Вашингтон осудил действия И. Каримова по подавлению мятежа в Андижане.)

Демарш Ташкента в совокупности со всей предыдущей историей его взаимоотношений с Москвой не способствовал укреплению доверия руководства РФ к Узбекистану. Тем не менее развитие событий отнюдь не свидетельствует о сколько-нибудь значимом ухудшении взаимоотношений Москвы и Ташкента или изменении внешнеполитических приоритетов последнего. В этой связи обращает на себя внимание принятие парламентом РУ закона, запрещающего размещение на территории республики иностранных военных баз. В нем также говорится, что Узбекистан не будет входить в состав каких-либо военных и политических блоков, а его военные не будут принимать участия в операциях (включая миротворческие) за пределами страны. По сути, это означает принятие Ташкентом нового для него статуса нейтралитета, что до определенной степени устраивает Москву. Тем более что Узбекистан демонстрирует готовность к развитию двусторонних отношений.

Об этом, в частности, свидетельствуют итоги визита в Ташкент министра иностранных дел РФ С. Лаврова, который состоялся в декабре 2012 г. накануне саммита ОДКБ, который закрепил приостановку членства Узбекистана в этой организации. Визит был посвящен трем главным проблемам: военно-техническому сотрудничеству двух стран, развитию их экономических связей и ситуации в регионе. Узбекская сторона подтвердила свою заинтересованность только в российском оружии и заявила, что американских военных баз на территории республики не будет. По словам С. Лаврова, Москва сожалеет о выходе Узбекистана из ОДКБ, но продолжает рассматривать его как своего союзника, что находит отражение в расширении программ военного сотрудничества.

Осенью прошлого года на основе решений, принятых в ходе июньского визита Путина в Ташкент, была подписана программа сотрудничества в сфере поставок вооружений для узбекской армии до 2020 г. Это дает основания некоторым экспертам предполагать, что именно поставки российского оружия по льготным ценам, а также отчасти совместные военные учения какое-то время опреде-

ляли интерес Ташкента к ОДКБ. Действительно, другие аспекты деятельности этой организации, такие как усиление координации внешней политики между членами блока, укрепление его миротворческого потенциала, совместное реагирование на чрезвычайные ситуации в регионе, на сегодняшний день представляются Ташкенту чрезмерными.

Тем не менее проблемы, связанные с Афганистаном, беспокоят и Москву, и Ташкент. Особенно они актуальны для Узбекистана, имеющего с Афганистаном общую границу. И. Каримов неоднократно выражал серьезное беспокойство по поводу усиления в регионе террористической угрозы в связи с поэтапным выводом из Афганистана сил международной коалиции, завершение которого намечено на 2014 г. В этих условиях обеспечение региональной безопасности объективно становится общей задачей России и стран ЦА. По мнению С. Лаврова, учитывая выход Узбекистана из ОДКБ, главной площадкой для двух стран в коллективном противостоянии этим угрозам становится Шанхайская организация сотрудничества (ШОС). По итогам переговоров с узбекским коллегой он заявил: «Задачи, которые были поставлены в резолюциях СБ ООН и на основе которых действуют международные силы, пока удовлетворительно не выполняются. Наркотрафик не сокращается, а растет, террористическая угроза также никуда не исчезла. Острая необходимость есть в коллективных усилиях по внешнему периметру афганской границы, прежде всего в контексте взаимодействия в рамках ШОС. В ШОС одобрены Антитеррористическая концепция, соответствующие программы, функционирует Региональная террористическая структура». Следует отметить, что рост значения ШОС по сути ведет к разделению с Китаем ответственности за региональную безопасность и к усилению и без того значительного влияния Поднебесной в ЦА.

В целом можно констатировать, что на сегодняшний день политические отношения Ташкента и Москвы в значительной степени характеризуются определенным недоверием друг к другу. Сохранится ли такое положение после вероятной смены власти в Узбекистане в 2014 г., когда в республике должны состояться президентские выборы, зависит от того, кто и с какими установками займет место Каримова. Однако следует отметить, что перипетии политических отношений Узбекистана и России не отражаются сколько-нибудь заметно на их экономическом сотрудничестве, которое продолжает развиваться.

Россия остается крупнейшим торговым партнером Узбекистана, на ее долю приходится 29,5% всего товарооборота республики. Его физический объем составляет в последние годы порядка 6,5–6,7 млрд. долл. При этом в 2012 г. на долю экспорта РУ в РФ пришлось 3,9 млрд. долл., в то время как импорт из России составил 1,7 млрд. Объем российских инвестиций достиг 5,7 млрд. долл., причем их подавляющая часть принадлежит российским компаниям «Лукойл» и «Газпром». На долю нефтегазового сектора республики приходится до 80% всех российских инвестиций. На переговорах с С. Лавровым его узбекский коллега А. Камилов вновь призвал российский бизнес вкладывать средства в другие отрасли, в частности в машиностроение и фармацевтику. В настоящее время на территории Узбекистана действуют более 800 совместных предприятий с участием российского капитала, в РФ – более 400 предприятий с участием узбекского.

В Ташкенте выражают удовлетворение присоединением к зоне свободной торговли стран СНГ. Однако при этом недовольство узбекской стороны вызывает введение Россией утилизационного сбора на ввозимые иномарки, отчего растут цены на продукцию узбекского автопрома и снижается конкурентоспособность его продукции на российском рынке. Незадолго до декабрьского визита Лаврова в Ташкенте состоялось 14-е заседание российско-узбекской межправительственной комиссии, на котором были разработаны очередные меры по развитию экономических отношений. Они предусмотрены, в частности, в подписанном соглашении о взаимной защите инвестиций, а также в программе экономического сотрудничества на 2013–2017 гг.

Однако наиболее важным для Ташкента стало то, что Москва смягчила свою позицию по вопросу строительства гидроэлектростанций в Киргизии. По словам вице-премьера РФ Д. Козака, представляющего российскую сторону на заседании межправительственной комиссии, «решения, которые вызывают сомнения в справедливости использования водных ресурсов, должны подвергнуться независимой экспертизе». Именно на этом и настаивал Ташкент.

Таким образом, сам по себе выход из складывающейся в рамках ОДКБ системы коллективной безопасности не означает снижения уровня взаимодействия двух стран ни в военно-политической, ни в экономической сферах. Скорее всего, он обусловлен стремлением Ташкента получить большую свободу действий в отношениях с третьими странами, прежде всего США и государст-

вами Европы, с помощью которых руководство Узбекистана надеется стабилизировать ситуацию в Афганистане.

В то же время в Ташкенте растет понимание того, что разобщенность действий самих стран ЦА и их противостояние друг другу в условиях усиления террористической угрозы чреваты для страны негативными последствиями. И если на сегодняшний день руководство Узбекистана не видит возможности укрепить отношения с Киргизией и Таджикистаном, то оно демонстрирует готовность активно сотрудничать с другими государствами региона – Казахстаном и Туркменией. В сентябре истекшего года состоялся официальный визит И. Каримова в Астану, в декабре Ташкент посетил премьер-министр Казахстана С. Ахметов. Его визиту предшествовало 12-е заседание межправительственной комиссии по двустороннему сотрудничеству. По итогам визита президента РУ был подписан целый ряд документов, в том числе совместное заявление о продолжении стратегического сотрудничества двух стран. В ближайших планах Ташкента и Астаны – подписание договора о стратегическом партнерстве.

Руководство двух стран рассматривает также возможности увеличения объема и расширения номенклатуры товарооборота, который в 2011 г. составил около 2 млрд. долл. Узбекская сторона предлагала расширить поставки в Казахстан сельскохозяйственной техники, продукции автопрома, легкой и плодоовощной промышленности. При этом Ташкент выразил заинтересованность в поставках из Казахстана нефти, продукции металлопроката и леса.

По итогам декабрьского визита казахстанского премьера в целях налаживания более тесных и эффективных экономических связей был создан Деловой совет между торгово-промышленными палатами РУ и РК. Однако главным фактором сближения Ташкента и Астаны стало их общее недовольство решением Москвы содействовать созданию новых гидроузлов в Киргизии и Таджикистане. Астана и Ташкент выразили совместную озабоченность относительно планов Москвы, которые, по их мнению, нарушают обязательное условие – согласие всех стран, использующих ресурсы Амударьи и Сырдарьи. Не исключено, что именно благодаря совместным усилиям руководителей Казахстана и Узбекистана РФ согласилась на проведение независимой международной экспертизы. По словам И. Каримова, «можно говорить о строительстве этих плотин при одном условии – если это не носит разрушительного характера и если это не изменит сток воды, и мы будем получать не меньше воды, чем сегодня. И Казахстан, и Узбекистан исполь-

зуют эти воды, и должен сказать – наша потребность удовлетворяется на уровне 70–75%, а если завтра построят дамбы, то мы не знаем, а какой процент у нас будет воды».

*«Россия и новые государства Евразии»,
М., 2013 г., № 1, с. 60–65.*

**Екатерина Борисова, Сергей Панарин,
востоковеды (ИВ РАН)
ПРОТИВОРЕЧИЯ БЕЗОПАСНОСТИ
НА ПРИМЕРЕ ВОДНО-ЭНЕРГЕТИЧЕСКИХ
ПРОБЛЕМ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ**

Вода и энергия, производимая топливно-энергетическим комплексом (а значит, и сама энергетическая отрасль народного хозяйства любой страны), – животворные силы, благодаря действию которых безопасность становится обеспеченной в самых различных ее проявлениях – от элементарного физического выживания человека до открывающейся перед ним возможности отдаваться самым изощренным видам деятельности, самым утонченным формам досуга. Соответственно, наличие этих базовых для человека условий существования – в необходимом объеме и приемлемого качества – воспринимается сугубо положительно. Напротив, их плохое качество, недостаток или полное отсутствие отождествляются сознанием с одной из самых серьезных угроз. И, добавим, с одной из самых разветвленных. Ведь безопасность, как известно, – состояние многоаспектное и разноуровневое, и водные проблемы, как и энергетические, могут угрожать сразу нескольким аспектам или видам безопасности: физической, экологической, санитарно-эпидемиологической, продовольственной, военной и т.д. Равным образом, воздействие каждой из этих проблем на безопасность способно сказаться практически на всех ее уровнях – на индивидуальном и групповом, на локальном и региональном, на национальном и международном / глобальном. Когда же они объединяются в единый блок проблем, высвечивается не только многообразие создаваемых ими угроз, но и возможность возникновения чреватых угрозами противоречий между отдельными аспектами или видами безопасности.

Казалось бы, вода и энергетика в их функции «ресурсных гарантов» безопасности не должны вступать в такое противоречие, поскольку вода сама может быть мощным источником энергии. Но

в том-то как раз и загвоздка. Вода – это и необходимая для всего живого питательная влага, и источник энергии, вырабатываемой в турбинах гидроэлектростанций. Многофункциональность воды приводит к тому, что она нужна всем и в больших количествах. Как правило, чем больше аридность пространства, в котором проживают те или иные потребители воды, тем выше их потребности в ней. Одну из таких аридных зон образует на земном шаре пространство, занимаемое так называемой «политической Центральной Азией» – пятью государствами, образовавшимися на месте бывших союзных республик: Казахстаном, Киргизстаном, Таджикистаном, Узбекистаном и Туркменистаном. И на примере Центрально-Азиатского региона хорошо видно вызревание внутренних конфликтов безопасности сразу и на ресурсном, и на политическом уровне.

I

Суть водно-энергетических проблем Центральной Азии заключается в том, что цели, для достижения которых вода в этом регионе преимущественно используется, различаются в зависимости от страны; в результате при общей недостаточности водных ресурсов в противоречие вступают уже страны. Это противоречие коренится в различных приоритетах водопотребления, когда одни страны делают выбор в пользу сельского хозяйства, другие – в пользу гидроэнергетики. Но расхождения между странами по вопросу о том, как должен использоваться ресурс, являющийся дефицитным или представляющийся таковым, сразу выводит нас на уровень национальной безопасности. Отдельного человека, индивида, вопрос о распределении воды между соседними государствами интересует лишь в случае его высокой гражданской сознательности; для большинства же важно, чтобы в доме были свет, вода и еда, с ними пришло бы и ощущение личной безопасности, и куда менее важно, как это достигнуто – за счет ли квот на воду, полученных в результате межгосударственных соглашений, или посредством бесконтрольного ее отбора либо каких-то других мер. Государства – иное дело. Выступая – или мысля себя – в качестве полноправных субъектов собственной безопасности, они, точнее их руководители, берут на себя ответственность за доступ своих граждан к таким жизненно важным ресурсам, как вода и энергия. Поэтому любое препятствие на пути к обеспечению такого доступа воспринимается как угроза национальной безопасности, в том

числе и препятствие, возникающее из-за того, что другое государство распоряжается или собирается распорядиться этим ресурсом по-своему, не так, как первое.

Страны региона можно разделить на две группы по особенностям их расположения в бассейнах основных рек Центральной Азии – Амударьи и Сырдарьи. Первая группа включает государства, находящиеся в верхнем течении этих рек; это Республика Киргизия и Республика Таджикистан. Во вторую группу входят государства нижнего течения: Узбекистан, Туркменистан и Казахстан. Страны первой группы обладают неограниченными водными ресурсами, но страдают от нехватки углеводородных энергоресурсов; страны второй, наоборот, владеют большими запасами углеводородов, но вода до них доходит в ограниченных количествах. Первые активно используют воду для гидроэнергетики, вторым вода преимущественно нужна для сельского хозяйства.

На самом деле вопрос не стоит о каком-то исключительном, необратимом выборе между гидроэнергетикой и сельским хозяйством. Речь идет об объемах использования и распределении водных ресурсов между верховьями и низовьями с учетом сезонных циклов. Однако если рассматривать этот же вопрос с позиций безопасности, конкретнее – с позиций национальной безопасности, то здесь уже противоречие налицо: продовольственная безопасность стран низовья против энергетической безопасности государств верховья. Основная проблема заключается в том, что гидроэнергетика потребляет наибольший объем воды в холодный период, т.е. осенью и зимой, а сельское хозяйство – в вегетационный период, т.е. весной и летом. Как следствие, именно тогда, когда Казахстан, Узбекистан и Туркменистан остро нуждаются в воде, Киргизстан и Таджикистан стараются ее экономить: запасают ее в своих водохранилищах при ГЭС для активных пусков с целью выработки недостающей электроэнергии в осенне-зимний период. В советское время ГЭС региона работали по ирригационно-энергетической схеме, когда учитывались интересы и верховий, и низовий. В настоящее время они работают по энергетической схеме, из-за чего не только не хватает воды для полива полей в Узбекистане и Южном Казахстане, но еще и периодически подвергается затоплению немалая часть густонаселенных территорий в странах низовья. Тем самым создается реальная угроза для физической безопасности жителей этих территорий.

Государства верховий перешли на энергетическую схему не по злему умыслу и не от хорошей жизни. Вполне благополучные с

точки зрения водообеспечения, страны первой группы в зимний период страдают от острой нехватки электроэнергии. Уже несколько лет Таджикистан осенью и зимой вводит жесткий лимит на энергопотребление: в некоторых областях республики свет и газ подаются в дома всего на несколько часов. Постоянные перебои с подачей электроэнергии в зимнее время происходят и в Киргизстане. Нивелирование этих угроз возможно либо за счет договоренности с соседними энергодостаточными странами о поставках теми топливно-энергетических ресурсов в необходимом объеме, по доступным ценам и на постоянной основе, либо за счет создания собственных, не зависящих от доброй воли соседей, энергосистем. При следовании подходу, характерному для концепций национальной безопасности, для гарантированного обеспечения предприятий, учреждений и населения энергоресурсами предпочтительным, естественно, представляется второй вариант, т.е. ставка на достижение энергетической безопасности за счет использования энергии воды. Практически это означает, что Киргизстан и Таджикистан должны будут увеличивать мощности старых ГЭС и строить новые. Но, следуя этой же логике, т.е. исходя из исключительных интересов своей национальной безопасности, против такого строительства должны будут категорически возражать – и уже возражают – Казахстан, Туркменистан и Узбекистан.

Вместе с тем, требуя от государств верховья согласия поступиться своими приоритетами водопотребления, страны низовья, в особенности Узбекистан, оказываются не готовы к тому, чтобы в обмен на это гарантировать Киргизстану и Таджикистану бесперебойные и достаточные поставки углеводородов по взаимоприемлемой цене, хотя договоренность на эту тему существует с 1998 г. Имеется в виду Соглашение между правительством Республики Казахстан, правительством Республики Киргизия и правительством Республики Узбекистан об использовании водно-энергетических ресурсов бассейна реки Сырдарья, подписанное в Бишкеке 17 марта 1998 г. Оно было заключено на пять лет, впоследствии его несколько раз пытались реанимировать, но безрезультатно: никто не хотел брать на себя никаких обязательств. Впрочем, даже тогда, когда Соглашение 1998 г. работало, условия его редко выполнялись всеми участниками в точности. Оно имело один существенный недостаток: в нем не были прописаны ответственность сторон, компенсации за ущерб и алгоритм действий в случае нарушения какой-либо стороной условий Соглашения, и этим периодически пользовались все его участники. Например, как только

у Киргизстана с его хроническим дефицитом бюджета накапливались долги по оплате газа, Узбекистан сразу же перекрывал газовый вентиль. Это происходило несколько лет подряд. Соответственно Киргизстан, чтобы восполнить образовавшийся из-за нехватки газа энергодефицит, увеличивал сработку воды в Токтогульском водохранилище.

Со своей стороны, Узбекистан, воспользовавшись тем, что благодаря нескольким подряд многоводным годам временно не испытывал проблем с водой для полива, с 2004 г., несмотря на имевшиеся ранее договоренности, прекратил покупать летнюю электроэнергию, вырабатываемую киргизскими ГЭС во время их работы в ирригационном режиме. Кроме того, он каждый год стал существенно повышать цену на газ для стран верховья. Если в 2005 г. цена узбекского газа для Киргизстана находилась на уровне 44 долл. США за 1 тыс. м³, то в 2006 г. она поднялась до 55, в 2007 – до 100, в 2008 – до 145, в 2009 г. – до 240 долл. Цены могли меняться даже ежеквартально: в начале 2011 г. стоимость «голубого топлива» для Киргизстана составляла 223 долл., а к концу года подскочила до 305 долл. Это лишь один из примеров, когда страны региона не смогли между собой договориться о взаимоприемлемых условиях. Таких примеров много и по линии отношений между Казахстаном и Киргизстаном, хотя здесь споров возникало меньше всего, и в связке Таджикистан–Узбекистан, не менее внутренне конфликтной, чем киргизско-узбекская.

II

Если бы вода использовалась только для решения вопросов продовольственной безопасности, таких острых противоречий между странами региона не возникало бы. Воды хватало бы в достаточной степени всем и в нужное время. Однако всеобщего благоденствия не наступило бы и в этом случае, потому что тогда на первый план вышла бы другая проблема, пока как бы затеняемая разногласиями по поводу приоритетных способов водопотребления. Это проблема минимизации потерь воды при ее использовании и очистки после использования. Она очень актуальна и сегодня, так как напрямую влияет на качество жизни в Центрально-Азиатском регионе, а значит, затрагивает уровень личностной безопасности.

Кризис с обеспечением Центральной Азии водными ресурсами на сегодняшний момент обусловлен тремя основными факто-

рами: быстрым ростом населения, изменениями климата и загрязнением окружающей среды. И если два первых фактора пока еще можно, пусть и с натяжкой, отнести к угрозам потенциальным (точнее, не в полной мере набравшим силу), то загрязнение окружающей среды стало, без всяких оговорок, угрозой реальной.

Вообще говоря, на глобальном уровне именно экологическая составляющая в вопросах водно-энергетического обеспечения является сегодня преобладающей. Весь мир поистине устремляется к экологическому коллапсу в сфере водопотребления. Водная безопасность, под которой в первую очередь подразумевается наличие пригодной для питья и личной гигиены воды, но также возможность предотвращения наводнений, паводков, селей и других бедствий, в которых главной разрушительной силой выступает вода, становится условием планетарной безопасности. Реки в мировом масштабе так пострадали от человеческой деятельности, что под угрозой оказались нормальное водопотребление почти 5 млрд. человек и перспектива выживания тысяч водных видов растений и животных, пишет газета «The Guardian», ссылаясь на предупреждения ученых.

Регион Центральной Азии представляет собой очень неравномерную картину с этой точки зрения. Самая благополучная в экологическом отношении страна – Киргизстан. С одной стороны, здесь разнообразная природа, богатая водными источниками, с другой – мало вредных производств (да и вообще производств), загрязняющих окружающую среду. Что касается других стран Центрально-Азиатского региона, то здесь мы видим огромное разнообразие всякого рода экологических проблем. Например, во многих горных и предгорных районах Узбекистана и Таджикистана истощен или разрушен почвенный покров, поэтому на них почти ничего не растет. Такие горы и предгорья – постоянный источник наводнений, селевых и грязевых потоков. Из-за того, что деградирующие горные ландшафты не способны удерживать влагу, а на равнинных территориях, пронизанных сетью открытых каналов и арыков, происходит ее усиленное испарение, средняя температура по региону повышается, что, наряду с глобальным потеплением, способствует ускоренному таянию ледников в горных системах Центральной Азии. С 1957 по 2000 г., т.е. всего за 43 года, запасы воды в ледниках Памиро-Алая сократились более чем на 25%. А это, в свою очередь, не может не сказаться отрицательным образом на водном балансе региона.

Не следует забывать и о проблеме Арала, напрямую касающейся Узбекистана и Казахстана. С 1960 по 2004 г. площадь водной поверхности Аральского моря сократилась почти на 70%, уровень воды упал примерно на 20 м. Существенно увеличилась соленость моря, значительно уменьшилось биологическое разнообразие, исчез рыбный промысел. Соответственно значительно ухудшились экономические и социальные условия жизни населения. Кроме того, с территории высохшего дна Арала ежегодно выносятся на площадь 400 тыс. км² более 1 млн. т соли и песка, содержащих остатки удобрений. Оседающая аральская солевая пыль уменьшает отражающую способность ледников, что ускоряет процессы их таяния, губит посевы и крайне негативно сказывается на здоровье людей, живущих в Приаралье.

Эти и другие проблемы ставят под вопрос пригодность целых крупных территорий для жизни, становятся угрозами безопасности всех уровней, от индивидуальной до региональной. А в той мере, в какой регион теми же пыльными бурями, таянием ледников и омертвлением некогда живой воды вносит свой «вклад» в ухудшение экологической ситуации на планете, – и глобальной. Печально, но факт: вода для региона выступает не только источником жизни, но и разрушительной силой.

III

Отсутствие действующих, неукоснительно соблюдаемых договоренностей между странами Центральной Азии по вопросам взаимовыгодного, взаимосвязанного и экологически безопасного использования водно-энергетических ресурсов приводит к появлению новой потенциальной угрозы – вооруженных конфликтов из-за воды. Аспекты водной, энергетической и военной безопасности прекрасно вписываются в концепцию национальной безопасности, в соответствии с которой главными, а то и исключительными действующими субъектами безопасности признаются государства. Но такой подход не способствует решению проблем и снятию угроз, так как большинство тех и других изначально рассматриваются в рамках противостояния государств по вопросам водопользования. А там, где есть противостояние, взаимоприемлемое решение найти сложно. Тему противостояния могла бы снять, например, концепция общей или совместной безопасности (common security), где основным мотивом действия широкого круга участвующих субъектов были бы одновременно забота о достойном выживании

каждого человека и не только национальная, но и региональная и глобальная безопасность. Ибо постоянно утверждаемое всеми государствами региона в их практической политике безусловное верховенство национальной безопасности над любой другой – человеческой ли, региональной ли, глобальной – превращает эту самую узко толкуемую и однозначно отстаиваемую национальную безопасность в угрозу, как в части ее собственных аспектов (экономический, транспортный, социальный), так и по отношению к безопасности любого другого уровня.

Главный камень преткновения здесь – это вопрос о суверенитете. Решение проблемы совместного использования трансграничных рек требует делегирования части национального суверенитета в некий наднациональный орган. Или, как минимум, отказа от краткосрочных односторонних выгод, наносящих вред другим сторонам. Однако сейчас мы видим иное: когда интересы национальной безопасности делаются самодовлеющими, в противовес и в ущерб безопасности иных уровней, это едва ли не автоматически делает главной, бдительно охраняемой ценностью как раз то, чем надо бы в известных пределах пожертвовать, – национальный (государственный) суверенитет.

*«Безопасность как ценность и норма:
Опыт разных эпох и культур»,
СПб., 2012 г., с. 268–276.*

Дина Малышева,
доктор политических наук (ИМЭМО РАН)
**ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ И ВЫВОД ВОЙСК МССБ
ИЗ АФГАНИСТАНА**

В 2014 г. США и Международные силы содействия безопасности – МССБ (The International Security Assistance Force, ISAF) намерены завершить длящуюся с 2001 г. военную операцию в Афганистане. Государствам Центральной Азии и России важно в этой связи принять во внимание различные сценарии развития ситуации в Афганистане, учесть возможные варианты дестабилизации этой страны, увеличения наркотрафика, других негативных явлений. Им небезразлично также, превратится ли Центральная Азия после 2014 г. в регион бурь и потрясений или же там удастся и дальше поддерживать приемлемый уровень стабильности; сохранят ли США / НАТО нынешние параметры своего военно-политического

присутствия в регионе, свернут его или же, напротив, расширят; будет ли налажено региональное взаимодействие с целью решения афганской проблемы, в первую очередь в рамках Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) и Шанхайской организации сотрудничества (ШОС).

Подготовились ли государства Центральной Азии, сама Россия к периоду, который последует за выводом войск международной коалиции, к неожиданным поворотам и изгибам будущей афганской истории?

Страховки от угроз. Систему безопасности, формирующуюся в Центральной Азии, отличает сложный многоуровневый характер. Региональный срез безопасности обеспечивается такими военно-политическими и военными организациями, как ШОС и ОДКБ; элементы глобального уровня безопасности связаны с членством государств региона в ООН и ОБСЕ, а также со взаимодействием с НАТО и участием в некоторых программах этой организации. России и ее центральноазиатским партнерам удастся, как правило, находить консенсус по довольно сложным международным проблемам, согласовывать многие свои действия по минимизации внутренних и внешних угроз безопасности. «Раздвоение» же ее сферы, благодаря присутствию нерегиональных сил и структур, усложняет решение проблем, порождаемых геополитическими условиями, тем, что вызовы безопасности Центральной Азии обретают не только внутреннее, но и внешнее измерение. Одно из его проявлений – угроза «афганизации». По мере возрастания наркотрафика из Афганистана центральная власть в республиках может быть ослаблена настолько, что сохранит контроль только в столицах и их окрестностях, а реальная власть сосредоточится у местных предводителей кланов, наркобаронов, вожаков бандформирований. Стремление обезопасить себя от угроз со стороны афганского направления обусловило готовность государств Центральной Азии поддержать операцию «Несокрушимая свобода» в Афганистане, став участниками «Северной сети распределения грузов», которая представляет собой альтернативу ненадежному Южному (через Пакистан) маршруту снабжения войск международной коалиции в Афганистане. Пролегая через территорию России, центральноазиатских и южнокавказских государств, «Северная распределительная сеть» связывает Афганистан с местами базирования США и НАТО в балтийских и черноморских портах, преобразуя, таким образом, евразийский геополитический ландшафт.

Военно-политическое сотрудничество центральноазиатских государств с США / НАТО включает в себя предоставление им права пролета над своей территорией, а также передачу некоторыми государствами региона в аренду своих военных объектов. В их числе: функционирующая с 2001 г. в киргизском аэропорту «Манас» американская военная авиабаза, переименованная в 2009 г. в Центр транзитных перевозок (ЦТП); развернутые в Душанбе (Таджикистан) подразделения французских войск; военный аэродром в городе Термез, используемый Германией и аэродром «Карши-Ханабад» в Кашкардарьинской области Узбекистана (в 2001–2005 гг. он был военной базой США, но по требованию правительства Узбекистана американские ВВС покинули ее 21 ноября 2005 г., и с тех пор она не используется в качестве военного объекта, тем более что 30 августа 2012 г. парламентом Узбекистана принят закон, запрещающий размещение на территории Узбекистана иностранных военных баз и объектов).

Туркменистан – единственная страна в Центральной Азии, не подписавшая договоры о транзите ни с США, ни с НАТО и не предоставившая им объекты для военного базирования.

Узбекистан в силу своего географического положения и коммуникационного потенциала играет ключевую роль в «Северной сети распределения грузов». К концу 2010 г. 98% всех грузов, направлявшихся через Центральную Азию в Афганистан, транспортировалось через территорию республики. В связи с этим существенно возрос интерес к Узбекистану со стороны США, хотя там его не считают предсказуемым и надежным партнером. Многие американские политики и сенаторы высказывают озабоченность и тем, что транзит грузов НАТО через Узбекистан рискует превратиться в коррупционный ресурс, который может способствовать укреплению «авторитарного режима Ислама Каримова». В 2012 г. Узбекистан резко повысил цены за транзит грузов НАТО. Тем не менее Узбекистан принял неожиданное для всех решение о приостановлении своего участия в деятельности ОДКБ (соответствующая нота Министерства иностранных дел Узбекистана по данному вопросу была направлена в Секретариат ОДКБ 20 июня 2012 г.), что обусловлено, по всей видимости, надеждой получить от США в обмен на такой шаг гарантии безопасности после вывода войск коалиции из Афганистана, а также расчетом на некие экономические и политические преференции. Военную составляющую ОДКБ этот демарш Узбекистана вряд ли серьезно ослабит, поскольку республика практически не участвовала в военном

сотрудничестве в формате Организации, в 2009 г. президент Ислам Каримов даже отказался подписывать соглашение о Коллективных силах оперативного реагирования ОДКБ. Но борьбу с наркотрафиком данное решение Узбекистана, который граничит не только с Афганистаном, но и с четырьмя центральноазиатскими республиками, может осложнить.

Казахстан, который в последние годы значительно расширил границы своего участия в решении афганской проблемы, в том числе и по линии военно-политического сотрудничества с США / НАТО. Еще в конце 2008 г. сенат казахстанского парламента ратифицировал подписанные с США два соглашения о поддержке военной операции в Афганистане. В них прописывались порядок и условия предоставления аэропорта Алматы в качестве запасной площадки для экстренного приземления самолетов военно-воздушных сил коалиции. Некоторые эксперты считали, что этот аэропорт бывшей столицы республики может возместить США и НАТО потерю военного аэродрома «Карши-Ханабад». В 2012 г. активно обсуждалась возможность заключения между Казахстаном и США договора об аренде военной базы на побережье Каспийского моря. Реализация данного проекта позволит не только «поставить американский сапог на Каспии», но и значительно усилит влияние США на Кавказе и в Центральной Азии. Поскольку уязвимость Таджикистана для проникновения боевиков со стороны Афганистана особенно велика, то США и НАТО немало делается для укрепления обороноспособности республики: создан Национальный центр боевой подготовки, проложены новые системы связи, построен мост через реку Пяндж с пограничным и таможенным постами на таджикско-афганской границе.

Киргизстан поддерживает самый высокий уровень сотрудничества с США / НАТО. Численность американского военного контингента на его территории достигает 1,5 тыс. человек, а прямые выплаты республике в 2011 г. за использование ЦТП составили 151 млн. долл. США. Открытый в 2001 г. на один год, но функционирующий и по сей день, этот американский военный объект формально используется для снабжения операции в Афганистане военными грузами, но, по некоторым сведениям, там находится крупнейший технический радиолокационный узел, ведущий разведку по всей Центральной Азии, а также, что особенно важно для США, – и в КНР. Хотя президент республики Алмазбек Атамбаев давал на президентских выборах в декабре 2011 г. обещание вывести американскую базу с территории Киргизстана, в начале

2012 г. он высказывался в поддержку идеи использования ЦТП и после июля 2014 г., т.е. по истечении срока соглашения с США по авиабазе «Манас». О серьезности намерений в отношении будущего ЦТП говорило и соглашение о наземном транзите грузов международной коалиции, подписанное во время чикагского саммита НАТО 20–21 мая 2012 г. Данным соглашением Киргизстан помог НАТО завершить формирование второго наземного маршрута «Северной сети», пролегающего теперь в Афганистан через Узбекистан, Казахстан, Киргизстан и Россию.

Впоследствии, однако, киргизский лидер уточнил, что стремится к превращению авиабазы в гражданский аэропорт, а не в военно-воздушную базу какой-либо страны. По итогам прошедших в Бишкеке 20 сентября 2012 г. российско-киргизских переговоров на высшем уровне были подписаны документы, закрепляющие российское военное присутствие в республике. Речь, в частности, идет о «Соглашении между Российской Федерацией и Киргизской Республикой о статусе и условиях пребывания объединенной российской военной базы на территории Киргизской Республики», которое начнет действовать с 2017 г. Объединенная российская военная база включит в себя четыре военных объекта: базу подводных испытаний оружия в Караколе; Центр военной связи в Кара-Балте; радиосейсмическую лабораторию в Майлуу-Суу и авиабазу в Канте.

«Бойтесь данайцев, дары приносящих». США / НАТО давно реализуют в регионе на двусторонней основе десятки программ военного характера, включая обучение кадров силовых структур, создание межведомственной правительственной связи, центров обмена оперативной информацией. Таким образом, в рамках своей многовекторной внешней политики центральноазиатские государства принимают военные гарантии безопасности, предоставляемые им не только Россией и ОДКБ, но и США / НАТО. В связи с близящимся завершением афганской кампании для США и НАТО открываются новые возможности для расширения военного сотрудничества с центральноазиатскими государствами.

Поскольку большую часть техники и вооружения коалиция считает опасным оставлять в стране, где к власти, как полагают, могут прийти талибы, настроенные в отношении США крайне враждебно, а транспортные расходы слишком дороги (Пакистан взвинтил в 2012 г. цены за контейнер груза с 250 долл. до 5 тыс.), часть этих грузов США и МССБ готовы передать центральноазиатским странам безвозмездно, а часть – оставить им «на ответст-

венное хранение». За это США надеются получить от центральноазиатских участников «Северной сети распределения грузов» преференции при согласовании условий транзита грузов по Северному маршруту и дальнейшему пребыванию своих войск на военных базах в регионе.

Можно предположить, что вслед за техникой в страны региона, согласившиеся принять эти «дары», придут обслуживающие ее натовские и американские военные специалисты. По мнению экспертов, это будет означать, что на центральноазиатском рынке вооружений возникнет заметный американский сегмент. Это повлечет за собой потребность в обучении специалистов, поставке запчастей, модернизации, а в итоге может привести к привыканию партнеров России по ОДКБ к военной технике из-за океана и снижению сотрудничества в рамках ОДКБ, что не отвечает российским интересам. Неизбежно встанет вопрос и о развертывании ремонтных мощностей в цехах, где ранее обслуживались российские танки и бронетранспортеры. Велика опасность попадания оставленного оружия в распоряжение радикальных группировок или попросту криминальных элементов и наркомафии.

Позиция России, если она станет обвинять центральноазиатские государства в нарушении решений саммита ОДКБ от 20 декабря 2011 г., обязывающих страны-участницы согласовывать с союзниками по Договору размещение на своих территориях объектов военной инфраструктуры иностранных государств, в данной ситуации уязвима: она сама без согласования с ОДКБ приняла решение сделать Ульяновск перевалочным пунктом для вывозимых из Афганистана грузов НАТО.

Центральноазиатские государства, не отвергая выгоды, которые несет им военное и экономическое сотрудничество с США и их партнерами по НАТО, занимают в отдельных случаях осторожную и осмотрительную позицию и не торопятся делать окончательный и бесповоротный выбор в пользу систем координат, предложенных им США / НАТО. Знаковым в этой связи можно считать решение лидеров центральноазиатских государств отклонить приглашение генерального секретаря НАТО Андерса Фог Расмуссена посетить саммит альянса в Чикаго.

В целом в Центральной Азии критически оценивают результаты более чем десятилетнего пребывания войск США и НАТО в Афганистане. В регионе все чаще обращают внимание на то, что итогом операции «Несокрушимая свобода» стал не только рост наркотрафика из Афганистана, но и распространение оттуда ради-

кальных религиозных течений. В Казахстане, долгое время считавшемся самой спокойной страной Центральной Азии, в последние годы произошло несколько инцидентов, связанных с активностью исламистских радикалов. В Киргизстане, на традиционно исламизированном юге страны, также оживили свою деятельность радикальные религиозные движения, в частности «Хизб ут-Тахрир» и «Таблиги джамаат», которые в России признаны экстремистскими и запрещены. Есть признаки осложнения религиозно-политической ситуации и в Туркменистане, о внутренних проблемах которого вследствие закрытости информации известно очень мало. По некоторым данным, в прикаспийских областях республики имеются поселения, где приобретают влияние исламистские группы, доходы которых формируются за счет наркотрафика. В Таджикистане не только возрос поток наркотиков, что повышает уровень преступности в республике, но и замечено активное проникновение исламистских групп из Афганистана на фоне усиления общих процессов исламизации местного общества.

Неоднозначно в Центральной Азии воспринимается и активизация США / НАТО в борьбе с наркотической угрозой. С 9 декабря 2009 г. в регионе под эгидой ООН функционирует Центральноеазиатский региональный информационный координационный центр по борьбе с незаконным оборотом наркотических средств (ЦАРИКЦ). Его штаб-квартира, отстроенная на средства государств – членов НАТО, находится в Алматы. Участниками Центра являются Азербайджан, Казахстан, Киргизстан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан и Россия. Заявленная цель ЦАРИКЦ – «способствовать сотрудничеству силовых органов государств-членов в борьбе против наркотиков и связанной с ними преступности, служить центром для обмена и анализа информации, для координации совместных операций».

Между тем оборудование и программное обеспечение для ЦАРИКЦ поставляют Центральное командование США, а также Управление по военному сотрудничеству Министерства обороны США. При этом США настаивают, чтобы многосторонние усилия по борьбе с наркотиками проходили через ЦАРИКЦ и Совет Россия–НАТО, а не через ОДКБ. Предпринимают США и самостоятельные действия. Так, в июне 2011 г. заместитель госсекретаря и глава Управления по международной борьбе с наркотиками и охране правопорядка в Государственном департаменте США Уильям Браунфилд анонсировал «Центральноазиатскую инициативу по борьбе с наркотиками» (Central Asian Counternarcotics Initiative,

САСИ). В ней речь идет уже о создании неких «антинаркотических сил специального назначения» во всех центральноазиатских государствах. Поскольку энтузиазма со стороны этих государств по поводу данной инициативы не последовало, американцы обвинили местные власти в боязни того, что американская антинаркотическая борьба может вывести на причастных к наркоторговле чиновников из этих стран.

Центральноазиатские государства неизбежно подставят себя под удар, если впустят на свою территорию иностранные военизированные подразделения, способные заниматься не только борьбой с наркотиками, но и сбором разведывательной информации и проникновением в политические структуры. Именно так США действовали в свое время в Латинской Америке, где аналогичная антинаркотическая инициатива стала лишь предлогом для установления контроля над странами региона. Именно поэтому Россия настаивает на том, чтобы страны Центральной Азии отвергли данную инициативу, а США сосредоточили бы свои правоохранительные и прочие усилия исключительно на Афганистане, а не создавали дополнительные сети в Центральной Азии.

Однако центральноазиатские государства, втягивающиеся в новый раунд геополитической игры, движимы желанием уравновесить присутствием США экспансию Китая, а некоторые из них – возможно, и России. Но при этом, похоже, не просчитываются все последствия подобного балансирования. Серьезное ограничение суверенитета, а то и фактическая утрата его – лишь одно из таких последствий.

Процессы, разворачивающиеся в Центральной Азии на заключительном этапе афганской «игры», значительно усложняют задачи России, официально обозначившей «пространство Содружества Независимых Государств», а значит, и его центральноазиатский сегмент как «ключевое направление» своей внешней политики.

Вызовы России. В 2011–2012 гг. Россия занималась активным продвижением интеграционных проектов – Таможенного союза, Единого экономического пространства, Евразийского экономического союза (планируется создать к 1 января 2015 г.). Приложены немалые усилия и по укреплению ОДКБ, а сами функции этой военно-политической организации значительно расширены. Фактически в противовес интеграционным усилиям России в Центральной Азии запущены конкурирующие проекты – американская программа «Новый Шелковый путь» и являющийся ее ин-

тегральной частью трубопроводный проект ТАПИ (аббревиатура начальных букв стран-участниц – Туркменистана, Афганистана, Пакистана, Индии). Игнорировать эти начинания, а также и то, что в регионе, помимо США, активно действуют другие геополитические игроки, главным из которых, вне всякого сомнения, является Китай, было бы со стороны России недальновидно и неосмотрительно. Так что складывающаяся в Центральной Азии быстрыми темпами конфигурация потребует от России и ее дипломатии новых идей и подходов.

Между тем Россия имеет со всеми участниками геополитической «игры» в Центральной Азии не только точки отторжения, но и сферы притяжения, чем при искусно выстроенной стратегии она могла бы с выгодой для себя воспользоваться.

Так, например, с США Россию сближает общее понимание того, что после ухода многонациональных сил из Афганистана там не должна оставаться выжженная земля и незатихающая гражданская война, которая грозит расширением и вовлечением центральноазиатских стран в этнические, религиозные, клановые распри. Россия, как и США, стремится к тому, чтобы к 2014 г. ситуация в Афганистане была максимально смягчена, дабы исключить угрозу экспорта религиозного экстремизма и терроризма в Центральную Азию. Как России, так и США важно, чтобы кабульский режим, который будет действовать после вывода большей части иностранных войск, не был радикально исламистским.

Что касается российско-американского соперничества в Центральной Азии, то оно, возможно, не настолько безнадежно враждебное, каким порой видится СМИ и некоторым представителям экспертного сообщества. США по сравнению с Россией или Китаем находятся в наиболее невыгодном положении, прежде всего, в силу географической отдаленности от евразийского «хартленда» – замкнутых суши пространств Центральной Азии и Афганистана. Отказавшаяся от бушевской стратегии продвижения демократии, администрация Обамы рассчитывает тем не менее закрепиться в тех частях Центральной и Южной Азии, которые важны, с точки зрения глобальных интересов США, в сфере безопасности. Игнорировать при этом интересы России и ее азиатских партнеров теоретически можно, но практически плохо осуществимо. Без взаимодействия двух стран оказалось невозможно обеспечивать снабжение контингентов МССБ и США всем необходимым, создавать безопасные условия для вывода из Афганистана живой силы, военной техники и грузов.

Предстоящий уход боевых частей из Афганистана и передача ответственности за обеспечение безопасности в стране правительству в Кабуле ставят перед серьезными вызовами как саму Россию, так и патронируемые ею структуры безопасности – ОДКБ и ШОС. Им в будущем предстоит играть более значимую роль в деле афганской стабилизации, которая станет предметом не только обсуждения, но и деятельности, скорее всего, именно ШОС и ее специализированных структур. Поэтому перед Россией стоит задача развить ШОС до уровня эффективно действующей международной организации, выстраивая ее в многостороннем формате в качестве механизма успешного регионального взаимодействия.

*«Год планеты. Ежегодник ИМЭМО РАН»,
М., 2012 г., с. 118–127.*

Н. Замараева,

востоковед

УСИЛЕНИЕ ИСЛАМСКОГО ЭКСТРЕМИЗМА В ПАКИСТАНЕ В 2008–2010 гг.

Гражданское общество Пакистана в последние годы столкнулось с разгулом исламского экстремизма и религиозного фанатизма. Террористические акты прокатились по всей стране, унося тысячи жизней. Феномен этого социального явления до конца не исследован ни в западной, ни в российской науке. Порожденный комплексом объективных и субъективных факторов, экстремизм сегодня вырывается из самых глубин пакистанского общества и усиливается на фоне широких демократических преобразований в стране. Отличительной чертой экстремизма в Пакистане является его исламская направленность, в первую очередь суннитская. Подавляющее большинство населения Пакистана — мусульмане, последователей суннизма свыше 80% всех мусульман, шиизма — около 10%. Христиане составляют всего около 1,5% населения Пакистана.

В целом усиление исламского экстремизма и в последнее время — религиозного фанатизма свидетельствует, как отмечает известный российский пакистановед В.Я. Белокреницкий, об «охватившем значительную часть исламского мира внутреннем разломе», о неготовности традиционного пакистанского общества к принятию ценностей, пропагандируемых правящими, в основном прозападными, кругами Исламабада, и о неспособности самих правящих кругов инкорпорировать прозападные демократические ценности в местное традиционное общество. «Гражданский разлад разрывает страну на два идеологических фронта — светский, либеральный, умеренно прозападный, и исламистский, консервативный, резко антизападный», и процесс этот со временем только углубляется. В целом пакистанское общество глубоко традиционно и рели-

гиозно. Например, занятия в колледжах и университетах начинаются с произнесения молитвы студентами, не говоря уже о деловых совещаниях и встречах.

Любое проявление экстремизма в Пакистане – это наивысшая форма протеста против политики, проводимой правящими администрациями, часто – открытая вооруженная оппозиция. Радикальная исламская оппозиция в Исламской Республике Пакистан – понятие широкое: силы, противостоящие федеральной власти, выступают против вмешательства иностранных государств как во внутреннюю политику, так и дела соседних стран; силы, выступающие за сохранение контроля над территориями компактного проживания местного населения, в отдельных случаях – за установление шариатского правления в ряде районов; наконец, выступления против религиозных меньшинств и т.д. Экстремистская радикальная оппозиция не выступает единым организованным фронтом. Она различается, в первую очередь, по этническим признакам: исламская оппозиция провинции Хайбер-Пахтунхва; зоны пуштунских племен; Кашмир; Белуджская радикальная исламская оппозиция и т.д. Существуют и другие группы, выражающие оппозиционные экстремистские настроения, как, например, в Панджабе, Синде и т.д. Этнические, конфессиональные, территориальные, исторические, социально-экономические, политические причины обусловили цели и задачи каждого из экстремистских направлений в современном Пакистане.

Традиции антиправительственных боевых группировок в Пакистане существуют давно. В 70-х годах, после свержения правительства премьер-министра З.А. Бхутто, один из его сыновей создал антиправительственную организацию «Аль-Зульфикар» и вел некоторое время подрывную деятельность против режима генерала М. Зия-уль-Хака. Организация «Лашкар-и Тайба» («Ополчение правоверных») действует в основном в Кашмире и южных районах провинции Синд. Как писала пакистанская газета «Dawn» от 5 июня 2009 г., организация в 90-х годах XX в. «объявила джихад Индии на спорных территориях Кашмира»; выступала за присоединение к Пакистану и, как следствие, осуществила серию террористических актов, самым крупным из которых явился Мумбайский в ноябре 2008 г. В настоящее время организация значительно снизила агрессивность своих действий. После выборов в Кашмире весной 2009 г. она не пользуется широкой популярностью.

Значительная часть экстремистских организаций – пакистанская пресса называет их «повстанческими» – в основном базируется в северных и северо-восточных окраинных районах Пакистана. На сегодняшний день наиболее влиятельная исламская оппозиция представлена организацией «Движение за установление шариата» в провинции Хайбер-Пахтунхва, а также различными группировками боевиков, объединенных в «Движение Талибан Пакистана» и аффилированные с ней группировки боевиков и т.д. В круг их основных «идеологических противников» входят не только представители религиозных меньшинств страны (шииты, христиане, последователи секты ахмадия и т.д.), но и пакистанские военные, участвующие в антитеррористических мероприятиях против боевиков; члены местных администраций Территорий племен федерального управления (ТПФУ) и провинции Хайбер-Пахтунхва, отказывающиеся выполнять требования боевиков; иностранцы, в основном американцы, которых они считают оккупантами соседнего Афганистана; и начиная с 2011 г. – государственные деятели Пакистана, выступающие за реформирование Закона о богохульстве и т.д.

Забегая вперед, необходимо подчеркнуть, что весь комплекс событий, связанных с инициированием законопроекта о внесении поправок в Закон о богохульстве в ноябре 2010 г., наконец, резонансное убийство в феврале 2011 г. боевиками ДТП министра по делам меньшинств Бхатти свидетельствуют, во-первых, об укреплении социальных позиций талибов и расширении их социальной базы в обществе; во-вторых, о действенности их давления на принятие правящей ПНП политических решений и т.д. Иными словами, выразители исламского экстремизма и религиозного фанатизма являются одним из дестабилизирующих факторов социально-политического развития страны в период становления конституционно-парламентских форм правления в Пакистане в 2008–2011 гг.

Приведенное ниже исследование показывает, что широкий выход исламских экстремистов на политическую арену в Пакистане и адаптация их в обществе были закономерными в силу ряда объективных и субъективных причин как в самом Пакистане, так и в регионе Западной Азии. Основные объективные и субъективные причины усиления исламского экстремизма в Пакистане кроются во внешних и внутренних факторах. К внутренним факторам следует отнести снижение основных социально-экономических показателей развития страны, галопирующие цены на энергоносители, продукты питания (сахар, муку, рис и т.д.), хроническое недофи-

нансирование социальных и образовательных программ, низкое качество или нехватку медицинского обслуживания, рост безработицы, большой выброс в общество люмпенов и т.д.

Кардинальная смена правящих элит, переход в сжатые сроки от военно-гражданской к конституционно-парламентской форме правления, жесткие противоречия между правящей и оппозиционными политическими партиями, борьба различных ветвей власти и т.д. отвлекали федеральный кабинет министров от решения вопросов борьбы с экстремизмом и терроризмом в стране.

В 2008–2010 гг. государство вело борьбу с терроризмом, и основным инструментом этой борьбы была армия, которая провела несколько успешных военных кампаний в ограниченных районах провинции Хайбер-Пахтунхва и нескольких агентствах ТПФУ. Что же касается борьбы с экстремизмом во внутренних районах страны, то, судя по материалам пакистанской и западной прессы, с исламским экстремизмом безуспешно пытались бороться Министерство внутренних дел. Создавалось впечатление, что оно лишь констатирует акты агрессии, не предпринимая или имея ограниченные возможности на активные превентивные действия. Очевидно одно – усиление экстремизма, в первую очередь исламского, свидетельствует о слабости нынешних государственных структур и отсутствии опыта адекватно отвечать на очередной вызов времени. Становление новых конституционно-парламентских форм правления в Пакистане в 2008–2010 гг. сопровождалось усилением исламистских тенденций в обществе и укреплении позиций традиционных исламистских партий, расширением их социальной базы.

Антитеррористическая кампания Международных сил содействия безопасности в Афганистане оказала влияние на развитие внешней и внутренней политики Пакистана и опосредованно – на экстремистские организации и соответственно политику федеральных властей и армии по отношению к ним. Афганский фактор в дальнейшем стал одним из решающих в становлении и распространении экстремизма, и в первую очередь исламского экстремизма, на территории Пакистана. По этой причине он заслуживает пристального изучения. Агрессия террора обрушилась на Пакистан в последние годы, поразив в первую очередь северо-западные районы, а затем и крупные города страны, дав параллельно импульс активности радикальным организациям.

Любой кабульский конфликт за последние 30 лет сопровождался потоком афганцев, в первую очередь пуштунов (как боеви-

ков, так и беженцев), в южном направлении – на земли пуштунских племен, издревле населяющих предгорья Гиндукуша по обе стороны пакистано-афганской границы. Например, в 80-х годах XX в., по различным оценкам, до 3,5 млн. афганцев проживали в лагерях беженцев в Белуджистане и в Северо-Западной пограничной провинции (с 2010 г. – Хайбер-Пахтунхва). Очередная волна афганских беженцев хлынула в Пакистан после ввода американских войск в Афганистан в октябре 2001 г. По состоянию на декабрь 2010 г., по данным международных организаций, в Пакистане в лагерях беженцев проживают до 2 млн. человек. Помимо беженцев, в приграничные земли Пакистана устремились боевики (в 80-е годы – моджахеда, в первое десятилетие XXI в. – афганские талибы), «передвигая и расширяя», таким образом, зону своего базирования на территории соседней страны. Географически они базировались в пограничных районах Пакистана – провинции Белуджистан, ТПФУ и далее к востоку – центральных и южных районах провинции Хайбер-Пахтунхва.

Пуштунские племена издревле населяют земли в предгорьях Гиндукуша, считая их родовыми. Афганские пуштуны, двигаясь на юг, не нарушали, по их мнению, пакистано-афганской границы, так как в 1949 г. Афганистан в одностороннем порядке заявил о выходе из договора 1893 г. о признании «линии Дюранда» в качестве государственной границы.

В последующие годы Исламабад постоянно ставил перед Кабулом вопрос о признании «линии Дюранда» в качестве официальной межгосударственной границы, но безрезультатно. В свою очередь, федеральные власти не были озабочены «обустройством границы», во-первых, в силу географической труднодоступности (горы), а во-вторых, потому что охрану «своих земель» несли сами пуштуны. В целом федеральный центр мало вмешивался во внутренние дела зоны племен, предоставляя это традиционным органам власти – вождям и старейшинам племен. Было зафиксировано, что «на территории политических агентств не действует уголовное право Пакистана... Свои внутренние дела жители политических агентств решают на основе обычного права». В силу ряда исторических факторов в современном афганском конфликте в значительной степени задействованы ТПФУ Пакистана, т.е. территориально-административные районы семи политических агентств – Южного Вазиристана, Северного Вазиристана, Куррама, Оракзая, Хайбера, Моманда, Баджаура. Общая площадь равна 27,2 тыс. км², население составляет 2,2 млн. чело-

век (1981). Основная этническая группа – пуштуны, поэтому и район их расселения называют «зоной пуштунских племен». Именно пограничные с Афганистаном районы с 2001 г. стали ареной военной антитеррористической борьбы Исламабада.

Штурм американским десантом провинции Кандагар, места укрытия муллы Омара, лидера Исламского Эмирата Афганистан (до сентября 2001 г.), который позднее бежал в Пакистан, стал сигналом для отступления афганских талибов; и дальнейшее появление в районах ТПФУ современных «моджахедов» – афганских талибов с 2001 г. стало закономерным. Афганские талибы, воевавшие против войск США, а с 2003 г. – и против коалиционных сил МССБ в Афганистане, в основном базировались в пограничных агентствах ТПФУ Пакистана. Они использовали эти районы в качестве тылового обеспечения своих основных боевых действий на территории Афганистана (подготовка и проведение военных операций; рекрутирование новобранцев, включая иностранных наемников, их тренировки; обустройство мест укрытия, логистика и безопасность транспортируемых грузов, включая оружие, и т.д.). «Несмотря на наличие в движении “Талибан” представителей различных национальностей, в том числе и иностранных граждан, тем не менее подавляющую массу талибов... составляют этнические пуштуны, конкретно пуштуны из южных, юго-восточных и западных районов Афганистана, а также пакистанские пуштуны, главным образом из СЗПП, Вазиристана и Белуджистана».

В сумме факторов, объясняющих поддержку большинства населения ТПФУ афганских талибов, помимо этнического значительную роль играл и конфессиональный – подавляющее большинство населения пуштунских племен исповедует ислам суннитского толка. В свою очередь, местные пуштуны по зову крови оказывали помощь афганским талибам, основную массу которых составляли этнические пуштуны. Старейшины местных племен предоставляли укрытие афганским пуштунам, которое рассматривалось как «часть их gewaj». Как отмечает российский востоковед Р.Р. Сикоев, «афганские талибы, функционировавшие в пограничных территориях Пакистана, постоянно переходили границу и т.д., которые приносили и распространяли идеологию талибов – борцов за веру... Лозунги ИЭА сочетали религиозный консерватизм с политическим экстремизмом».

Афганские талибы ставили задачу «с оружием в руках восстанавливать вековые традиции правления пуштунов». Совокупность этнических, исторических, политических и социально-

экономических причин способствовала созданию условий длительного пребывания афганских талибов на территории Пакистана, усилению их боевой активности и соответственно распространению экстремистских лозунгов. Следует отметить территориальную удаленность ТПФУ от центра страны. Новая столица – Исламабад – функционирует только последние 20 лет, в прежние времена федеральным центром был город-порт Карачи. Конституция 1973 г. нелегитимна в ТПФУ. «На территории политических агентств не действует уголовное право Пакистана... Свои внутренние дела жители политических агентств решают на основе обычного права». Традиции политической жизни Пакистана не предусматривали вмешательства в дела зоны племен и т.д.

Военно-политическое руководство Пакистана еще в 2000–2001 гг. предупреждало мировую общественность об опасности распространения терроризма из соседней страны, несмотря на официальное признание ИЭА наравне с Саудовской Аравией и ОАЭ. «Период правления правительства П. Мушаррафа – это время, когда впервые пакистанские власти повели длительную и упорную борьбу с исламским фундаментализмом и экстремизмом. Важно отметить, что борьба эта началась еще до сентябрьских 2001 г. событий в Америке. Уже тогда власти почувствовали опасность, которую несет самому государству радикально-военизированный исламизм, который усиленно выращивался в прошлые годы спецслужбами (в первую очередь Объединенной войсковой разведкой – ОВР) и фундаменталистскими партиями для борьбы с “неверными” в Кашмире и Афганистане».

В конце 2001 – начале 2002 г. военные власти Пакистана сумели противостоять активизации различных боевых группировок, произведя по всей стране аресты нескольких сот членов исламистских организаций и запретив некоторые из них, например «Лашкар-и Тойба», «Сипах-е-Сахаба», «Движение за установление шариата». Многие в Пакистане рассматривали позицию П. Мушаррафа, согласившегося участвовать в международной антитеррористической кампании в Афганистане, как «предательство братьев по вере...», но это уже другая тема исследования.

В силу различных причин истоки экстремизма в Пакистане порождены самим военно-бюрократическим истеблишментом страны. В 80-х годах Исламабад санкционировал тренировки моджахедов в северо-западных районах для борьбы с иностранными войсками на территории соседнего Афганистана. Осознавая неизбежность массового прихода афганцев на территорию Пакистана,

генерал начал выстраивать отношения с бывшими лидерами Исламского Эмирата Афганистан, группировками афганских боевиков, а также с пакистанскими боевыми группировками, появившимися под влиянием афганских талибов в начале первого десятилетия XXI в. в зоне пуштунских племен и СЗПП.

Руководствуясь тезисом, что «все талибы – пуштуны, но не все пуштуны – талибы», генерал П. Мушарраф в 2002–2007 гг. проявлял, во-первых, нейтральность по отношению к афганцам, не нарушавшим федеральные законы Пакистана; во-вторых, проводил локальные военные операции против афганских боевиков с целью сохранения контроля в районе пакистано-афганской границы, куда перемещались афганские талибы; в-третьих, шел на переговоры как с лидерами пуштунских племен, так и местными боевиками; в-четвертых, проводил локальные военные операции, направленные на уничтожение антиправительственных террористических элементов и т.д.

Афганские боевики имели зоны своего влияния. В начале первой декады XXI в. на территории Пакистана обосновались несколько групп афганских талибов, две из которых были наиболее влиятельными – муллы Омара и Хаккани, другие группировки возглавлялись афганскими полевыми командирами или полукриминальными элементами. Пакистанской резиденцией бывшего лидера ИЭА муллы Омара стала Кветта (провинция Белуджистан), где в дальнейшем появился известный совет Шура Кветты. Местоположение базирования муллы Омара объяснимо – он родом из соседней афганской провинции Кандагар. Объединяющим фактором для местных полевых командиров стала борьба против иностранных войск в Афганистане. В то же время группировка избегала нападений на подразделения федеральной армии Пакистана. Вторая группировка базировалась в агентстве Северный Вазиристан, и возглавлял ее Джалалуддин Хаккани. Территория агентства преимущественно населена племенем вазиров; по другую сторону границы – афганская провинция Пактика и Хост. В дальнейшем он действовал в агентствах Южный Вазиристан, Хайбер и др. По сообщениям пакистанских источников, к середине первой декады XXI в. группировка Хаккани перешла под контроль его сына Сираджуддина Хаккани.

В Северном Вазиристане, в городе Мир Али, обосновался полевой командир Хафиз Гул Бахадур, ветеран афганской гражданской войны 1992–1996 гг., позднее присоединившийся к талибам. С 2001 г. Вазиристан стал оплотом движения «Талибан». Та-

либы оттеснили традиционных племенных вождей и в 2004 г. захватили фактическую власть в агентстве. Как отмечает российский востоковед М.Ю. Морозова, «...14 февраля 2006 г. на территории Северного Вазиристана было объявлено о восстановлении независимости и создании Исламского государства Вазиристан (ИГВ). Самопровозглашенное сепаратистское государство Вазиристан не было признано ни одной страной мира. Несмотря на попытки пакистанской армии восстановить центральную власть, территория ИГВ расширилась за счет большей части Южного Вазиристана. Армия ИГВ насчитывала несколько десятков тысяч бойцов и состояла из жителей как Вазиристана, так и соседних агентств Пакистана и Афганистана». Северный и Южный Вазиристан сформировали наиболее «смертельную зону», откуда боевики численностью до 10 тыс. человек совершали вылазки в афганские провинции Пактия, Газни, Вардак и Логар, а также проводили атаки на Кабул. В дальнейшем талибы расширили зону своего базирования также в агентствах Баджаур, Моманд и Оракзай и регионах СЗПП – Банну и Кохат. Ориентировочно с 2007 г. многие из них переместились в центральные провинции – Панджаб и Синд, другие – в Белуджистан. Причем «тыловое обеспечение» и координация террористической активности по всей стране осуществлялись в основном из зоны племен. В течение многих лет агентства ТПФУ выступали в качестве транзитных пунктов для иностранных наемников и афганских талибов, где они разбивали мобильные интернациональные лагеря для обучения рекрутов джихада на территории Пакистана. Сильные антиамериканские настроения, особенно в период правления администрации Дж. Буша-младшего, вызывали симпатии к террористам у местных племен. По мере развития конфликта в Афганистане интернационализировался и состав боевых группировок, которые также проникали в пограничные районы Пакистана. В них входили арабы, выходцы из Центральной Азии – узбеки, таджики, туркмены, а также уйгуры, афганцы и пакистанцы. По сообщениям западной прессы, одним из главных организаторов мобильных тренировочных лагерей в Пакистане был «Союз исламского джихада». Стремление афганских талибов контролировать территории базирования и транспортные коридоры в ТПФУ в дальнейшем спровоцировало многие вооруженные конфликты в зоне племен: между афганскими боевиками и пакистанской армией, между отрядами местного ополчения – лашкарами и афганскими и пакистанскими талибами, а также межплеменные, межконфессиональные конфликты и т.д.

Объективные и субъективные факторы становления «Движения Талибан Пакистана» в ТПФУ

Находясь на территории Пакистана, часть афганских талибов открыто саботировала федеральные и местные институты власти. Вслед за ними местные «талибанизированные элементы», как писала газета «Нейшн», несли ответственность за волнения в Северном Вазиристане в 2004 г. Всплеск экстремистской активности в Пакистане выразился в усилении террористических актов первоначально в пограничных с Афганистаном районах, а позднее – и во внутренних районах страны. Наркотики, негодование против иностранной оккупации Афганистана, воинственные традиции пуштунских племен, неэффективное управление федерального центра через представителей – политических агентов в ТПФУ, насильственное разрушение боевиками традиционной системы пересечения территорий племен – все это в совокупности обеспечивает идеальную среду для становления местных террористических групп.

Результатом пребывания афганских талибов стали подъем исламского экстремизма в ряде районов Пакистана, а также рост числа терактов не только в районах их компактного проживания, но и во внутренних районах страны. К середине первой декады XXI в. в ТПФУ сложились благоприятные условия для возникновения местных боевых группировок, деятельность которых была направлена против федеральной власти.

Первым и наиболее ярким явлением можно назвать организацию «Движение Талибан Пакистана» во главе с Бейтуллою Масудом. Он принадлежал к клану масуд-вазир (ветвь пуштунского племени вазиров). Его имя впервые стало звучать в местных СМИ в 2005–2006 гг., когда он сумел убедить как старейшин племен, так и полевых командиров разрозненных отрядов в необходимости объединения в единое движение. «Радикальная исламская идеология для этих групп населения, очевидно, имела большее значение, чем племенные обычаи...» Именно в тот период зарождался активный фронт сопротивления федеральной власти. По разным сведениям, «Движение Талибан Пакистана» стало оформляться еще в конце 2004–2005 гг., а формальное объединение разрозненных группировок произошло ориентировочно в 2007 г. Этому способствовали и объективные причины, а именно: антиамериканские настроения в среде пуштунов после высадки военного десанта

США на территории Пакистана и его действия по уничтожению «террористических элементов» в период спасательной операции в октябре 2005 г. после землетрясения в районе Музафарабада; «провал военных операций США в Ираке в 2006 г. и последовавшее отвлечение внимания от Кабула, что позволило афганским талибам перегруппироваться, получить определенную передышку».

Со временем группировка Б. Масуда пополнилась новыми рекрутами и расширила географию своего базирования в ТПФУ и СЗПП. Ее основной целью было проведение различных антиправительственных подрывных акций. Многие сторонники характеризовали Б. Масуда как «человека беспощадного, что касалось достижения его цели – введения “экстремальных форм Ислама”, как писала американская “Нью-Йорк Таймс”», и он считал, что и «ислам не признает границ». Б. Масуд подчеркивал, что «его борьба направлена против американских войск, находящихся через границу, в Афганистане». Однако это не мешало ему в дальнейшем вести вооруженную борьбу против федеральной армии. «Опираясь на хорошо организованную боевую группировку (до 20 тыс. бойцов), состоящую в основном из представителей племени масудвазирова, он сумел к концу 2007 г. подавить оппозицию среди племен Южного Вазиристана, не гнушаясь физическим устранением старейшин племен». Собственно с того времени в Пакистане пошло понятие «частная армия».

Самопровозглашение Вазиристана и подъем террористической активности пакистанских боевиков в лице ДТП стали уроком для генерала-президента П. Мушаррафа, отстаивавшего территориальную целостность Пакистана, и в 2006 г. он усилил военные операции в зоне пуштунских племен ТПФУ. В 2009 г. Б. Масуд был убит в результате авиаудара с американского беспилотного летательного аппарата. Несмотря на ликвидацию лидеров ДТП (вскоре был убит и брат Б. Масуда – Х. Масуд), «Движение Талибан Пакистана» не распалось. В дальнейшем оно сумело перегруппироваться и расширить свою деятельность, проводя террористические акты во внутренних районах страны.

В 2001–2007 гг. военно-гражданская администрация стремилась «блокировать» ситуацию, не шла на открытую конфронтацию с боевиками, преграждая пути возможного распространения «афганского синдрома» на внутренние районы страны. Особенности военных кампаний в зоне пуштунских племен были их эпизодичность, малочисленный военный контингент и ограниченная

огневая мощь. «В мое время они прятались», – говорил впоследствии глава государства о талибах.

Данная тактика позволяла федеральной администрации и армии, с одной стороны, держать обещания перед США и следовать общим курсом антитеррористической кампании, развернутой Международными силами содействия безопасности в Афганистане; с другой стороны, контролировать ситуацию в зоне пуштунских племен – не предоставлять боевикам повода повернуть оружие в противоположную сторону, направив его во внутренние районы страны. «Тактика на усмирение» приносила лишь кратковременный успех.

В 2003–2008 гг., стремясь избежать открытых военных столкновений, П. Мушарраф шел на урегулирование спорных вопросов как со старейшинами пуштунских племен, так и с боевиками в ТПФУ и СЗПП: в 2004 г. было достигнуто соглашение с племенем вазиров, с племенем масуд – в 2005 г.; 5 сентября 2006 г. было достигнуто мирное соглашение с племенем вазиров Северного Вазиристана о прекращении огня между федеральной властью и лидерами племен в Вазиристане, согласно которому старейшины племен обязались охранять границу с Афганистаном, а правительство обязалось вывести войска из агентства; в 2007 г. – соглашение о выселении иностранцев; лидер боевиков Северного Вазиристана Мулла Назир еще в марте 2007 г., когда он возглавлял военную группировку племени вазир, пообещал силой выдворить боевиков Центральной Азии из региона Вана в Южном Вазиристане. Его кампания была поддержана пакистанскими военными, дислоцированными в регионе. Правительство также присоединилось к договоренностям с боевиками Северного Вазиристана уже после столкновений между ними и силами безопасности летом 2007 г. Федеральные власти Пакистана сумели договориться с боевиками о прекращении военных действий на подконтрольных им территориях и избежать, таким образом, широкой конфронтации. Результатом всех этих договоренностей стало вытеснение в 2005–2007 гг. на территорию Афганистана части боевиков иностранного происхождения, что в значительной степени способствовало кратковременному установлению мира. На практике ни одно из этих соглашений до конца не выдерживалось и каждая из сторон конфликта – власти, афганские боевики или местные племена – обвиняли друг друга в нарушении договоренностей. Более того, в отдельных агентствах, в частности в Северном Вазиристане, боевики стали развивать инфраструктуру для рекрутов джихада.

Штурм силовиками Красной мечети и активизация воинствующих исламистов

2007 г. внес много изменений в политическую жизнь Пакистана. Одно из них касалось проблемы терроризма. Противостояние воинствующих студентов-исламистов во главе с их преподавателем Абдулом Рашидом Гази в медресе при Красной мечети и властей, длившееся 10–11 июля 2007 г., привело к ее штурму. Расположенная в центре Исламабада, в квартале правительственных учреждений, мечеть стала символом мученичества во имя Аллаха. В результате осады и операции спецназа погибли более 200 человек. Именно тогда пришло осознание масштабности влияния исламизма на пакистанское общество, и в первую очередь на молодежь. И одним из основных источников, питательной средой распространения исламистских лозунгов стали медресе. Пакистан предстал миру «ареалом распространения исламистской угрозы». Если до операции спецназа в мятежной Красной мечети основные теракты происходили в Белуджистане, СЗПП и ТПФУ, то в дальнейшем география терроризма стала активно распространяться во внутренних районах страны – Исламабаде, Панджабе и Синде. Экстремисты стали активнее привлекать к своей деятельности студентов медресе. События вокруг мечети Лал Масджид провели красную черту между политическими сторонниками и противниками действия военных властей; между военными и происламскими силами, в частности Альянсом происламских партий (Муттахида-маджлис-и-амаль, ММА). Позиции Альянса были сильны в северо-западных районах страны, что и способствовало определенной лояльности и сговорчивости боевиков и местной власти. Будучи у власти, ММА стремилась провести в жизнь наряду со светскими и исламские законы, что не всегда вызывало понимание у местного населения и тем более поддержку со стороны центральных властей. Дальнейшее размежевание П. Мушаррафа и ММА привело к усилению позиций правоисламистских партий, в частности Джамаат-и ислами (ДИ), и дальнейшему расширению ее социальной базы; из сторонников генерала-президента ДИ перешла в стан его противников.

События вокруг Красной мечети полностью изменили ситуацию безопасности в стране. В знак протеста против штурма Красной мечети боевики ТПФУ и СЗПП разорвали все договоренности с Исламабадом, и ни о каком перемирии вопрос уже не стоял. «Аль-Каида», «Движение Талибан», «Движение Талибан Пакиста-

на», организация «Движение за установление шариата» и т.д. провозгласили джихад военным, военной администрации и лично П. Мушаррафу. По стране прокатилась волна террористических актов. События после Лал Масджида свидетельствовали об изменении масштаба и характера террористической активности в Пакистане.

Особенности исламского экстремизма в Северо-Западной пограничной провинции (2007–2009)

Лозунги афганского «Движения Талибан» в начале первой декады XXI в. оказали влияние не только на становление «Движения Талибан Пакистана» в пограничных с Афганистаном политических агентствах, но на усиление исламистских тенденций во внутренних районах Северо-Западной пограничной провинции. В частности, присутствие афганских талибов в ТПФУ и частично в СЗПП дало толчок активизации «Движения за установление шариата». Оно было основано в конце 80-х годов XX в. Мауланой Суфи Мохаммадом, последователем школы ваххабизма Саудовской Аравии, который заявлял, что «демократия несовместима с законами шариата и существующая политическая система Пакистана противоречит Корану», указывая, таким образом, боевикам путь на подрыв демократических институтов в стране. Суфи Мохаммад, арестованный в начале первого десятилетия XXI в. за призывы неподчинения светским институтам власти, в частности решениям судов, был выпущен на свободу в 2007 г. Приход в феврале 2008 г. в результате всеобщих парламентских выборов к власти в Пакистане нового гражданского правительства изменил расстановку политических сил в СЗПП и, соответственно, в ТПФУ. В феврале 2009 г. Исламабад под давлением разрешил параллельное функционирование судов шариата наряду со светскими судами в дистрикте Малаканд, рассчитывая подобной уступкой прекратить бесчисленные акты самосуда.

Пакистан – государство с развитыми и активно действующими гражданскими демократическими институтами. И, несмотря на глубокие разногласия между официальными администрациями и религиозными партиями, вопрос об установлении норм шариата в качестве совершения правосудия и административного местного управления не рассматривался ни на парламентских слушаниях, ни президентом. ДУШ («Движение за установление шариата») сразу

начало применять ранние нормы шариата и подменять ими светские формы местного управления, а в дальнейшем возглавило вооруженные выступления исламских экстремистов на территориях долины Сват. С целью подавления выступлений исламских экстремистов федеральная армия двинула войска в долину Сват, где военная операция продолжалась с мая по август 2009 г. Действия ДУШ, вооруженный захват власти в ряде районов долины Сват в феврале–мае 2009 г. можно охарактеризовать как исламский экстремизм, иными словами, «пакистанский вариант экспортного афганского насаждения шариата».

Пример Суфи Мохаммада и в дальнейшем «триумфальное шествие» шариата в Малаканде, поддержка со стороны ДТП дали толчок становлению самостоятельного крыла ДТП в СЗПП в лице малочисленной, но активной организации «Движение Талибан Свата» (ДТС). Собственно ДТС положило начало региональному развитию организации ДТП. В отличие от ДУШ «Движение Талибан Пакистана» в зоне пуштунских племен не ставило задачу введения шариатских судов или других элементов исламского правления – племена применяли обычное право. Юрисдикция Пакистана не распространялась на земли ТПФУ. Опасаясь усиления сепаратистских тенденций и стремясь консолидировать власть, 12 августа 2009 г. федеральное правительство одобрило ряд поправок к уголовному законодательству зоны племен. Гражданская администрация Пакистана поставила себе цель применить нормы гражданского и уголовного права к населению зоны пуштунских племен. С введением поправок к уголовному законодательству администрация получила механизм конституционного управления землями племен. Но поправки не применялись в судебной практике в ТПФУ.

Терроризм – инструмент политической борьбы в Пакистане

2007 год показал, что терроризм – уже не стихийное явление, а комплекс хорошо организованных и четко направленных действий, и методику их исполнения можно подразделить на традиционные цели, точечные атаки, транстерроризм и т.д. Несколько покушений было совершено на главу государства, генерала П. Муншаррафа, в октябре 2007 г. – на экс-премьер-министра Б. Бхутто по ее возвращении в Пакистан. И наконец теракт 27 декабря 2007 г., в результате которого погибла Б. Бхутто, заявил об активизации

исламских радикалов в стране. Неспособность федеральной власти договариваться с боевиками и вместо этого применять оружие подтолкнуло экстремистские силы к открытому террору, который «стал инструментом, важным политическим фактором, оказывавшим влияние на основные социально-политические, и опосредованно на экономические, процессы в стране». Это проявилось, например, в период всеобщих парламентских выборов зимой 2008 г., «когда теракты или угроза их значительно повлияли на явку избирателей... При детализации данных можно увидеть, что наименьшая активность избирателей наблюдалась в зоне повышенной террористической активности и наоборот: территория племен федерального управления (ТПФУ) – 27%, провинция Белуджистан – 33, Северо-Западная пограничная провинция (СЗПП) – 34, провинция Синд – 46, провинция Панджаб – 49 и столица Исламабад – 50%». «Часть терактов преследовала “традиционные” цели – нагнетание страха. В связи с этим атаки проводились в местах значительного скопления людей. Одновременно проводились точечные атаки на отдельных людей или объекты». «В 2007 г. в Пакистане распространилась такая форма терроризма, как атаки смертников, которые до этого были крайне редки для страны. За 2007 г. было совершено 57 таких атак против шести в 2006 г. и 22 в 2002–2006 гг. Из 57 атак смертников 48% было осуществлено в СЗПП, 23 – в ТПФУ, 9% – в столице страны Исламабаде и т.д. Впервые в истории страны был зафиксирован теракт с участием смертницы. Более распространенным стало участие в терактах подростков...» После парламентских выборов ситуация не изменилась. Наблюдаемое весной 2008 г. усиление террористической активности стало результатом попыток «деструктивных сил воздействовать на переходную ситуацию в стране, сложившуюся после парламентских выборов и до формирования правительства». Более того, деструктивные элементы осознали резкое сужение возможностей президента П. Мушаррафа после парламентских выборов. Борьба стала приобретать новые масштабы и формы – Пакистан захлестнула волна террористов-смертников; резко усилился религиозный экстремизм.

Агрессия исламских экстремистов против религиозных меньшинств

Любой деструктивный элемент общества, стремясь отстоять свои социальные позиции, проявляет агрессию по отношению как

к действующим институтам власти, так и к социально незащищенным, в данном случае к религиозным, меньшинствам и т.д.

В 2008–2010 гг. прокатилась мощная волна терактов исламских экстремистов против «немусульман», к которым они причисляли религиозные меньшинства и мусульман-шиитов. Боевики ДТГ и аффилированная группировка «Движение Талибан Панджаба» инициировали теракты против секты ахмадия в провинции Панджаб. Секта ахмадия (в 2010 г. численность ее достигала 4 млн. человек) и в последние годы подвергалась нападениям со стороны радикальных суннитов, но нападения 2010 г. – явление чрезвычайное, они свидетельствовали о радикализации исламских тенденций в пакистанском обществе.

Первые признаки усиления террористической активности в Панджабе отмечались еще весной, а затем осенью 2009 г., тогда были арестованы лидеры террористических организаций, имевших отделения в провинции. Местные власти осторожно критиковали так называемых панджабских талибов, лишь в целом подчеркивая террористический характер организации «Движение Талибан Пакистана» и ее причастность к теракту в мечетях ахмадия.

Официально Лахор не признавал существование в провинции организаций боевиков, а отмечал лишь «возможность их присутствия». Двойственность в подходе к данному вопросу, с одной стороны, свидетельствовала, как отмечала местная печать, об определенных связях руководства провинции и талибов, а с другой – несостоятельность противостояния террористам – лишней повод для критики ведущей в Панджабе Пакистанской мусульманской лиги (Наваз Шарифа) – политического оппонента правящей в стране Пакистанской народной партии (ПНП) и т.д. Несостоятельность провинциальных властей лишь попустительствовала экстремистам. В сентябре 2010 г. в Лахоре прогремели одновременно три взрыва во время шествия после пятничной молитвы 35-тысячной скорбной процессии Йоум-э-Али мусульман-шиитов, организованной в память о смерти в VII в. первого имама шиитов Али бин Аби Талиба; несколькими днями позже террорист-смертник привел в действие взрывное устройство во время процессии студентов-шиитов в главном городе провинции Белуджистан – Кветте. В итоге – более 90 человек погибли, сотни ранены. Ответственность за два террористических акта взяло на себя «Движение Талибан Пакистана»; ко второму теракту присоединилась и другая организация – «Армия Джангви».

В 2009 г. в результате ряда успешных военных операций федеральных сил в разных агентствах территорий племен – Южный Вазиристан, Оракзай и т.д. – позиции боевиков были значительно потеснены. Террористические акты свидетельствовали о несостоятельности как местных, так и федеральных властей контролировать террористическую деятельность и обеспечить должный уровень безопасности в стране, что, в свою очередь, сигнализировало о потенциальных социально-политических взрывах. В дальнейшем так и произошло. В целом тенденция терактов лишь усиливалась в провинции; количество жертв резко возросло за последние два года и по состоянию на май 2010 г. насчитывало 220 человек. И если в провинции Хайбер-Пахтунхва и ТПФУ теракты объяснимы, так как в 2009–2010 гг. федеральная армия проводила крупномасштабные или локальные военные операции против боевиков, то межконфессиональные столкновения в Панджабе требовали глубокого анализа.

В 2008–2010 гг., по словам министра внутренних дел Рахмана Малика, 29 запрещенных организаций оказывали содействие террористам с целью дестабилизации обстановки внутри страны. Боевики Юга Панджаба установили также связи в Белуджистане и незадолго до событий в Лахоре совместно пытались спровоцировать столкновения на религиозной почве в Карачи. Члены запрещенных групп, как, например, «Лашкар-и джангви» и «Армия Джангви», проходили тренировки в зоне пуштунских племен. Затем они возвращались в Панджаб, становясь частью подпольных отделений организации. В течение последнего года, аффилированные с «Движением Талибан Пакистана» и «Аль-Каидой» организации вышли из подполья в Панджабе, заявив о себе громкими терактами. Временный уход части ДТП с территорий пуштунских племен во внутренние районы страны, в частности в Панджаб, был связан с определенными успехами военных операций в районах пуштунских племен и изменением их тактики, в частности разжиганием розни между различными религиозными сектами. Актам насилия со стороны боевиков подвергались сунниты, шииты, христиане и ахмадия.

Суннитско-шиитские столкновения в агентстве Куррам как пример религиозной нетерпимости в зоне пуштунских племен

Подавляющее большинство пуштунов территорий племен исповедуют ислам суннитского толка, но существуют и незначительные по численности шиитские общины как в агентстве Куррам (племена тури и практически половина представителей племени бангаш), так и по другую сторону границы, в афганской провинции Пактия. Пуштуны-шииты, начиная с 2000-х годов, дистанцировали себя от афганских талибов, и, в первую очередь, не в силу межконфессиональных различий, а помня о тех разорениях, которые принесли им 80-е годы XX в. Если посмотреть на карту пограничных районов Афганистана и Пакистана, то территория агентства Куррам упирается в территорию соседнего государства и, таким образом, имеет стратегическое значение во всех международных конфликтах в Афганистане; от верхней точки агентства до Кабула всего 90 км. В конце прошлого века Пакистан использовал дороги Куррама для транспортировки боеприпасов, продовольствия и т.п. афганским моджахедам, а местные долины – для их тренировок и баз. Исламабад достаточно бесцеремонно обращался с местными порядками, да и старейшины племен оказывали всяческую помощь федеральной власти.

Иное дело моджахеда нового поколения – афганские талибы. Первоначально шииты Верхнего Куррама выдворяли боевиков со своей земли, оказывали сопротивление обустройству их баз и мест укрытий, блокировали пути перехода пакистано-афганской границы по своей территории и использование основной шоссейной дороги, ведущей от центральных районов страны вверх до административного центра – г. Парачинар. Их цель – не быть вовлеченными ни в один конфликт. Но талибы перекрыли основную дорогу, соединяющую район с остальной частью страны. Они использовали проблемы местных жителей с нехваткой питьевой и поливной воды в летние периоды, поддерживая суннитов в их вооруженной борьбе за природные богатства региона. Противостояние шиитов и суннитов, поддерживаемых боевиками «Движения Талибан Пакистана» и другими группировками боевиков, начатое еще в 2007 г., длилось более трех лет, в течение которых племена шиитов фактически были отрезаны от остальной части страны. Местное население не только вынуждено было вести

осадный образ жизни, обороняться и т.д., но лишилось постоянных поставок продовольствия, медикаментов и товаров первой необходимости.

Анализ материалов пакистанской прессы показывает, что в районах расселения пуштунов-шиитов не было отмечено усиления террористической активности, наличия значительного числа антиправительственных элементов; пуштуны-шииты в меньшей степени, чем пуштуны-сунниты, предоставляли убежища афганским талибам и иностранным боевикам.

В целом, характеризуя природу шиитско-суннитских столкновений, министр внутренних дел Пакистана Рехман Малик заявил, что «боевики, связанные с “Аль-Каидой”, добавили религиозную окраску к своей деятельности с целью активизировать настроения, направленные на разжигание сектантства». Пакистанские средства массовой информации отмечали, что талибы-сунниты часто совершали нападения на шиитов, и эти акты рассматривались ими «как часть кампании по дестабилизации правительства, поддерживаемого США». Десять лет базирования афганских талибов в ТПФУ Пакистана не прошли даром ни для одной из сторон – местных жителей, Исламабада и непосредственно афганцев; произошла определенная адаптация последних к окружающим условиям жизни, обновляющимся политическим реалиям. Одна из значимых фигур афганских боевиков – Дж. Хаккани, находившийся все эти годы в Северном Вазиристане. Будучи неприимым по отношению к США и Международным силам содействия в Афганистане, ведя вооруженную борьбу с ними, он в то же время не нарушал «законы гостеприимства» – не выступал против Исламабада, более того, завоевал доверие среди пуштунских племен Пакистана. Много факторов складывалось в его пользу: и неэффективность главного административного представителя Исламабада в ТПФУ – политического агента, вооруженные столкновения между пуштунскими племенами из-за нерешенности многих социально-экономических проблем, и давление боевиков, и поддержка Исламабада. Хаккани стал играть роль посредника при урегулировании, например, шиитско-суннитских разногласий в Курраме и т.д. Таким образом, часть афганских талибов получила не только поддержку представителей единой этнической группы, но и социальное признание среди пуштунских племен. Важным этот факт был и для Хаккани. И боевики и Исламабад осознавали временность пребывания афганских талибов на землях Пакистана, и федеральная администрация всегда была заинтересована в под-

держке бывших руководителей Исламского Эмирата Афганистан (1994–2001) и потенциальных будущих. Отсюда объяснима и лояльность по отношению к отдельным афганским боевикам, включая муллу Омара, Хаккани и т.д.

Талибы Панджаба как фактор усиления экстремистских тенденций в пакистанском обществе

С появлением талибов Панджаб стал прочно удерживать четвертую позицию по количеству терактов в стране (30) после Хайбер-Пахтунхва (бывшая Северо-Западная пограничная провинция) – 1173; Белуджистана – 792; ТПФУ – 559; Синд – 12; Исламабад – 5 и т.д.

Талибов Панджаба многие пакистанские СМИ характеризуют как уникальный социальный феномен, действующий в урбанистических районах страны. Терроризм принимает разный облик, а пути его распространения – расползаться щупальцами и появляться везде неожиданно, шокируя всех. К середине первой декады XXI в. в Панджабе действовало много мелких самостоятельных группировок боевиков, но уже в 2009 г. они наладили прямые контакты с «Движением Талибан Пакистана» и объединялись под названием «Движение Талибан Панджаба».

«Движение Талибан Панджаба» как социальное явление зародилось на юге провинции; со временем оно постепенно расширилось, и на сегодняшний день фактически его доменом является территория крупнейшей в стране провинции. Объективными и субъективными причинами зарождения и становления современной сети «Талибан» в Южном Панджабе являются: во-первых, диспропорции в его социальном развитии, массовое обнищание населения, в основном в сельских районах, безземелье, высокий процент неграмотных, безработица и т.д. Отсутствие элементарных медицинских условий в стране, в частности в сельскохозяйственных центральных районах страны, является одной из причин высокой детской смертности в Пакистане – из 21 млн. детей в возрасте младше пяти лет 478 тыс. умирают каждый год; во-вторых, географическая близость Кашмира с его повстанцами, националистическими организациями, опытом ведения подрывных действий, тренировочными лагерями; в-третьих, расширявшаяся сеть «Движения Талибан Пакистана» в целом по стране и т.д. Поэтому мощным аутсорсинговым ресурсом для рекрутирования в «Талибан»

является сельская и люмпенская молодежь урбанизированных центров. Главный министр провинции Панджаб Мухаммад Шахбаз Шариф подчеркивал, что «Пакистан сталкивался с серьезной проблемой терроризма и экстремизма и боролся за свое выживание... нищета является главной причиной терроризма и экстремизма... Необходимы меры, стимулирующие рост экономики и подъем социального уровня жизни в отсталых районах для ликвидации нищеты и безработицы в провинции».

Явление «Талибан» во внутренних районах Пакистана – своего рода протест против богатых землевладельцев и в целом социальных пороков общества: наследуемой бедности, безземелья и т.д., что и толкает людей на вступление в ряды боевиков, где им дают кров, пищу, а затем обучают убивать и приказывают идти... на смерть, совершая террористические акты, взамен на обещания помощи и поддержки семьям. Так «Движение Талибан Панджаба» организационно оформилось в 2008 г., одновременно с «Движением Талибан Свата», продолжив, таким образом, развитие региональной сети организации. Читая сводки о терактах, удивляет координированность, целенаправленность и последовательность их исполнения. В пакистанские СМИ стала попадать информация об иностранных организациях, таких как, например, «Блэквот» (позднее она была переименована в «Зи»), известная международная компания, и, судя по материалам газеты «The Nation», целью ее было дестабилизировать центральные и северо-западные районы страны. Вероятно, есть определенная правда в этих заявлениях, так как размах террора во внутренних районах, в частности в Панджабе, был значительный, и провинция, по определению многих российских и зарубежных политологов, превращается «в оплот радикального ислама».

**Борьба вокруг Закона против богохульства –
борьба радикального ислама
с конституционно-демократическими
институтами светской власти**

Наивысшей точкой терактов исламских радикалов стали убийства государственных деятелей. 4 января 2011 г. убит Салман Тасир, губернатор провинции Панджаб; спустя два месяца, 2 марта 2011 г., – Шахбаз Бхатти, министр по делам меньшинств федерального правительства. Объединяющим мотивом обоих убийств было одно – уничтожение сторонников реформирования Закона

против богохульства, утверждавших, что закон используется для преследования религиозных меньшинств. Пакистанская пресса писала, что «резонансные убийства – это выражение гнева религиозных фанатиков, выступающих против внесения поправок в Закон против богохульства». Внесенные еще в 1980 г. поправки в Уголовный кодекс, а именно в Закон против богохульства, не смотря на все заверения властей, ущемляли права религиозных меньшинств.

Правительство правящей Пакистанской народной партии (ПНП) в контексте проведения ряда социальных реформ, в частности системы правосудия, в ноябре 2010 г. внесло в парламент законопроект, предусматривающий отмену «дискриминационных», по мнению ряда членов ПНП, положений. Пакистанская пресса писала, что тогда «законопроект разделил нацию». Правозащитные организации осуждали закон, называя его «дискриминационным... направленным на поощрение исламского экстремизма; заявляли, что он часто используется для сведения личных счетов».

Первыми против внесения поправок к закону выступили праворелигиозные партии, такие как, например, «Джамаат ул-Улама-и Ислам» (фракция Фазлур Рахмана; «Общество мусульманских богословов» (ДУИ (Ф)); они объявили об инициировании 24 декабря 2010 г. национальной кампании в защиту Закона против богохульства. Ситуация в стране настолько накалилась, что 30 декабря 2010 г. правительство обязалось сохранить в неприкосновенности Закон о богохульстве, опасаясь протестов со стороны могущественного религиозного правого крыла пакистанского общества.

Глубокие разногласия, которые переживали традиционные политические противники – ПНП и Пакистанская мусульманская лига (Наваз Шарифа) (ПМЛ Н), привели к тому, что эти партии на рубеже 2010–2011 гг. были отброшены в сторону на фоне усиления влияния праворелигиозных партий, в частности ДУИ (Ф), в пакистанском обществе; под флагом защиты ислама партия играла роль детонатора социального взрыва, пойдя правительство против. 4 января и 2 марта 2011 г. она мгновенно получила мощную социальную поддержку, с одной стороны, от воинствующего экстремизма, а с другой – от широких слоев населения, и использовала ее в качестве политического инструмента для достижения своих целей. Разногласия с федеральным правительством начались с увольнения Мухаммада Азам Хана Свати, министра науки и технологий (член ДУИ (Ф)), из состава федерального кабинета министров.

Иными словами, Закон против богохульства стал использоваться в качестве инструмента политического давления на федеральный кабинет министров, и довольно успешно.

В начале первого десятилетия XXI в. П. Мушарраф умело выстраивал отношения с праворегионными партиями, альянсом MMA. Особенно удачным для него был опыт работы альянса в СЗПП и ТПФУ, где исламисты вели переговоры с талибами и старались нивелировать деятельность афганских и позднее пакистанских талибов. Подобное сотрудничество позволило ему многое сделать: не разворачивать крупномасштабные военные действия в ТПФУ и, следовательно, не передислоцировать войска с пакистанско-индийской границы и т.д. В 2008–2010 гг. праворегионные партии были незначительно представлены в провинциальных и федеральных органах власти. Противостоять реальной опасности политического экстремизма могли только все политические партии при условии согласия пересмотра закона. Все понимали, что если праворегионные партии пойдут на это, то борьба с экстремизмом может быть продолжена, если нет – то, вероятно, уже проиграна. ДУИ (Ф) оставалась непреклонной.

Традиционно праворегионные партии в основном базировались в Панджабе. Усиление праворегионных партий в провинции создавало атмосферу терпимости по отношению к исламским экстремистам. Как писала пакистанская газета «Dawn» 9 марта 2011 г., смерть Ш. Бхаттти – «цена толерантности страны, которая быстро катится вниз по спирали социальной и политической пропасти». При поддержке исламистских группировок праворегионные партии доказали свою способность мобилизовать требуемое общественное мнение в поддержку Закона против богохульства, в то время как правящей ПНП не удалось выработать стратегию, направленную на срыв кампании фундаменталистов. Исламабад фактически не предпринял или побоялся предпринять попытки возглавить или направить общественное мнение.

Постоянная внутривластная борьба, которая в значительной степени отвлекает внимание федерального центра от решения многих социальных проблем на фоне разразившегося экономического кризиса и необходимости решения различных проблем восстановления экономики и районов, разрушенных наводнением летом 2010 г., бесконтрольность боевиков, действующих во внутренних районах страны, и попустительская позиция правящего блока, отсутствие концепции эффективного функционирования комплекса системных и целенаправленных контртерро-

ристических мероприятий и т.д. способствовали укреплению позиций в обществе «Движения Талибан Пакистана».

Исламские экстремисты в лице различных боевых организаций Пакистана уже давно социализировались в обществе, занимают прочные позиции, а главное – у них есть будущее: террористы разрабатывают новые стратегии распространения террора – рекрутирование в ряды боевиков юных подростков, почти детей, мальчиков в возрасте от 10 до 12 лет, как показали события 10 февраля 2011 г. при взрыве тренировочного лагеря военнослужащих Панджабского корпуса недалеко от г. Мардан. Пакистанская газета «The Frontier post» 19 марта 2011 г. писала, что в начале второго десятилетия XXI в. в пакистанском обществе «“Талибан” – это уже не идеология восстания против иностранных, в первую очередь, американских оккупантов соседнего исламского государства, и отстаивание идеалов шариата; это стиль жизни тех, кто остался за пределами процветания, образования и богатства; это их способ отомстить современному миру».

«Мусульманское пространство по периметру границ Кавказа и Центральной Азии», М., 2012 г., с. 179–200.

В. Шевченко,

востоковед

ПОСТКРИЗИСНЫЙ ПЕРИОД РАЗВИТИЯ ЛИВАНА (1990–2012)

После заключения в 1989 г. Таифских соглашений и достигнутого перемирия основной задачей правительства Ливана стало восстановление социально-экономической и политической жизни страны. За 15 лет гражданской войны (1975–1990) погибли почти 100 тыс. человек, 300 тыс. были ранены, около 80% погибших и пострадавших были мирными гражданами. Из-за массовой внутренней миграции кардинально изменился конфессиональный и этнический баланс в ряде регионов страны. За кризисный период миграционный процесс затронул 2/3 населения Ливана. Общее число мигрировавших внутри страны за годы гражданской войны составило 1,4 млн. человек. Число мигрантов, окончательно переместившихся на новые территории, достигло около 787 тыс. человек, из которых 80% были христианами и только 20% мусульманами. Если христианское население мигрировало из всех районов страны, то мусульмане – из Бейрута и Южного Ливана. В резуль-

тате этих процессов в стране появились еще более однородные и обособленные конфессиональные зоны.

Таблица 1

**Профессиональный состав лиц,
образовавших потоки внутренней миграции (1990)**

Профессии (главы семьи)	Число семей	%
Рабочие аграрного сектора	426	0,90
Независимые бизнесмены	1686	3,57
Служащие	4319	9,15
Наемные рабочие	7233	15,33
Служащие общественного сектора	2598	8,36
Военные	3464	7,34
Милиция	75	0,16
Фермеры	26 036	55,19

Военные действия, ставшие причиной больших разрушений в сельском хозяйстве, вынуждали переселяться в более безопасные места жителей сельских районов, в том числе фермеров и сельскохозяйственных рабочих. Для решения проблемы беженцев в 1989 г. было создано Министерство по делам перемещенных лиц, возглавляемое В. Джумблатом, которое начало проводить в жизнь программу по возвращению перемещенных граждан на их бывшие места проживания. Она, в частности, предусматривала воссоздание инфраструктуры и оказание социальных услуг в переезде и адаптации на новом месте. Вопрос о необходимости оказания различной помощи перемещенным лицам обсуждался еще на встрече в Эт-Таифе. К концу 2000 г. правительству удалось вернуть в родные места от 20 до 25% беженцев.

Экономическое возрождение страны осложнялось нехваткой высококвалифицированных кадров, что было связано со значительной эмиграцией ливанцев. В годы войны из страны выехали около 650 тыс. человек, что составляет около 30% от общего количества населения в довоенный период, в том числе 135 тыс. инженеров, врачей, адвокатов, преподавателей, квалифицированных рабочих.

**Динамика эмиграционного процесса
в период кризиса 1975–1987 гг.**

Годы кризиса	Количество эмигрировавших ливанцев (тыс. чел.)
1975	400
1976	297
1977	38
1978	76
1979	49
1980	33
1981	33
1982	33
1983	33
1984	61,6
1985	70,2
1986	73,9
1987 (первые шесть месяцев)	33,5
Общее количество	647,6

Изменения на внутреннем рынке труда повлекли за собой также эмиграцию, прежде всего в арабские страны, социально активного населения Ливана. Первая волна рабочей эмиграции была в период между 1975 и 1979 гг. Некоторое замедление этих процессов можно было отметить в 1979–1982 гг., что было связано и с ухудшением экономического положения самих стран, принимавших ливанских эмигрантов. Снижение «нефтяного бума» и ирано-иракская война также уменьшили поток желавших работать в арабских странах Персидского залива. «Утечка умов» затронула и студенческую среду, выходцы из которой, уезжая на стажировку за границу, уже не возвращались в Ливан. Нуждаясь в квалифицированных кадрах, руководство страны отдавало предпочтение в найме на работу бывшим эмигрантам, выходцам из Ливана. Работа с эмигрантами была признана частью национальной политики страны. Во главу угла ставилась не этнорелигиозная принадлежность эмигранта, а его ливанское происхождение.

В результате разрушительной гражданской войны Ливан вступил в полосу тяжелейшего экономического кризиса. Курс на-

циональной валюты – ливанского фунта – стремительно падал: еще в 1975 г. 1 долл. обменивался на 3,20 лив. ф., в мае же 1987 г. – на 120. По данным торгово-промышленной палаты Бейрута, национальный доход на душу населения, составлявший в 1982 г. 2000 долл., упал в 1987 г. до 314 долл. С 1980 по конец 1987 г. минимальная заработная плата уменьшилась со 185 до 19 долл.

Была практически разрушена инфраструктура Ливана, особенно пострадала сфера услуг. Ущерб в этой сфере только за первые семь лет войны составил 252 млрд. лив. ф. Внешний долг Ливана превысил 2 млрд. долл. и составил большую часть ВВП.

Больше всего от войны пострадали сельское хозяйство и промышленность, доля которых в ВВП страны неуклонно снижалась (347,8 и 210,2; 184,4 и 67,0; 496,5 и 364,9 млн. долл. в 1988, 1989 и 1990 гг. соответственно).

За годы кризиса резко сократилась численность среднего класса и обеспеченных слоев ливанцев, большинство представителей которых покинули Ливан в начале военных действий. Увеличение числа представителей богатых пополнилось за счет «нуворишей», тех, кто сумел нажиться на войне, участвуя в делах теневой экономики. Это подтверждают данные, показывающие социальное расслоение в ливанском обществе в период кризиса.

Таблица 3

Социальные слои	1983 год	1988 год
Богатые	7%	9%
Средний класс	21%	12%
Обеспеченные	41%	26%
Бедные	31%	53%

Развитие теневой экономики было напрямую связано с деятельностью во время гражданской войны милицеских отрядов, практически неподконтрольных государству. Лидеры этих военизированных отрядов стремились захватить власть и приобрести солидный капитал, воспользовавшись нестабильной ситуацией в стране. Милицеские формирования имели немалые доходы, получаемые из различных источников. Среди них были: доходы от конфискации частной собственности и открытый грабеж; контроль над экспортом и импортом некоторых товаров; спекуляция на курсе ливанского фунта; торговля наркотиками; контрабанда; морское пиратство; спекуляция на иностранной гуманитарной помощи, а

также поступления денежной помощи от стран, поддерживавших те или иные милицейские отряды. По некоторым данным, в среднем за год милицейские отряды контролировали до 2 млрд. долл. Эти деньги использовались для зарплаты бойцам милиции, вкладывались в различные коммерческие предприятия, строительство и перечислялись как на личные банковские счета руководителей отрядов, так и на счета организаций. Деятельность милицейских формирований разрушала общегосударственные связи и ускоряла процесс дезинтеграции общества.

Меры по нормализации социально-экономической жизни в Ливане в начале 90-х годов требовали, прежде всего, реконструкции структур законодательной и исполнительной власти. Правительство, сформированное после Таифской встречи в 1989 г., приступило в этих целях к выполнению программы из четырех пунктов, предусматривающей: постепенное распространение своей власти на весь Ливан, роспуск милицейских формирований, официальное оформление «особых отношений» Ливана с Сирией, назначение депутатов на вакантные места в Национальной ассамблее и подбор кандидатур на главные военные и гражданские посты государства. 28 марта 1991 г. правительством был одобрен план роспуска всех ливанских и неливанских милицейских формирований в стране и назначения 40 новых депутатов в Национальную Ассамблею. С тем чтобы избежать новых столкновений на межобщинной почве, было принято решение создавать смешанные подразделения сил безопасности. Так, на службу было принято равное количество мусульман и христиан, включавших в себя 6,5 тыс. представителей военизированных формирований «Ливанских сил», 2,8 тыс. приверженцев шиитской милиции «Амаль» и 2,8 тыс. членов «Народной армии» друзей.

После подписания Таифских соглашений и прекращения гражданской войны Ливан продолжал оставаться в сфере влияния Дамаска и придерживался «особых отношений» с Сирией. Правительственная программа о национальном примирении предусматривала укрепление политических отношений между двумя странами. Кульминационным моментом стало подписание в мае 1991 г. «Договора о дружбе, сотрудничестве и координации действий», определяющего проведение единой политики между Ливаном и Сирией в политической, военной и экономической областях, а также в сфере обеспечения безопасности, что отвечало условиям Таифских соглашений. Статьи договора гласили, что Сирия и Ливан имеют особые братские отношения, основывающиеся на «гео-

графическом соседстве, сходной истории, общем происхождении, одинаковой судьбе и общих интересах». Для координации и выполнения принятых решений, затрагивающих интересы как Ливана, так и Сирии, были созданы пять совместных комитетов. Был образован также Высший совет, в который входили президенты Ливана и Сирии, их премьер-министры, заместители премьер-министров, а также высокопоставленные чиновники соответствующих министерств. Высший совет нес ответственность за координацию действий и сотрудничество двух стран в политической, экономической, военной областях, а также в сфере безопасности. Решения совета являлись обязательными для исполнения, хотя и с учетом конституционных и законодательных особенностей обеих стран.

Противники договора, среди которых были не только христианские лидеры, но и мусульмане, заявляли, что создание Высшего совета представляет собой нарушение суверенитета Ливана, что, в конечном счете, приведет к аннексии Ливана Сирией. Маронитский патриарх Н. Сфейр заявил, что договор нарушает принципы Национального пакта 1943 г. Но сторонники договора, в основном представители шиитской и части суннитской общин, считали, что близкие отношения с Сирией необходимы для политической стабильности и экономического развития Ливана. В начале сентября 1991 г. Ливан и Сирия заключили договор об обеспечении безопасности, предусмотренный майским двусторонним договором 1991 г. Это соглашение позволяло Ливану и Сирии оказывать взаимную военную поддержку в случае возникновения угрозы стабильности любой из этих стран.

Первые парламентские выборы после 20-летнего перерыва состоялись в августе-сентябре 1992 г. Их проведение встретило недовольство многих ливанцев. В период, предшествовавший выборам, по стране прошли забастовки с требованием сначала наладить экономику страны, а затем заниматься выборами в верховные органы власти. За отсрочку выборов высказывались как христианские, так и мусульманские лидеры, такие как бывший премьер-министр С. Хосс, бывший председатель парламента К. Аль-Асаад, бывший премьер-министр и лидер суннитской общины С. Салам. Условия проведения этих выборов не устраивали христианскую политическую и религиозную элиту, поскольку ее представители усматривали в них угрозу не только политической стабильности Ливана, но и суверенитету страны.

Несколько христианских партий призвали своих сторонников бойкотировать голосование. По заявлениям правохристианских политиков, свободные выборы нельзя было проводить под «оккупацией» Сирии. По мнению Раймона Эдде, лидера умеренной христианской оппозиции, «составленный по сирийским спискам парламент Ливана на первом заседании проголосует за объединение двух стран (Сирии и Ливана)». В результате явка на выборах была крайне низкой – чуть более 30% против 50–52% в 1960 и 1972 гг. Христианское население фактически бойкотировало голосование (в христианском Горном Ливане явка составила всего 16,23%).

Избранный в 1992 г. парламент, 82% членов которого стали парламентариями в первый раз, был явно просирийским. В его адрес неоднократно звучали обвинения в несправедливости процедуры голосования, однако еще одно размежевание по конфессиональному признаку грозило ливанскому государству крахом, и выборы были признаны действительными. Выборы 1992 г. отразили важную тенденцию развития ливанского общества, выразившуюся в очевидном усилении «шиитского фактора». В новом составе парламента – Национальной ассамблеи, «Хизбалла» и «Амаль» получили представительство, а глава «Амаль» – Набих Берри был избран спикером. «Хизбалла» превратилась в одно из самых влиятельных движений в Ливане, завоевав себе популярность лозунгами борьбы за освобождение Юга страны от присутствия израильских войск, которые объединяли практически всех жителей страны. Осенью 1992 г. кабинет министров возглавил Рафик Харири, избранный большинством членов парламента: 104 голоса «за» и только 12 голосов – «против». Начался новый этап в жизни страны – «эра Харири».

Существенное отличие Харири от большинства ливанских политических лидеров заключалось в том, что он сам создал себя, пройдя путь от выходца из бедной крестьянской семьи до миллиардера и премьер-министра¹. Политический взлет Р. Харири начался в 1989 г., когда он, пользуясь своими связями в Ливане и других арабских странах, внес личный вклад в примирение враждующих сторон на встрече в Эт-Таифе. Назначение 46-летнего строитель-

¹ Будучи выходцем из суннитской общины Сайды, он эмигрировал в 1966 г. в Саудовскую Аравию. Свою карьеру Харири начал с профессии школьного учителя, однако к середине 80-х годов он стал одним из самых преуспевающих бизнесменов на Ближнем Востоке.

ного магната и миллиардера премьер-министром было расценено ливанцами как последний шанс для спасения страны: ущерб, нанесенный Ливану гражданской войной и разрушительными вторжениями Израиля, превысил, по оценкам экспертов, 25 млрд. долл. Харири удалось сформировать эффективное и работоспособное правительство, ключевые посты в котором заняли чиновники, ранее работавшие в его компаниях. Наряду с правительством разработкой моделей развития ливанской экономики занимался Центр экономических исследований, укомплектованный исключительно сотрудниками фирм, принадлежавших премьер-министру. Деятельность такого «двухъярусного правительства» вызывала негативную реакцию у лидеров многочисленных ливанских религиозных общин, которые, зная про тесные связи Р. Харири с саудовцами, обвиняли его в стремлении монополизировать власть в интересах мусульман-суннитов. (Укрепление суннитской общины Ливана в противовес шиитской, усилившейся при поддержке Сирии, было одной из основных целей Эр-Рияда, так как сотрудничество шиитских организаций «Амаль» и «Хизбалла» с Сирией и Ираном угрожало не только целостности Ливана, но и интересам суннитского руководства Саудовской Аравии.)

В короткий срок Р. Харири удалось стабилизировать ливанский фунт и вернуть в страну 2 млрд. долл. в виде сбережений ливанцев, уехавших за границу. За счет приватизации государственных предприятий путем проведения международных тендеров было получено около 5 млрд. долл. Харири также удалось сохранить дееспособность банковской системы Ливана, главным образом, благодаря действию Закона о неразглашении тайны вкладов, и банковские вклады выросли на 20%.

Результатом усилий правительства явился ощутимый рост ВВП страны с 2838 млн. долл. в 1990 г. до 11,4 млрд. долл. в 1995 г. Вместе с тем резко вырос торговый дефицит, что в первую очередь было связано с массированным импортом товаров первой необходимости, промышленного оборудования и других товаров, в которых нуждалась ливанская экономика. В 1995 г. дефицит составил 6479 млн. долл. по сравнению с 2082 млн. долл. в 1990 г. Одним из главных достижений правительства было сдерживание инфляции, которая в 1992 г. составила 100% (в 1991 г. — 52%). В 1997 г. инфляцию удалось удержать на уровне 8%. Снижение инфляции, стабилизация фунта, рост золотовалютных резервов страны обусловили потребность страны в местной валюте. В результате уро-

вень «долларизации» финансового сектора снизился с 68% в 1993 г. до 53% в 1995 г.

Все эти меры дали возможность приступить к осуществлению программы восстановления Ливана – «Горизонт 2000» стоимостью 16 млрд. долл. В этом деле значительную помощь оказывали саудовские спонсоры.

Благодаря особым отношениям с президентом Франции Жаком Шираком и своим связям с международными финансовыми организациями Харири удалось добиться проведения ряда международных конференций с целью оказания финансовой помощи Ливану. Экономические успехи создали имидж Харири как «эффективного менеджера». Однако, находясь на вершине власти, Харири, как выходцу из бедной семьи, приходилось преодолевать сопротивление представителей мусульманской и христианской элит, которые традиционно играют важную роль в управлении страной. Даже члены суннитской общины нередко называли Харири «нуворишем» и считали, что он приехал в Ливан зарабатывать деньги и недостоин возглавлять правительство.

В результате многомиллиардных заимствований стал возрастать государственный долг и началось замедление экономического роста¹. Многие проекты предусматривали в первую очередь восстановление финансовой системы и инфраструктуры, не уделяя должного внимания сельскому хозяйству, промышленности и социальному развитию государства. Кроме этого, правление Р. Харири отличалось высокой коррумпированностью, причем в финансовые махинации оказались вовлечены не только ливанские политики и бизнесмены, но и высокопоставленные сирийские чиновники и военные. Реальную выгоду от курса, проводимого Р. Харири, получали исключительно высшие слои ливанского общества. Чтобы сбить волну критики в адрес правительства, были запрещены массовые демонстрации, и Харири обратился за поддержкой к армии для реализации своих проектов в жизнь.

Трудности восстановительного периода во многом были вызваны тем, что в то время, когда Ливан переживал разрушительную гражданскую войну, мир вступил в эпоху глобализации, установления нового экономического порядка и международного разделения труда. Проводя в целом прозападный курс, Харири,

¹ В 1992 г., когда к власти пришло правительство во главе с Р. Харири, совокупный долг не превышал 200 млн. долл. За период между 1992 и 1988 гг. долг возрос до 18 млрд. долл., а к 2004 г. увеличился до 34 млрд. долл.

естественно, вступал в противоречие с интересами Сирии в Ливане. Однако в отличие от ряда ливанских деятелей, в частности В. Джумблата, он не занимал открытую антисирийскую позицию.

Само сирийское руководство было заинтересовано в нем как в политике-бизнесмене, способном восстановить экономику Ливана, и не препятствовало проведению реформ. Реализуемые Р. Харири многочисленные проекты способствовали расширению экономических и торговых связей Ливана с Сирией. Развернувшееся широкомасштабное строительство и нехватка рабочей силы в Ливане обусловили значительный приток в Ливан сирийских рабочих и специалистов. Ежегодно сирийцы, работавшие в тот период в Ливане (примерно около 1 млн. человек), вывозили на родину около 2,5 млрд. долл., являясь, таким образом, для Сирии самым крупным источником дохода.

Несмотря на невероятные трудности восстановительного периода, на своем посту Р. Харири продержался до 1998 г., когда к власти при поддержке Дамаска пришел новый президент – генерал Эмиль Лахуд, пользовавшийся в то время доверием христиан. Многие надеялись, что он будет содействовать сближению позиций различных сторон и достижению согласия в ливанском обществе. Однако Э. Лахуд начал жесткую борьбу против оппозиции, в первую очередь – антисирийской. Президент окончательно лишился поддержки маронитской общины, когда стало ясно, что он не намерен добиваться полного вывода из страны сирийских войск. Отказ Харири из-за явной просирийской политики президента сформировать новый кабинет министров послужил причиной его отставки в ноябре 1998 г.

Стремление сирийцев сохранить у власти сразу обоих политиков, из которых президент являлся бы проводником сирийских интересов в области внутренней политики и безопасности, а премьер вел работу по восстановлению страны и возвращению Ливану статуса крупного финансового центра, не принесло желаемых результатов: самостоятельная политика премьера подрывала систему сирийского контроля в Ливане и в конечном счете привела к противостоянию с Э. Лахудом.

Немаловажным фактором, ускорившим отставку Р. Харири, стало то, что в это время к приходу к власти стал готовиться будущий президент Сирии – Башар Асад. Понимая, что многие представители оппозиционной ему сирийской «старой гвардии» имеют тесные связи с ливанским премьером, он способствовал отставке Р. Харири. Б. Асад непосредственно стоял за избранием Э. Лахуда

на пост президента Ливана и продлением срока его полномочий. На парламентских выборах в сентябре 2000 г. Р. Харири одержал убедительную победу и вновь был назначен главой правительства. Подавляющее большинство депутатов парламента поддерживали кандидатуру Харири на пост премьер-министра, и Э. Лахуда пришлось утвердить это решение в соответствии с Конституцией.

Практически открытая борьба между премьером и президентом продолжалась вплоть до октября 2004 г., когда, имея поддержку в парламенте, Харири тем не менее ушел с поста премьер-министра. Непосредственной причиной его отставки стало продление срока президентского правления Э. Лахуда на три года в нарушение Конституции. Сформированное 26 октября 2004 г. правительство под руководством Омара Караме (брата погибшего в 1987 г. премьер-министра Рашида Караме) открыто придерживалось сирийской ориентации. Это заставило лидера друзской общины В. Джумבלата перейти в оппозицию существующему режиму и к сотрудничеству с маронитским блоком.

Оппозиция призывала к проведению демократических выборов, прекращению сирийского вмешательства, укреплению солидарности всех ливанцев вне зависимости от конфессиональной принадлежности. После ухода в отставку к антисирийской оппозиции присоединился и бывший премьер-министр Ливана Р. Харири. Многие считали, что такой альянс может изменить баланс политических сил в стране и значительно увеличить шансы оппозиционеров на победу в парламентских выборах в мае 2005 г.

Несмотря на то что в состав блока входили представители различных религиозных групп, в том числе и мусульмане, важную роль в нем по-прежнему играли марониты. 14 февраля 2005 г. в результате террористического акта погиб Рафик Харири. Ливанская оппозиция возложила ответственность за убийство Харири на ливанские и сирийские власти и призвала мировое сообщество создать специальную международную комиссию для расследования этого преступления. Бывший президент Ливана Амин Жмайель заявил о том, что если Сирия не причастна к убийству Харири непосредственно, то она виновата в том, что не предотвратила это преступление. Один из лидеров ливанской оппозиции, генерал Мишель Аун, также обвинил в произошедшей трагедии президента Э. Лахуда и сирийцев. Дамаск, в свою очередь, обвинил ливанскую оппозицию в использовании убийства Харири в предвыборных целях. Сирийский лидер заявил, что он готов оказать максимальное содействие следствию, чтобы узнать, кто стоял за

этим преступлением. Сирия также обвинила в убийстве экс-премьера Ливана Израиль, расценивая это как попытку снова привести страну к хаосу и гражданской войне.

По мнению британского политолога, специалиста по сирийско-ливанским отношениям Патрика Сила, причастность Дамаска к ликвидации Харири маловероятна, так как это выглядело бы как «самоубийственный акт» сирийского режима. Он считает, что убийство Харири – дело рук одного из многочисленных врагов сирийского режима, главными среди которых являются Израиль, правохристианские и ультраисламистские политические группировки в Ливане.

В феврале 2005 г. представители ливанской оппозиции, неформальным лидером которой стал В. Джумблат, заявили о начале мирной интифады за независимость. Оппозиционеры потребовали сформировать переходное правительство для обеспечения немедленной эвакуации сирийских войск из Ливана и создания необходимых условий для проведения честных и свободных парламентских выборов. Они обратились к международному сообществу и ливанской диаспоре за рубежом оказать содействие в их борьбе. В стране начались массовые антисирийские демонстрации, объединившие представителей разных общин страны; численность протестовавших составляла, по разным оценкам, от 25 до 50 тыс. человек. Демонстрации в поддержку оппозиции были проведены ливанскими эмигрантами в ряде городов мира: Сиднее, где собралось до 10 тыс. человек, Сан-Франциско, Дюссельдорфе, Монреале, Лондоне. Многочисленные акции протеста оппозиционеров были поддержаны международным сообществом, что в итоге привело к выводу сирийских войск из Ливана в апреле 2005 г.

Сирийское военное присутствие и политическое влияние в Ливане способствовали завершению боевых действий, разоружению негосударственных воинских формирований и в конечном итоге – стабилизации ситуации. Вместе с тем в стране изменился религиозный и политический ландшафт: укрепились мусульманские, главным образом шиитские, партии и организации, и были значительно ослаблены правохристианские силы.

Новый политический водораздел в ливанском обществе прошел по линии «за» или «против» Сирии и рассек религиозные общины, создав блоки, в которые вошли представители различных конфессий. Так, антисирийский блок «14 марта» представляют: суннитское движение «Аль-Мустакбаль», возглавляемое Саадом Харири (сыном убитого Рафика Харири), христианские «Ливан-

ские силы» друзей под предводительством В. Джумблата. Ему противостоят блок «8 марта», в который входят шиитские партии «Хизбалла» и «Амаль», «Свободное патриотическое движение» М. Ауна и христианская организация «Марада» С. Франжье. Состоявшиеся в марте 2009 г. парламентские выборы не сняли напряженность, а лишь усилили разногласия среди ливанцев. Так, победивший блок «14 марта» завоевал 71 место из 128 в парламенте, в то время как блок «8 марта» – 57 мест. Точно такой же расклад сил был в парламенте прежнего состава. Таким образом, политическая карта осталась без изменений. В этой связи ливанская пресса и многие политологи высказывали опасения, что страна находится на грани нового кризиса.

Происходящие события в Сирии усиливают раскол в ливанском обществе. Лидеры блока «14 марта» В. Джумблат и С. Харири, критикуя нынешний сирийский режим, поддерживают требования сирийской оппозиции об уходе Б. Асада с поста президента. Просирийские партии, входящие в блок «8 марта», выражают свою поддержку Б. Асаду. Об этом неоднократно заявлял лидер «Свободного патриотического движения» М. Аун, такую же позицию занимают шиитские партии «Хизбалла» и «Амаль». О непримиримости противоборствующих сторон свидетельствует тот факт, что на состоявшейся в начале 2012 г. встрече лидеров политических фракций ливанского парламента, несмотря на все усилия его председателя Н. Берри, так и не удалось достигнуть компромисса.

*«Ближний Восток и современность»,
М., 2012 г., вып. 46, с. 250–263.*

Хайфа Трабелси,
аспирантка Государственного института
русского языка им. А.С. Пушкина
(Тунис)

МУСУЛЬМАНСКИЙ ЭТИКЕТ И ПРАВИЛА ПОВЕДЕНИЯ

Профессиональный дипломат во время официального общения старается избегать проявления личных черт своего характера и культурной принадлежности. Однако, готовясь к переговорам или трапезе по определенному случаю, он не может не учитывать культурные особенности другой страны. В данной статье автор попытается раскрыть ряд вопросов, связанных с особенностями

мусульманского этикета, правил поведения, которые могут возникнуть у дипломатов, иностранных бизнесменов, представителей деловых кругов во время официальных переговоров с партнерами, встреч на высшем уровне или в обыденных ситуациях, при непосредственных контактах с представителями мусульманских этносов. Особо будут рассмотрены дипломатический этикет арабo-мусульманских стран и основные специфические элементы поведения арабов, на которые необходимо обращать внимание во время официального общения и в неофициальной обстановке.

При знакомстве арабы проявляют себя открытыми к общению, радушными и искренними, легко могут заговорить с незнакомым на улице, в транспорте, в общественных местах и на официальных собраниях. И хотя арабский этикет и правила поведения основаны на ценностях и принципах ислама, который оказывает влияние почти на все сферы человеческой жизни и деятельности, однако образованный араб-мусульманин обычно не интересуется религией своего собеседника и не считает немусульманина человеком второго сорта, как об этом пишут некоторые исследователи.

Мусульманский мир включает в себя большое количество стран, которые можно условно разделить на «арабские» и «неарабские». Однако и внутри этих групп для каждой из стран существуют свои конкретные особенности, которые отличают ее от других соседних государств. Поэтому ошибочно, например, считать, что все страны арабского мира имеют абсолютно одинаковые традиции и обычаи, манеру поведения арабов, в том числе особенности построения деловых отношений с иностранными партнерами на международном уровне.

Приведем следующий пример: во время государственного визита в РФ лидера одного из государств Персидского залива представителям его посольства пришлось объяснять российской стороне, почему в их стране не принято возлагать венки к Могиле Неизвестного Солдата, как это по традиции принято по российскому протоколу. Но это совершенно не значит, что в данной стране не чтут память погибших воинов: традиция почитания героически погибших в этих странах несколько иная. Это касается в основном некоторых стран Персидского залива. Однако подобная церемония существует в протоколе Туниса, Алжира и других стран мусульманского мира, в том числе и неарабских, например Пакистана. Так, МИД России в пресс-релизе для СМИ об официальном визите в Россию министра иностранных дел Пакистана

Х.Р. Кхар сообщил: «Министр иностранных дел Пакистана возложила венок к Могиле Неизвестного Солдата у Кремлевской стены».

При деловых контактах сложнее заметить, является ли собеседник арабом-мусульманином или арабом-христианином, пока он не укажет на свою религиозную принадлежность, например посещением мечети или церкви.

Существует ряд общих принципов, которыми следует руководствоваться при общении в мусульманских странах. Ритуал знакомства, в частности в арабо-мусульманском обществе, строго определен. В официальной обстановке мужчина представляется женщине первым. Представляя женщину-партнера другим лицам делового круга, необходимо обязательно назвать ее должность или пост, который она занимает. Во время деловой встречи принято обмениваться рукопожатиями. Первой руку протягивает женщина или старший по статусу или служебному положению. Остается маленькая, но очень важная тонкость. Рукопожатие со стороны женщины-мусульманки – всего лишь дань моде, пришедшей с Запада, поэтому все же рекомендуется дожидаться проявления инициативы с ее стороны. В Иране вообще не принято мужчине пожимать руку женщине.

В некоторых мусульманских странах женщинам до сих пор запрещено дотрагиваться до мужчин, если они не входят в число ее ближайших родственников. К примеру – как женщины расплачиваются с таксистом? Они кладут деньги в специальную ложку, а из ложки перекалывают их в руки водителя... Традиции арабо-мусульманских стран категорически запрещают мужчине при встрече с женщиной целовать ей руку или одаривать поцелуем в щеку (как это принято в деловых кругах западных стран). Этот знак приветствия и уважения, а иногда и восхищения может стать причиной скандала и разногласий. Чтобы не попасть в такую ситуацию, бывший посол Египта Абдель Фаттах Шаббана советует арабской женщине не протягивать руку, а только кивать головой и следить, чтобы «в руке всегда была сумочка, либо платок».

В арабском этикете допустимо выразить свою радость при встрече знакомого. Собеседники мужчины могут какое-то время держать друг друга за руки, не разнимая рукопожатия во время короткой беседы и обмена комплиментами, а левую руку накладывают на уже сцепленные правые руки. Арабское приветствие, в отличие от короткого европейского, являет собой ритуал. При встрече в арабских странах мужчины обнимаются, слегка прикасаются друг к другу щекой, похлопывают по спине и плечу,

но такие знаки внимания возможны только между «своими» и не распространяются на иностранцев (обычно немусульман), если те не близкие друзья. Во время приветствия задаются вопросы о здоровье и личных делах. Ответ должен быть формальным и коротким: суть вопроса не в том, чтобы узнать детали из жизни гостя, а это всего лишь выражение вежливости. Личные контакты играют существенную роль в решении деловых вопросов.

При поддержании контактов с арабом необходимо учитывать как речевую, так и неречевую (невербальную) формы общения, и проявлять самую высокую степень уважения и вежливости. Для арабов огромное значение имеют слова и контекст высказывания, сопровождаемые правильной жестикуляцией и мимикой. Тщательно нужно продумать свою речь перед встречей, даже если она – неофициальная.

Один из отечественных исследователей вопросов этикета и манеры поведения В. Биркенбил приводит в своей книге «Язык интонации, мимики, жестов» очень интересный пример об особенностях арабского стиля ведения переговоров и роли удачного и неудачного выбора словесных выражений, мимики, взглядов, жестов или интонации: «Несколько лет тому назад в Лондоне произошел следующий случай: три араба и три англичанина встретились в одном из отелей, чтобы провести предварительные переговоры. Во время переговоров один из арабов дотронулся до зажигалки, принадлежащей одному из англичан, и, чтобы не прерывать говорящего, взглядом попросил его разрешения воспользоваться ею. Тот, не прерываясь, кивнул головой в знак разрешения. Несколько мгновений спустя коллега владельца зажигалки поискал ее и, не найдя на нужном месте, прервал говорящего с вопросом: “Где твоя зажигалка?” Тот, недовольный тем, что его отвлекают, произнес с агрессивной, раздраженной интонацией, указывая на араба: “У него моя зажигалка”, и продолжал прерванную мысль, вернее, хотел продолжить. Ошеломленный, он увидел, что арабы, переглянувшись между собой, одновременно встали и покинули помещение. Почему? Дело в том, что арабы интерпретировали раздраженную интонацию англичанина как недовольство и несогласие с тем, что один из членов арабской делегации одолжил у него зажигалку. Соответственно, получается, что возникло недопонимание между членами коммуникации и произошло то, что англичане совсем не ожидали. Было бы лучше сказать: “Зажигалка моя с ним”, или “Там моя зажигалка”».

В дипломатической среде арабские и мусульманские деятели пытаются максимально ограничиваться расписанием программы и повесткой дня. Однако необходимо учитывать, что мусульмане не любят слишком сжатый график дня и какие-либо изменения в деловой программе. Данный факт можно объяснить тем, что арабы относятся к представителям «полиактивного типа культур». Профессор Н.М. Громова пишет, что «народы, представляющие этот тип культуры, в значительной степени полагаются на устные сведения, получаемые ими в ходе многочисленных интервью, переговоров, деловых бесед и др.». У арабов очередность дел определяется по степени относительной привлекательности и значимости. Араб не любит обещать, когда он не полностью контролирует ситуацию. Есть даже старая арабская поговорка, которая гласит: «Дал слово, дал шею» (в значении «жизнь»), и это означает, что обратного пути нет.

Обещание у араба всегда означало и означает его честь и достоинство как уважаемого мужчины. Поэтому «ин ша' Аллах» (букв: «если Бог пожелает»; «если на то будет воля Аллаха») стало одним из самых популярных арабских выражений после приветствия «ас-саламу алейкум» (букв: «мир вам»). Приведем пример из той же книги В. Биркенбила – диалог между арабом и его бизнес-партнером из Германии:

Немец: Итак, Мухаммед, мы встречаемся завтра в десять?

Араб: Если на то будет воля Аллаха! (ин ша' Аллах)

Немец: Или тебе более удобно в одиннадцать?

Араб: Одиннадцать, так одиннадцать – о'кей.

Немец: Итак, тогда в одиннадцать, да?

Араб: Если на то будет воля Аллаха! (ин ша' Аллах).

Автор говорит, что «многие немцы рассказывали, будто от этих вечных “Если на то будет воля Аллаха!” или уклончивых ответов (“Да, возможно” и т.п.) у них создается впечатление, что партнера не устраивает предлагаемый вариант». Безусловно, здесь нужно принять во внимание религиозный фактор, который существенно влияет на жизнь любого мусульманина, вне зависимости от степени его набожности. Это нужно понять так: «Я буду стараться, чтобы все было как по договоренности. Если что-то пошло не так или договоренность нарушена, то это уже не моя вина. Так захотел Аллах»... В дипломатических отношениях это выражение используется все же реже, чем в обиходе или в других сферах общения.

Один из немаловажных ритуалов дипломатического протокола – обмен подарками, которые имеют по преимуществу сувенирный характер. Деловыми подарками обмениваются на официаль-

ных встречах, перед началом переговоров или после них, по договоренности или обычаю данных стран. Этот вопрос обязательно уточняется в процессе подготовки визита. Во многих арабских странах не принято, чтобы главе делегации вручали подарки лично в руки, особенно если он занимает высокий пост (министр или выше). Обычно подарки следует передавать через сопровождающих лиц делегации. Заранее оговариваются все условия: кто, кому, когда и где преподнесет подарок. Арабы высоко ценят, когда к ним проявляют внимание и оказывают радушный прием. Сами арабы и мусульмане очень гостеприимны, и их радушие адресовано ко всем одинаково, друг ли к ним пришел или посторонний человек: для каждого будет создана атмосфера теплого гостеприимства.

В основе норм дипломатического протокола и этикета лежит также безусловное соблюдение обычаев и правил поведения в принимающей стране, хотя, порой, они могут быть весьма необычными для иностранцев. Так, при подготовке к официальному визиту в ряд стран Персидского залива одна российская компания в секторе энергетики разработала собственный внутренний регламент взаимоотношений с арабскими партнерами. В нем указано, что правила ислама диктуют практически полностью закрытое, непрозрачное одеяние. В этом документе описана возможная форма одежды мужчины, которая предполагает закрывать всю часть его тела, вплоть до колен, в плотную непрозрачную одежду. В мусульманском кодексе одежда мужчин и женщин отличается даже по видам ткани: мужчина, например, не может в некоторых странах надевать одежду из шелка. Для женщины, по возможности, максимально закрытая одежда, неброский макияж, очень легкий парфюм и уложенные волосы, особенно, если они длинные. Рекомендуются покрывать голову платком. Это считается проявлением уважения, с одной стороны, к себе и членам делегации, с которыми она приехала, а с другой стороны – к стране, которая принимает делегацию.

Важно отметить, что женщины стали все чаще присутствовать на переговорах с представителями арабских и мусульманских стран, даже в странах с самыми строгими канонами. Деловые женщины очень стараются придерживаться всех норм вежливости и традиций. Приезжающим из других стран, особенно в Саудовскую Аравию или Иран, необходимо учесть эти религиозно-национальные традиции, им следует быть одетыми скромно.

В ходе проведения визитов арабы тщательно прорабатывают все детали, вплоть до подробного обсуждения меню питания. Конечно, всем известно о запрете свинины, алкоголя, желатина в пи-

ще мусульман (по возможности лучше использовать халяльную пищу). Каждой мусульманской стране присущи свои специфические особенности делового общения и этикета. Такая специфичность определяется, как правило, степенью подчинения этих стран традициям ислама. Несмотря на это, деловой этикет, например, в арабских странах, все же имеет общие черты и особенности.

В процессе принятия внешнеполитических решений особое влияние, несомненно, оказывает религиозный фактор. Видный российский арабист А.Б. Подцероб объясняет в своей статье, что «в наибольшей степени влияние мусульманской религии на выработку внешнеполитических позиций прослеживается у государственных деятелей, придерживающихся традиционалистских либо возрожденческих взглядов, в меньшей – у сторонников реформаторских воззрений». Но арабо-мусульманский мир далеко не однороден, и этот факт не может не сказываться на методах ведения деловых переговоров. Например, как верно заметили российские дипломаты, работавшие в Египте в разные периоды времени, для египтян – участников переговоров характерно чувство национальной гордости и уважения исторических традиций своей страны. Они весьма чувствительны к вопросам, связанным с национальной независимостью. Для египтян характерны жесткие и довольно сильно развитые административные правила поведения.

На развитие этикета огромное влияние оказывают этические нормы поведения различных слоев общества, религиозные обряды, а также национальные обычаи и традиции страны. Форма отказа в речи араба, кем бы он ни был – дипломатом или простым гражданином, – всегда красиво окрашена. Для арабов, с точки зрения их менталитета, неприлично категорично отказать собеседнику и сказать «нет». Резкий отказ считается достаточно грубым поведением, поэтому они предпочитают несколько смягчить отрицание фразой, например: «Да, но...». Отказ от сделки сопровождается оговорками, похвалами в пользу обсуждаемого предложения.

В. Лопато-Загорский – первый посол Республики Беларусь в Сирии и Ливане, в своем интервью одному из минских политических изданий отметил: «На Востоке надо уметь ждать: все решения принимаются только после тщательной проверки партнеров. Арабы строят сотрудничество на доверии, а доверие зарабатывается годами. Значит, нужно “закладывать” под долгосрочные проекты большой промежуток времени. На переговорах важно внимательно следить за поведением партнеров. Как правило, арабский дипломат не откажет по какому-либо вопросу напрямую. Следует вовремя по-

нять: где “Да” – это положительный ответ, а где “Да” – это завуалированный отказ. В этом главная тонкость арабской дипломатии».

Л.Н. Латыпов, директор Института востоковедения и международных отношений Казанского (Приволжского) федерального университета, в интервью информационному portalу *Ислам.ру* отмечает, что «российские загранучреждения в качестве дипломатов в исламские страны предпочитают командировать именно мусульман, так как им проще устанавливать контакты и вести дипломатическую работу... Я убежден, что дипломату-востоковеду желательно бы знать открывающую суру Корана “Аль Фатиха” – для первоначального понимания исламского менталитета».

Приведем пример влияния исторических событий на установление норм этикета в одной из исламских стран. Почему иранские официальные лица не носят галстук, «black tie» или «white tie», а рубашки у них без привычного воротника? Разъясняет ведущий иранской радиостанции «Форда» Камбиз Тавана: «Эта особенность уходит корнями в исламскую революцию, когда против галстуков – символа западной культуры – выступали не только исламисты, но и левые, и социалисты. И так на галстук был наложен запрет. Официально об этом никто не говорит, не прописано это и в книгах, но об этом все знают. В Иране мужчины ходят в костюмах. Костюм – это самый формальный западный стиль одежды. Оставили костюм, но от галстука отказались. Правда, сейчас люди, которые чувствуют себя более независимыми, носят галстуки. Хотя на правительственном уровне все, что было принесено революционными изменениями, так и осталось».

Арабо-мусульманский мир весьма неоднороден. Для каждой страны характерны свои традиции, обычаи, уровень культурного и духовного развития, которые, так или иначе, отличают ее от других. Во время официальных визитов, переговоров, при построении деловых отношений необходимо учитывать национальную специфику каждой страны в отдельности. Конечно, на официально-деловом уровне участники стараются не демонстрировать, например, национальный стиль ведения переговоров, особенно при значительном совпадении взглядов и интересов, но в конфликтных ситуациях национальные различия все же выходят на первый план.

Таковы некоторые особенности арабо-мусульманского стиля общения, которые нельзя обобщать, но на которые необходимо обращать внимание.

«Азия и Африка сегодня», М., 2013 г., № 2, с. 70–73.

МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Сомайе Пасандиде,
политолог (Иран)
**ИСЛАМИЗАЦИЯ ПОЛИТИКИ
И ПОЛИТИЗАЦИЯ ИСЛАМА**

В течение последних двух десятилетий в мире идет сложный процесс возрастания веса и роли мусульманских государств. Неоднозначность этого явления просматривается как в экономической, так и в политической сфере. Одни мусульманские государства заняли важнейшее место в мировой экономике благодаря гигантским запасам углеводородов, поставляемых в развитые страны. Для этих стран – экспортеров нефти характерен высокий уровень жизни населения. Напомним, что национальный доход на душу населения Катара превысил аналогичный показатель США. Другие государства, не входя в число ведущих поставщиков энергоресурсов, добились высоких показателей в экономическом развитии. Таким примером может служить Турция.

В то же время наблюдается очевидная тенденция: чем дальше глобализируются торговля, финансы и технология, тем выше стремление наций к самоутверждению неэкономического характера. Имеются основания говорить о том, что религия становится весомой частью разворачивающегося в мире противостояния по линии ценностных ориентиров и моделей развития. Автору представляется, что религиозный фактор в настоящее время должен рассматриваться как проявление теократических тенденций в политическом процессе (особенно в условиях масштабного социального конфликта), в рамках которого религия выступает как оружие различных политических сил. Детальное рассмотрение этого вопроса должно являться предметом научного поиска, так как универсальность и усиливающееся проникновение религиозного фактора во все сферы международной жизни и отдельных государств

свидетельствуют о том, что его роль в мировой и локальной политике будет возрастать.

Так, для достижения политических целей к исламу обращаются консервативные и либеральные силы, прогрессивные и реакционные лидеры партий и иных политических образований, которые стремятся обнаружить в мусульманской религии пути решения всех современных проблем. С учетом этого можно полагать, что происходит исламизация политики и политизация ислама, и любое политическое действие в исламском мире если не эксплицитно, то имплицитно соотносится с этим вероучением, а само оно в большей степени превращается в политическую доктрину.

Можно вычленив три основных подхода к субъектности ислама в современной системе международных отношений. В рамках первого исламский мир рассматривается в качестве единого коллективного субъекта. В этой связи возникает вопрос о том, что подразумевается под понятием «исламский мир». На наш взгляд, в данном контексте он включает в себя:

а) страны с мусульманским большинством, позиционирующие себя как исламские (есть отдельные случаи, когда та или иная страна, формально входя в Организацию Исламская конференция – ОИК, избегает такого позиционирования, предпочитая выглядеть европейским государством, как Албания, или евразийским, как Казахстан);

б) страны со значительным мусульманским населением;

в) транснациональные объединения исламских государств (ОИК, Лига исламского мира, Лига арабских государств и др.), национальные мусульманские организации (светские и религиозные) и общины.

В качестве основного противника ислама на политическом поле обычно выступает Запад, хотя две составные части этой антинормии, казалось бы, образованы на основе разных критериев, и вместо Запада следовало бы говорить о христианском или иудео-христианском мире (не используя мало подходящий к анализу современной международной жизни термин «цивилизация»). На самом Западе имеются многочисленные мусульманские общины, роль которых в общественно-политической жизни постоянно возрастает. Тем не менее антитеза «Запад – исламский мир» становится все более привычной, выступая в качестве объекта научных исследований и темы множества международных и национальных проектов.

В рамках второго подхода в качестве самостоятельных акторов выступают вышеназванные государства и транснациональные структуры. Это позволяет объяснить различия в их позициях, не исключая и того, что в определенных ситуациях все они могут вместе занимать позиции противостояния по отношению к Западу. Однако классификация «исламских акторов» может быть столь дробной, что в конечном счете вообще нельзя будет говорить о сколько-либо значимой их роли в международной политике.

В рамках третьего подхода о роли ислама говорится вне привязки к государственным или негосударственным акторам, поскольку они в своей деятельности руководствуются в основном целями и задачами, имеющими мало общего с религиозными. Кроме того, все они в возрастающей степени становятся частями глобализующегося мирового сообщества, в котором сегодня пока Запад определяет основные правила игры. Здесь ислам выступает именно как религия, как «цивилизация».

При всей разнородности ислам давно пытается выступать в качестве коллективного транснационального политического игрока, во всяком случае таковым уже стал политический ислам. Так или иначе все проекты, связанные с данной тенденцией, опираются на заложенную в исламе концепцию уммы – сообщества мусульман, в котором стерты все межэтнические и межгосударственные преграды. Сегодня идея всемирной уммы – одна из теоретических основ любого исламистского проекта. В суннитском варианте из нее логически вытекает концепция исламского государства.

Несмотря на различные сферы влияния, религия и политика с самого раннего этапа развития человеческой цивилизации шли рука об руку. Еще в древности наличие в обществе жрецов и шаманов обеспечивало известное равновесие власти, а в дальнейшем абсолютная власть представлялась не иначе, как светский и религиозный союз. Со второй половины XX в. в мировой политике начала складываться парадоксальная ситуация, когда большинство западных христианских государств перешло к светскому управлению, сводя влияние религии исключительно к духовной сфере, а исламские страны, напротив, усилили религиозный компонент в своих политических режимах. Произошло это на фоне разворачивающейся глобализации, которая, с одной стороны, предполагала полное исключение религии из политического процесса, а с другой – породила «новых верующих» в лице своих противников. «Исламисты совершили примечательную одиссею – попытку сде-

лать их прошлую цивилизацию, основанную на рамках исламской культуры, значимой как элемент будущего развития», — пишет один из крупнейших американских специалистов по исламу Грэхем Фуллер. Этой идеей стремятся воспользоваться различные силы — от мракобесов и террористов до наивных романтиков и либеральных исламистов, все те, кто хочет соединить универсальные черты современной цивилизации и ее ценности (вплоть до прав человека) с самобытными идеалами исламского наследия. По мнению Г. Фуллера, политика США в исламском мире сфокусирована не на распространении демократии, а имеет следующие цели:

- обеспечение бесперебойных поставок энергоносителей из региона;
- обеспечение безопасности Израиля;
- нераспространение оружия массового уничтожения;
- борьбу с терроризмом;
- предотвращение возникновения любого регионального гегемона¹.

С 90-х годов XX в. в европейской общественной жизни появилось даже понятие «евроислам», введенное в политический словарь духовным лидером европейских мусульман Тариком Рамаданом. Основной тезис Тарика Рамадана заключается в том, что рожденные в Европе мусульмане должны получать европейское образование и активно участвовать в европейской общественно-политической жизни, чтобы содействовать распространению ислама. На наших глазах ислам превратился в важнейший фактор глобальной общественной жизни, и без учета этого фактора невозможен сколько-нибудь серьезный прогноз будущего развития всего современного мира. Мы видим, что значительная часть мусульман Европы не интегрировалась в европейскую действительность и сознательно отказывается принимать западноевропейский образ жизни, его мораль и ценности. Все большее число мусульман предпочитают жить в рамках собственной общины, исключительно по своим законам и даже не говорить на языках стран своего проживания. Таким образом, анализ взаимоотношений современного мира и религии позволяют утверждать, что их состояние и формирующиеся тенденции представляют серьезную проблему, которая не только не отступает, но и увеличивается.

¹ Fuller G. The Future of Political Islam. — N.Y.: Palgrave Macmillan, 2003. — P. 213.

Мы видим, что, например, в современной России проблема взаимоотношений между религиями остается чрезвычайно актуальной. Будущее России зависит от стабилизации традиционных межконфессиональных отношений, для чего государству и религиозным объединениям необходимо перейти к активному партнерству. Что касается роли религиозного фактора, то, очевидно, правящие круги стран Запада недооценивают или игнорируют как цивилизационный исламский потенциал, так и возможности геополитического проекта исламского единства.

Ислам, как и любая другая религия, сам по себе не несет угрозы миру и обществу. Угроза, особенно в немусульманских обществах, возникает лишь тогда, когда ислам перестает быть религией и начинает использоваться в качестве политической идеологии, которая предназначена для захвата власти в отдельных странах, регионах или в планетарном масштабе во имя создания будущего Всемирного халифата. Перспективы мира, в первую очередь, будут зависеть от того, сумеют ли немусульманские государства выработать адекватную политику по отношению к растущим и все менее интегрированным в общество мусульманским общинам. Такая политика должна не только гарантировать все права, сохранение религиозного и культурного своеобразия европейских мусульман, но и гармонизировать их отношения с обществом, обеспечить интеграцию мусульман в современную цивилизацию.

Стремление части американского политического истеблишмента сформировать образ врага Запада в лице всего исламского мира усилило катастрофически недостающую ему для глобальной субъектности консолидацию. Навязчивое стремление распространять в исламском мире демократию и во имя этой цели свергать режимы дискредитировало лозунги демократизации. Такую стратегию мусульманские элиты стали рассматривать как прикрытие для реализации иных целей геополитического характера.

В заключение отметим, что при всей разнородности мусульманских государств и наличии между некоторыми из них глубоких противоречий тенденция к политической консолидации, занятию общих позиций в отношениях с западным миром и совместному отстаиванию интересов там, где это возможно, вероятно, будет усиливаться.

«Власть», М., 2013 г., № 1, с. 116–119.

**С. Дмитриев, А. Захаров,
К. Орлова, Н. Цветкова,
востоковеды
VIII СЪЕЗД РОССИЙСКИХ
ВОСТОКОВЕДОВ В КАЗАНИ**

Проводимые раз в два года съезды российских востоковедов объединяют ведущих исследователей Азии и Африки из России и стран СНГ. Тема нынешнего съезда, состоявшегося в Казани 25–28 сентября 2012 г., – «Многофакторный анализ истории, культуры и религий Востока». Его организаторами стали Институт востоковедения РАН, Казанский (Приволжский) Федеральный университет (КФУ), Институт востоковедения и международных отношений КФУ (ИВ МО КФУ), Научный совет по востоковедению РАН, Общество востоковедов России, Отделение историко-филологических наук РАН и Правительство Республики Татарстан. В работе форума участвовало свыше 250 ученых из различных институтов РАН, университетов и институтов России и стран СНГ. Съезд проведен при поддержке гранта РГНФ № 12-01-14034г.

Съезд открыл президент Общества востоковедов России, директор Института востоковедения РАН, член-корреспондент РАН В.В. Наумкин. Прозвучали приветствия Президента Республики Татарстан Р.Н. Миниханова, премьер-министра Республики Татарстан И.Ш. Халикова, ректора КФУ И.Р. Гафурова. Посол по особым поручениям МИД РФ, специальный представитель МИД РФ по взаимодействию с Альянсом цивилизаций К.В. Шувалов зачитал приветствие от имени министра иностранных дел РФ С.В. Лаврова. В адрес съезда поступили приветствия: председателя Государственной думы РФ С.Е. Нарышкина; Совета Федерации Федерального собрания РФ за подписью заместителя председателя И.М.-С. Умаханова; академика РАН Е.М. Примакова; Академии наук РФ за подписью вице-президента РАН А.Д. Некипелова; Отделения историко-филологических наук РАН за подписью академика-секретаря РАН академика А.П. Деревянко; председателя Совета муфтиев России муфтия шейха Равиля Гайнутдина. В.В. Наумкин озвучил решение Ученого совета Института востоковедения РАН о награждении золотой медалью Игнатия Крачковского государственного советника Республики Татарстан М.Ш. Шаймиева «за выдающиеся заслуги в развитии и поддержке отечественного востоковедения». Медаль и почетную грамоту на

русском и татарском языках В.В. Наумкин передал премьер-министру Татарстана И.Ш. Халикову.

С приветственным словом выступили президент Академии наук Республики Татарстан А.М. Мазгаров, директор Института мировой литературы РАН академик РАН А.Б. Куделин, директор Института Африки РАН академик РАН А.М. Васильев, заместитель председателя Дагестанского научного центра РАН М.С. Гаджиев, директор Института восточных рукописей РАН И.Ф. Попова, советник Посольства Китайской Народной Республики в России Чжао Гочэн, директор Института востоковедения Академии наук Казахстана М.Х. Абусеитова, директор Центра ориентальных исследований Вильнюсского университета А. Бейнориус, заместитель главного редактора журнала «Восток (Oriens)» А.О. Захаров.

На открытии В.В. Наумкин выступил с докладом «Состояние и перспективы российского востоковедения». Отметив традиционно высокий уровень отечественных востоковедческих исследований, докладчик подчеркнул, что необходимо достичь баланса между различными научными направлениями, привлечь новые кадры и обеспечить полноценный доступ к источникам и информации, в том числе в цифровой форме, для проведения конкурентоспособных исследований. Достижению этих целей препятствует ограниченность имеющихся ресурсов. В ряде направлений потеряна присущая отечественной школе востоковедов высокая квалификация, утрачены связи с зарубежными школами. Положительной тенденцией последних лет можно считать возрастание интереса к Востоку в других центрах наряду с Москвой и Санкт-Петербургом.

В.В. Наумкин подчеркнул, что вопреки очевидному падению интереса к обобщениям и общим теориям, включая формационный и цивилизационный подходы, необходимо выработать целостное понятие о Востоке. Это особенно важно в свете публикации множества непрофессиональных работ, написанных дилетантами, а подчас невеждами, которые способствуют фальсификации представлений о предмете востоковедческих исследований. Необходимо мобилизовать ресурсы для поддержки востоковедных исследований и объединить усилия Центра и регионов в формировании целостного и достоверного образа Востока.

В.В. Наумкин выделил некоторые достижения возглавляемого им института, в частности подготовку шеститомной энциклопедии «Духовная культура Китая» под редакцией М.Л. Титарен-

ко, А.И. Кобзева и А.Е. Лукьянова; перевод «Исторических записок» Сыма Цяня на русский язык Р.В. и А.Р. Вяткиными; работу Советско-йеменской (с 1983) и Российско-йеменской (с 1991) комплексных экспедиций Института востоковедения РАН под руководством П.А. Грязневича, М.Б. Пиотровского, А.В. Седова (в настоящее время); исследования социоестественной истории; издание монографии «Жизнь пророка Мухаммада» Т.К. Ибрагима и Н.В. Ефремовой (2010); изучение феномена «арабской весны» 2011 г.

В.В. Наумкин подробно остановился на анализе отечественными востоковедами феномена «арабской весны». Он привел высказывание Д. Моисеи о том, что XXI в. может стать веком идентичности. Среди причин событий в арабских странах он выделил отсутствие гражданских свобод и «социальных лифтов», коррупцию. У некоторых востоковедов есть и мнение о важной роли внешнего фактора, вплоть до «теории заговора». Однако при внимательном взгляде события в арабских странах не кажутся неожиданными, можно вспомнить «хлебные бунты» в ряде арабских стран. В мобилизации масс важную роль играли традиционные средства – мечети, телевидение, особенно «Аль-Джазира», мобильная телефония и лишь в последнюю очередь – Интернет и социальные сети. В.В. Наумкин отметил, что сегодня можно говорить о появлении нового панарабизма с новыми особенностями. Как президент Общества востоковедов России в 2010–2012 гг., В.В. Наумкин кратко охарактеризовал его деятельность и официальный статус некоммерческого партнерства востоковедных учреждений страны. Он предложил считать Съезд востоковедов, собирающийся раз в два года, общим собранием общества. Совет координаторов общества будет формироваться из глав востоковедных учреждений, входящих в его состав. Предложения были приняты общим голосованием.

Пленарное заседание 25 сентября открылось выступлением директора Института Африки РАН академика РАН А.М. Васильева «Роль востоковедения в контексте “афроазиатизации” мира». Термин “афроазиатизация” был предложен академиком РАН А.Б. Давидсоном для обозначения культурного и экономического воздействия стран Азии и Африки на развитие человечества. Наряду с «азиатскими тиграми» сегодня можно говорить и об «африканских львах». В перспективе восемь-девять африканских стран будут иметь более многочисленное население, чем Россия. По словам А.М. Васильева, вымирание европеоидной расы наряду со

старением в перспективе населения Китая создаст через 20–40 лет вакуум рабочей силы, заполнить который смогут жители Африки; именно они в будущем станут основными производителями материальных и духовных благ.

М.Х. Абусеитова (Казахстан) выступила с докладом «Востоковедные исследования в области истории, культуры и религии в Казахстане». Р.М. Валеев (Казань) в докладе «Изучение истории российского востоковедения: итоги и перспективы (XIX – начало XXI в.)» отметил недостаточную изученность социального контекста жизни отечественных востоковедов, истории востоковедческой мысли, подчеркнул важность истории политических идей для реконструкции жизни и творчества ученых и потребность в изучении истории востоковедных центров постсоветского пространства.

Директор ИСАА МГУ М.С. Мейер в докладе «Османofilство в истории и современности» познакомил с историей восприятия Османской империи внутри нее, в Турции и в Европе. Он подчеркнул, что опыт Османской империи нередко встречал положительную оценку. Им, в частности, вдохновлялся великий утопист Т. Кампанелла. Положительной стороной этого опыта было встроенное в систему существование «социальных лифтов», что весьма важно для современного мира.

Директор Института восточных рукописей РАН И.Ф. Попова в докладе «Классическое востоковедение на современном этапе» рассказала о сохранении традиций классического востоковедения – изучения письменных источников, текстологии Востока, в частности тангутских, уйгурских рукописей и документов дуньхуанского фонда – в Санкт-Петербурге. На сегодняшний день в коллекцию института входит 115 тыс. документов на 65 языках.

Е.И. Зеленов (Санкт-Петербург) в докладе «Борьба за влияние в протоглобальном мире» подчеркнул что экономика и политика современного мира втягиваются в состояние управляемого хаоса, он привел сведения о том, что среди 100 ведущих экономик мира можно назвать 49 ТНК и 51 страну, чьи интересы противоположны. ТНК стараются расшатать межгосударственные границы, государства борются за их сохранение. На сегодняшний день все государства в той или иной форме поступились суверенитетом, передав часть функций межгосударственным организациям. Наступает эра господства коммуникаций. Хаосу может противостоять традиционная социальная структура и особенно традиционная культура. Докладчик предложил понятие «хронокультура» для обозначения господства времени в культуре при «снятии» ро-

ли пространства; именно такой тип культуры господствовал при изменении общественного строя в Ираке. Сегодня модель трех миров выглядит иначе, чем в середине XX в.: первый мир образуют США, Китай и Европейский союз; их господство признали страны третьего мира, тогда как второй мир: Бразилия, Вьетнам, Индия, Индонезия, Россия и некоторые другие страны находятся в состоянии выбора. Для сохранения самостоятельности необходимо, согласно Е.И. Зеленева, развивать горизонтальные связи между государствами в противовес уже существующим вертикальным.

А.В. Малащенко (Москва) в докладе «Конфликт цивилизаций: миф или реальность» подчеркнул, что за словами о диалоге культур и за призывами к межкультурному диалогу скрывается его отсутствие – необходимо признать наличие конфликтов, «фехтование» цивилизаций, о котором говорил В.В. Наумкин. Широко известная и сильно критикуемая монография С. Хантингтона «Столкновение цивилизаций» отражает тот факт, что в современном мире конфликты есть и что его развитие идет не так, как того многим хотелось бы. Докладчик выделил два процесса: политизацию религии и религиозизацию политики, которые существуют и будут существовать, по его мнению, вечно. А.В. Малащенко полагает, что конфликтность порождается в том числе состязанием религий друг с другом. «Арабская весна» – еще один кирпичик в стену между мирами, и единство мира ислама осознано на высшем уровне: президентами России и США В.В. Путиным и Б. Обамой.

Ф.А. Асадуллин (Москва) в докладе «Формирование российской государственности в контексте исторических связей Казани и Москвы» подчеркнул, что за последние пять столетий на территории России сложился христианско-мусульманский и тюрко-славянский симбиоз, а мир Востока сегодня – это часть нашего общего бытия.

Заместитель директора Института восточных рукописей РАН С.М. Прозоров (Санкт-Петербург) в докладе «Современное состояние отечественного исламоведения» рассказал о международном проекте «Ислам на территории бывшей Российской империи».

Заместитель директора Института востоковедения РАН В.Я. Белокреницкий (Москва) в докладе «Многофакторный анализ геополитического пространства к югу от современной России (по южным границам Кавказа и Центральной Азии)» рассказал о деятельности Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока Института востоковедения РАН. Он подробно остановился на

проблемах многофакторного анализа развития изучаемого региона. Хотя и произошло сближение западной и восточных цивилизаций с точки зрения материальных успехов, образа жизни, в регионе усиливается влияние внутренних факторов, прежде всего исламской идеологии, демографии и экологии. Поражает воображение динамика демографического роста; в условиях колоссального прироста населения обостряется проблема ресурсов, прежде всего – пресной воды. В.Я. Белокреницкий охарактеризовал специфику современной ситуации в Иране и Пакистане. В Иране от международных санкций страдает простое население. Однако давление извне может служить и фактором консолидации общества. Иран дает уникальное сочетание авторитаризма и демократии, теократии и республиканизма. Применительно к Пакистану можно говорить о полувеке экономической и политической стагнации, об отставании от Индии. Эколого-демографические проблемы в Пакистане могут привести к кризису, усилив роль Пакистана как центрального узла исламского радикализма.

Проректор Казанского (Приволжского) Федерального университета, директор Института востоковедения и международных отношений КФУ Л.Н. Латыпов в докладе «Экзистенциальная значимость осознанной веры в исламе» подчеркнул, что вера в исламе при джадидском («новом») подходе – ясно осознанное разумом качественное состояние человека, а истинная вера заключается в осознании своего подлинного места в жизни.

Дальнейшая работа съезда проходила 26–27 сентября в секциях «Востоковедческое образование», «История и археология», «Культуры и религии народов Востока», «Языкознание», «Политология», «Этнология и филология», «Культуры и религии народов Татарстана», «Экономические отношения».

Секцию «История и археология» открывал доклад Н.Н. Крадина (Владивосток) «Итоги российско-монгольских исследований городов империи Ляо». В ходе работ последних лет были составлены археологические карты долин рек Керулен и Тола, раскопаны городища Чинтолгой-балгас, Эмгэнтыйн-хэрэм и Хэрмэн-дэнж, судя по всему представлявшие собой крепости, защищавшие северозападные границы киданьской империи Ляо (907–1125). Находки, несомненно, интересны, поскольку ранее считалось, что строительство (столичных) городов в степях практиковалось только уйгурами и монголами. Было найдено большое количество данных о проживании в городах или их окрестностях бохайцев. Это полностью совпадает с сообщениями письменных источников о

переселении в этот район нескольких сотен бохайских семей для продовольственного обеспечения киданьских гарнизонов. Сообщение Ю.С. Худякова (Новосибирск) было посвящено опыту, накопленному коллективом кафедры археологии и этнографии Новосибирского университета в области подготовки специалистов по археологии Центральной Азии, а также международному сотрудничеству, в рамках которого прошли обучение и защитили диссертации десятки ученых из Монголии, Казахстана, Киргизии. Т.И. Юсупова (Санкт-Петербург) выступила с докладом «Некоторые особенности историографии русско-монгольского научного сотрудничества».

В докладе Э.А. Тумахани (Улан-Удэ) «Средневековые письменные источники по межкультурным связям монголов» было высказано предположение о том, что письменный монгольский язык сложился гораздо раньше XII–XIII вв., на что указывают лингвистические исследования основных письменных памятников эпохи Монгольской империи. Открытым остается вопрос о том, когда в действительности монголы освоили письмо, возможно, это также произошло несколько раньше, чем принято считать. С.В. Дмитриев (Москва) в докладе «Легендарная история уйгуров в “Стеле о заслугах идук-кутов Гаочанванов”». Некоторые размышления» изложил интересную версию чудесного рождения первого уйгурского правителя из нароста на дереве, высеченную на двуязычной стеле, датируемой 1334 г. По всей видимости, эта легенда была разработана уйгурами уже в Турфане, куда они бежали после падения Уйгурского каганата в середине IX в., возможно, воспринята от тюрк-басмылов, живших в Турфане до того. Также не исключено, что она оказала влияние на так называемое Ойратское ханство (Союз четырех ойратов), которое в первой половине XV в. во главе с чоросскими тайшами успешно боролось за господство в степях: зафиксированная в ойратском фольклоре легенда о рождении первопредка чоросов очень близка к рассмотренной. Возможно, это говорит о том, что ойраты создавали свое первое государство под некоторым влиянием турфанских уйгуров.

М.С. Гаджиев (Махачкала) в докладе «Даг-бары – Великая кавказская стена Сасанидской эпохи» обобщил итоги археологического изучения фортификационной системы Горной стены (тюрк.-перс.: Даг-бары) – составной части Дербентского оборонительного комплекса, возведенного в конце 560 – начале 570-х годов Сасанидами для защиты северных рубежей империи и перекрытия Дербентского коридора – единственного удобного пути

пересечения Кавказского хребта. Помимо знаменитой цитадели Дербента в состав оборонительных вооружений входят 42 км стен, усиленных 61 фортом. Горная стена использовалась по назначению до XIII в. Р.У. Каримова (Алматы) выступила с сообщением «Из истории древних и средневековых городов Восточного Туркестана».

А.О. Захаров (Москва) в докладе «Ранняя царская эпиграфика Юго-Восточной Азии V–VIII вв.» на основании типов текстов ранних санскритских надписей региона: поэтического, прозаического и смешанного, а также применения разных поэтических размеров в разных районах ЮВА, предположил, что индийская поэтика заимствовалась из разных источников. В.Р. Атнашее (Санкт-Петербург) в докладе «Государство Чампа как перекресток цивилизаций» рассказал об истории проникновения индуизма, буддизма и ислама на территорию Центрального Вьетнама.

Ю.А. Аверьянов (Москва) в докладе «Средневековые письменные источники по мировоззрению алевитов Турции» подчеркнул специфику произведений алевитской традиции, принадлежащей шиитским сообществам «кызылбашей», или «алевитов», в турецкой литературе. К.Г. Муратшина (Екатеринбург) в докладе «О некоторых особенностях китайской трактовки истории взаимоотношений с Россией» привлекла внимание к расхождениям между российской и китайской официальными версиями ряда исторических событий. А.В. Антошин (Екатеринбург) в докладе «Формирование и развитие представлений о странах Ближнего и Среднего Востока у населения Южного Урала в середине 1940 – начале 1950-х годов. (По материалам Центра документации новейшей истории Оренбургской области)» исследовал пути распространения сведений о событиях на Ближнем и Среднем Востоке через местную прессу, программы курсов и отчеты партийных лекторов.

В.М. Красин (Калуга) показал «Перспективы привлечения документов органов власти Российской империи, посвященных ссылке с Кавказа, в изучении тарикатов накшбандийя, кадирийя и шазилийя». К.Т. Аксонов (Казань) в докладе «Первая Балканская война 1912–1913 гг. и волгоуральские татары (к столетию начала Первой Балканской войны)» реконструировал восприятие и формы участия татар в прелюдии Первой мировой войны. Л.А. Черешнева (Липецк) в докладе «К 70-летию “Августовской революции” 1942 г. в Индии: новые документы и дискуссионные проблемы» пришла к выводу о том, что это было массовое антибританское

движение под лозунгом «Оставьте Индию!», сочетавшее ненасилиственные и вооруженные методы борьбы против колониального режима. И.Ю. Морозова (Берлин) в докладе «Перестройка в Советской Средней Азии и Социалистической Монголии: формирование нового неравенства через споры внутри элиты» описала перестроечные процессы как смену властных (высказывавшихся политической элитой) дискурсов через деконструкцию старых речевых оборотов. А.А. Кириченко (Москва) в докладе «Коминтерн и концепция Великой Восточной Азии как ведущие идейные течения в политике СССР и Японии до Второй мировой войны» напомнил основные вехи внешней политики Японии в первой половине XX в.

Первое заседание секции «Культуры и религии народов Востока» открыл доклад Тауфика Ибрагима (Москва) «Перспективы реформаторства в исламе». Т. Ибрагим заявил, что для реформации ислама необходима десакрализация священных текстов. Священный текст допускает различные интерпретации, реформаторство – это одна из его интерпретаций.

Г.Г. Зайнуллин (Казань) в докладе «Ислам в Корее» рассказал об истории возникновения и развития ислама в Южной Корее, где в настоящее время имеется свыше 20 мечетей, четыре исламских центра и около 50 молельных домов. После 1917 г. некоторое число татар эмигрировало в Корею. Сейчас в Республике Корея существует татарская национальная община. Есть Корейская ассоциация исламских общин, в Сеуле открыты мечеть, медресе, мусульманское кладбище. Коран был переведен на корейский язык. С 1950-х годов возникла новая тенденция – появились корейцы, которые принимают ислам.

Д.В. Фролов (Москва) в докладе «Корановедение: перспективы исследования» подчеркнул, что Россия стала поликонфессиональной страной (какой и была ранее). Ислам для России всегда был «домашним», евроцентризм всегда был более мягким, чем на Западе. Развивается отечественное корановедение, причем в этом процессе участвуют как ученые-мусульмане, так и ученые-немусульмане, между которыми ведется диалог. Главное состоит в том, что полемика должна быть конструктивной. Возросло значение исламоведения в востоковедческом образовании.

В.В. Иванов (Казань) в докладе «“Татаризация” миссионерской деятельности новых религиозных движений неопротестантского типа в Урало-Поволжье» рассказал об активизации деятельности в регионе Свидетелей Иеговы и других протестантских сект,

которые ведут миссионерскую деятельность на татарском и башкирском языках.

Ф.Ш. Нуриева (Казань) в докладе «Исламские источники в памятнике XIV в. “Нэпжел-Фэрадис”» отметила, что в анализируемом ею источнике отражены все стороны духовной культуры татар и что он показывает распространение ислама в Поволжье. Средневековому источнику был посвящен и доклад Р.Р. Эльсабрутпи (Казань) «Арабская рукопись “Жемчужины дикувин и чудес”». Тема доклада Х.Ю. Миннегулова (Казань) – «Античная литература и ее элементы в тюрко-татарской словесности». Многие произведения древнегреческой литературы дошли до нас в переводах с арабского. Татары приняли ислам в VII–VIII вв. и были хорошо знакомы с арабо-персидской литературой. Ф.Ш. Сибагатов (Уфа) в докладе «Жанр сира в творчестве Р. Фахретдинова» рассказал об этом виде народного романа – жизнеописания в башкирской литературе.

Наряду со средневековыми рукописями предметом обсуждения стали и новейшие средства коммуникаций. Е.И. Гришаева (Екатеринбург) сделала доклад «Позиционирование исламских ценностей в Рунете» на основе анализа трех сайтов (islamtoday.ru; islam.ru; islamio.ru). Она отметила, что важное место на этих сайтах занимают вопросы отношений в семье, взаимоотношений родителей и детей, проблемы образования.

Э.С. Львова (Москва) в докладе «Традиционные верования африканских народов сегодня» выделила три периода: полное господство традиционных верований; приход в Африку мировых религий – христианства и ислама; современный период. Христианство было принято в Эфиопии в IV в., в Конго – в XV в.; ислам пришел в Африку в VII в. Сегодня 30% населения Тропической Африки исповедуют ислам. Современный период характеризуется в Африке сочетанием ислама и христианства с традиционными верованиями (например, культом плодородия), религиозным синкретизмом. В целом Африка дает пример религиозной толерантности.

Ряд докладов был посвящен проблемам современных литератур стран Востока. М.Н. Суворов (Санкт-Петербург) в докладе «Проблемы и перспективы изучения в России современной арабской литературы» отметил глубокий спад в изучении современной арабской литературы в России, указав на острую нехватку специалистов – арабистов-литературоведов. В 1990-х годах молодые арабисты не шли в науку, арабской литературой занимается незначи-

тельное число энтузиастов. Публикуется мало переводов арабских литературных произведений на русский язык. Между тем в арабской литературе в условиях глобализации проявляются новые черты: прежде всего это снятие табу, что видно у таких авторов, как Аль-Асвани, Зейдан. Д.Р. Хайрутдинов (Казань) в докладе «Научная фантастика в современной арабской литературе» отметил, что арабской культуре присущи фатализм, нежелание заглядывать в будущее. Фантастических произведений немного, преобладают исторические и любовные романы. На Арабском Востоке фантастика менее популярна, чем в Южной Корее, Японии, Китае, так как ее можно заподозрить в атеизме. Однако в Средние века арабские авторы были известны своими сказочно-фантастическими произведениями и снискали ими себе большое признание в Западной Европе. Сегодня в Египте, в Марокко появляются новые произведения в жанре научной фантастики.

А.М. Нигматуллина (Казань) выступила с докладом «Творчество женщин-писательниц в современном литературном процессе Турции», в котором проанализировала роман «Улица Спокойствия», а также другие романы современных турецких писательниц. Гендерной проблематике было посвящено и выступление Е.Ф. Суховой (Нижний Новгород) «Прогрессивная роль первых арабских женских журналов в изменении положения женщин Арабского Востока. (Этапы развития женской журналистики на Арабском Востоке)». Она разделила историю развития этих журналов на несколько периодов, охарактеризовала особенности каждого из них. Первый женский журнал возник в Александрии, его редактором была Салима Саркиса.

На съезде неоднократно говорилось (например, Р.М. Валеевым на первом пленарном заседании) о том, что важным аспектом востоковедных исследований является история отечественного востоковедения и востоковедов. Н.Г. Романова (Москва) рассказала об итогах осуществления научного проекта ИВ РАН «Память и война. Воспоминания востоковедов о Второй мировой войне». Участниками проекта был проведен опрос востоковедов – участников войны, тружеников тыла, детей войны, блокадников.

В выступлениях на секции большое внимание было уделено проблемам модернизации стран Востока, влиянию на них глобализации. О столкновении западных ценностей и традиционных ценностей арабского общества речь шла в докладе А.И. Яковлева (Москва) «Развитие культуры в модернизированном обществе Востока: опыт Саудовской Аравии на рубеже XX–XXI вв.». Он

отметил сложность и неоднозначность процессов, происходящих в саудовском обществе. Образование становится в нем ценностью, повышающей социальный статус.

Н.Н. Цветкова (Москва) выступила с докладом «Страны Востока и глобализация: многофакторный анализ». Глобализация как объективный процесс усиления взаимозависимости национальных экономик охватывает не только экономические, но и политические, социальные процессы, затрагивает культуру принимающих обществ, причем культуру, понимаемую как сущностное начало цивилизации. Реальная включенность страны в глобализацию может быть оценена на основе ряда параметров (балансовая стоимость ПИИ, в том числе на душу населения, по отношению к ВВП; объем экспорта, доля в мировом экспорте; показатели миграционных потоков). Глобализация и идущая информационно-коммуникационная революция усиливают стремление к утверждению национальной, этноконфессиональной идентичности, стремление отмежеваться от социокультурной модели, направленной на унификацию мира по западному образцу.

Одно из заседаний секции «Культуры и религии стран Востока» было полностью посвящено проблемам Восточной Азии, российского Дальнего Востока. В докладе Патрика Франке (Германия) «Суннитско-шиитский конфликт и борьба за плюрализм в исламе» речь шла об истории борьбы разных течений в исламе и усилиях сторонников плюрализма в этой религии. Несмотря на то что исламу нередко удавалось найти пути решения конфликтов, новые вызовы возникают довольно часто; современность не исключение. Однако стремление к примирению и компромиссу, кажется, также не ослабевает. Л.Б. Бадмаева (Улан-Удэ) в докладе «Шаманистическая терминология бурят по летописным источникам» рассмотрела ряд малоизвестных бурятских летописных памятников, проанализировала их структуру и лексику, обратив особое внимание на описание шаманистских обрядов, шаманскую лексику. Е.Н. Дувакин (Москва) в докладе «Сибирско-монгольские связи в области шаманской мифологии» представил результаты своего исследования по выявлению связей между мифологическими сюжетами легенд о шаманах у народов Сибири и Монголии. Им обработано около 600 текстов 34 устных традиций (прежде всего народов Сибири), выделено 120 мотивов. Замечено, что сказания тюрко-монгольских народов региона очень схожи, хотя ближайшими соседями многих из них (например, якутов) являются народы других языковых семей. Многие бурятские сказания на

буддийские сюжеты на поверку оказываются происходящими из легенд о шаманах. В будущем планируется добавить в базу данных исследования материал из Монголии и Северной Америки.

В тематике секции было представлено музыковедение. В докладах уделялось внимание социокультурным функциям традиционной музыки.

Л.Д. Дашиева (Улан-Удэ) в докладе «Семантика обрядовых протяжных песен монгольских народов» подчеркнула важность изучения музыкального наследия монгольских народов и посетовала, что музыковедческая тематика обычно выпадает из поля зрения востоковедов. Она также рассмотрела ряд легенд о происхождении монгольских протяжных песен. По ее мнению, многие их особенности могут быть объяснены степным ландшафтом, большую роль играет и подражание звукам природы. В.Ю. Сузукей (Кызыл) говорила о музыкальном наследии кочевых народов.

К.В. Орлова (Москва) в докладе «Монгольские рукописные собрания в Улан-Баторе» выявила особенности собраний рукописей и ксилографов из монгольских коллекций. Г.Т. Телебаев (Алматы) в докладе «Ислам в современном Казахстане» охарактеризовал современное состояние ислама в республике на основании данных социологического опроса 2010 г. В докладе Ж.Д. Доржиевой (Улан-Удэ) шла речь о воспитании Чингисхана и его положительной роли в истории монгольского народа и человечества в целом. По мнению докладчика, принципы формирования личности, известные по описаниям воспитания Чингисхана, содержащимся в «Сокровенном сказании монголов», могут использоваться и сейчас, поскольку позволяют научить человека жить в ладу с природой и окружающими.

На секции «Востоковедческое образование» Г.К. Прозорова (Москва) выступила с докладом «Развитие востоковедения в Дипломатической академии МИД России». Она отметила, что Академия – открытое учебное заведение, которое занимается подготовкой и переподготовкой дипломатических кадров и международных работников. Востоковедная подготовка определяется характером современного мирового развития. Г.К. Прозорова рассказала об одной из старейших кафедр восточных языков, где разработана методика интенсивного обучения восточным языкам, и о научном подразделении Академии – Институте актуальных международных проблем, в котором активно развиваются азиатское, ближневосточное и средневосточное направления исследований и все

большее внимание уделяется проблематике евразийского пространства.

А.А. Хаматова (Владивосток) выступила с докладом «О подготовке востоковедов в Дальневосточном федеральном университете в новых условиях». В условиях глобализации и интернационализации образования расширились возможности для стажировок студентов в стране изучаемого языка, что повышает качество языковой подготовки. Вместе с тем после введения ЕГЭ в школах наблюдается падение общекультурного уровня и уровня владения родным языком, что затрудняет подготовку переводчиков. А.А. Хаматова предложила поставить вопрос о возврате к выплатам надбавок и предоставлению дополнительных льгот преподавателям-востоковедам, как это было в 1960-х годах, с тем чтобы привлекать к преподаванию молодые кадры.

Ряд докладов был посвящен проблемам подготовки специалистов определенного профиля: индологов, арабистов, китаистов. О проблемах подготовки индологов речь шла в докладе И.П. Глушковой (Москва) «Утрата индийской регионалистики как исследовательского направления и проект-группа “Под небом Южной Азии”». В то время как в 1950–1970-х годах имел место настоящий бум подготовки специалистов со знанием различных языков Индостана, после перестройки такая подготовка прекратилась. Сохранить исчезающее направление – изучение региона стран Южной Азии – призвана проект-группа «Под небом Южной Азии», созданная в рамках Центра индийских исследований ИВ РАН. Проблемам индологических исследований было посвящено и выступление Т.Н. Шаумян (Москва) «Индология: вчера, сегодня – и завтра?».

О проблемах изучения Китая говорил А.И. Кобзев (Москва). Он подчеркнул, что востоковедение исторически сложилось как комплексная научная дисциплина, поскольку объект его изучения отличается взаимозависимостью форм культуры, принципиально большей чем на Западе. Никакое серьезное явление культуры Китая не поддается пониманию без знания китайского языка, иероглифики. Китайцы – носители самой древней из живых цивилизаций, которая обладает наиболее длительным и подробным самоописанием. Китаеведение первоначально складывалось как соединение филологии с историей; позднее к этому добавилась экономика (политэкономия). Лишь недавно, с колоссальным запозданием, в подготовку китаистов была включена философия, которая для Китая имеет ключевое значение.

В докладах на секции проблемы подготовки востоковедов рассматривались на конкретных примерах ряда высших учебных заведений (КФУ, РГГУ, РУДН, Алтайского государственного университета, Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета) и регионов (Башкортостана, Дагестана, Татарстана, Дальнего Востока). Большое внимание было уделено проблемам тюркологии, творчеству выдающихся тюркологов – Н.Ф. Катанова (открытие выставки, посвященной его творчеству, состоялось 28 сентября) и В.В. Радлова.

Б.М. Ягудин (Казань) на примере Центра евразийских и международных исследований Казанского университета рассказал об «Опыте научно-исследовательских центров по изучению проблем Евразии». Роли и месту востоковедения в отечественной науке и образовании посвятил свое выступление «Историческое образование и востоковедение в России: исторический опыт и современные проблемы» В.Г. Дацышен (Красноярск). О востоковедных проектах, которые ведутся учеными Башкортостана, говорилось в совместном докладе И.Г. Галяутдинова, А.В. Псянчина, Ю.В. Псянчина, Ф.Г. Хисамитдиновой (все – Уфа) «Востоковедение в Республике Башкортостан в 2010–2012 гг.: итоги и перспективы». А.В. Старцев (Барнаул) прочел доклад «Подготовка востоковедов в Алтайском государственном университете». Доклад М.Б. Рукодельниковой (Москва) «К 20-летию востоковедения в РГГУ. Итоги и перспективы» был посвящен кафедре восточных языков, которая за 20-летний период своего существования подготовила специалистов, востребованных не только в России, но и за рубежом.

На секции «Политология» о Евразии в историческом контексте говорил О.В. Лушников (Пермь) в докладе «Трансформация “Монголосферы” и постимперские процессы в Евразии».

В.В. Грайворонский (Москва) в докладе «Государственная политика Монголии в области поддержки монголоведения в мире» отметил, что в Монголии невысокий ВВП на душу населения, но она выделяет средства на поддержку исследований по монголоведению. В Улан-Баторе проводятся международные летние школы монголоведов. Создана Международная ассоциация монголоведов. В России действует Российское общество монголоведов во главе с Б.В. Базаровым. Число студентов, изучающих монгольский язык, в России сокращается. Но появляются новые центры по монголоведению в Туве, Кызыле.

Е.А. Фомичёва (Москва) выступила с докладом «Политическое развитие Таиланда в конце XX – начале XXI в.». Политическая система Таиланда представляет собой сочетание Востока и Запада. Важнейшие полюсы влияния – партии, армия, королевская власть. Баланс между разными группами поддерживается через два механизма – выборы и перевороты. В XX в. в Таиланде произошло 19 переворотов. Правительства менялись, но у власти оставалась та же политическая элита. В 1980-х годах появилась новая элита – «новые тайландцы», сформировавшаяся вследствие экономического роста в провинциях. Она умело применяет технологии мобилизации масс с помощью СМИ, Интернета, а также простые лозунги: «Долой власть!», «За честные выборы». Для общей идентификации сторонников той или иной силы используются разноцветные рубашки – красные, желтые и черные. Такая ситуация может привести страну к «управляемому (ли?) хаосу», смене элит, дестабилизации. Часть мировых элит стремится к десуверенизации государств. С замечанием по поводу концепции «управляемого хаоса» выступил А.Б. Подцероб (Москва). Он отметил, что опыт стран Ближнего и Среднего Востока показывает, что хаос перестает быть управляемым. США в своей политике на Ближнем Востоке просчитывают свои действия на шаг, на полтора, но не больше.

С докладом «Ислам и власть в Индонезии в период реформ (1998–2012)» выступил А.Ю. Другов (Москва), отметивший, что Индонезия представляет собой полиэтническое, поликонфессиональное государство. Наложение этноконфессиональных проблем на социальные создает критическую массу. Ни одной из конфессий официально не отдается приоритета, но ислам оказался идейным оформлением национализма. Глобализация многими индонезийцами воспринимается как усиление воздействия Запада. Исламские ценности противопоставляются западным. Однако идея создания всемирного халифата не встречает поддержки у индонезийских мусульман. Все население страны может консолидироваться в случае угрозы распада национальной государственности.

Е.М. Астафьева (Москва) в докладе «Механизмы регулирования межконфессиональных и межнациональных отношений. Мировые тенденции и опыт Сингапура» отметила, что Сингапур достиг немалых успехов в регулировании межконфессиональных отношений. Все граждане обязаны проявлять терпимость и сдержанность, религия должна быть отделена от политики. О.В. Си-

венцева (Пермь) выступила с докладом «Имплантация политических институтов в Китае».

Большое внимание на секции было уделено событиям «арабской весны». Б.В. Долгов (Москва) в докладе «“Арабская весна” в Северной Африке: причины и перспективы» подчеркнул, что в Тунисе и Египте главными причинами антиправительственных выступлений стали внутренние факторы – социально-экономический кризис, коррупция и nepотизм правящей верхушки, отсутствие реальных демократических свобод, в Ливии же решающую роль сыграл внешний фактор – военная поддержка оппозиционных сил извне. Главными предварительными итогами «арабских революций» является усиление роли ислама и приход к власти движений «политического ислама» практически во всех странах, затронутых «арабской весной». Ее перспективы во многом зависят от того, насколько успешно новые режимы сумеют решить или хотя бы ослабить острые социально-экономические проблемы, против которых был направлен протестный потенциал арабских революций. Событиям в арабских странах были посвящены и доклады А.Б. Подцероба (Москва) «Арабская весна. Роль исламистов» и Э.Э. Имамкулиевой (Москва) «Осмысление причин и последствий “арабской весны” в исторической перспективе».

На секции «Экономические отношения» был заслушан обстоятельный доклад И.Р. Томберга (Москва) и И.Ю. Авдакова (Москва) о деятельности Центра энергетических и транспортных исследований ИВ РАН. Основным направлением работы Центра является изучение экономических, технологических, коммерческих аспектов формирующегося азиатского энергетического рынка, а также транспортного сектора экономик стран Азии и Дальнего Востока России. Р.И. Беккин (Казань) рассказал о преподавании исламской экономики как учебной дисциплины в Институте востоковедения и международных отношений Казанского университета, о значении этой дисциплины в подготовке кадров различных профилей. Г.И. Смирнова (Москва) в докладе «Проблемы социально-экономического развития Республики Судан и Республики Южный Судан» рассмотрела весьма непростую социально-экономическую ситуацию, которая сложилась после разделения Судана на два государства, возникшие проблемы и перспективы их решения. Особенно остро стоят вопросы с распределением доходов от экспорта нефти, с транспортировкой нефти, с развитием инфраструктуры, вопрос о разделе реки Нил. Г.Л. Гукасян (Москва) сделал доклад «Стратегия экономической модернизации в

арабских нефтеэкспортирующих странах Персидского залива (на примере Саудовской Аравии, ОАЭ, Кувейта)». Наиболее сложными аспектами данной проблематики являются следующие: как сделать экономику этих стран более открытой и вместе с тем укрепить местные хозяйственные структуры, как расширить рыночную сферу и сохранить государственный контроль над ней и «социальный договор» между населением и властью в условиях снижения доли госсектора в экономике и возможного уменьшения ассигнований нефтяной ренты на социальные цели.

В ходе работы съезда были подписаны соглашения о сотрудничестве между Институтом востоковедения РАН и Казанским (Приволжским) Федеральным университетом, между Институтом Африки РАН и КФУ, между Институтом восточных рукописей РАН и КФУ, между Институтом востоковедения и международных отношений КФУ и Институтом Юнуса Эмре (Турция). На пленарном заседании вице-президент Общества востоковедов А.А. Столяров (Москва) сделал доклад «Создание электронной библиотеки “Научное наследие России”» (адрес e-heritage.ru). Вице-президент Общества востоковедов России К.В. Бабаев (Москва) рассказал о перспективах работы Общества. Оно имеет сайт, на котором будут размещаться материалы конференций. Общество намерено ввести подписку на электронную рассылку новостей российского востоковедения, издавать бюллетени, поддерживать создание новых подразделений и дочерних обществ, вести просветительскую, образовательную и культурную деятельность. Для финансирования планируется привлекать спонсоров, ввести институт корпоративного членства. Руководители научных центров должны входить в правление Общества. Большое внимание будет уделяться международному сотрудничеству, связям с ИКАНАС, с научными центрами за рубежом. На пленарном заседании выступил также директор Института Юнуса Эмре Али Фуад Валь-хан (Турция), рассказавший о сотрудничестве Турции с зарубежными специалистами-тюркологами. На заключительном пленарном заседании по предложению В.В. Наумкина президентом Общества российских востоковедов на 2012–2014 гг. был избран директор Института востоковедения и международных отношений КФУ, проректор КФУ Л.Н. Латыпов.

Следующий, IX съезд российских востоковедов состоится в 2014 г.

«Восток (Oriens)», М., 2013 г., № 1, с. 144–152.

**РОССИЯ
И
МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР
2013 – 7 (253)**

Научно-информационный бюллетень

Содержит материалы по текущим политическим,
социальным и религиозным вопросам

Художественный редактор Т.П. Солдатова
Компьютерная графика
Н.М. Власова, Е.Е. Мамаева

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953.П.5008.8.99 от 23.08.1999 г.
Подписано к печати 2/V-2013 г. Формат 60x84/16
Бум. офсетная № 1. Печать офсетная. Свободная цена
Усл. печ. л. 10,25 Уч.-изд. л. 9,6
Тираж 300 экз. Заказ № 108

**Институт научной информации
по общественным наукам РАН,
Нахимовский проспект, д. 51/21,
Москва, В-418, ГСП-7, 117997**

**Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий
Тел. Факс (499) 120-4514
E-mail: inion@bk.ru**

**E-mail: ani-2000@list.ru
(по вопросам распространения изданий)**

Отпечатано в ИНИОН РАН
Нахимовский пр-кт, д. 51/21
Москва В-418, ГСП-7, 117997
042(02)9

